АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т9 5/169

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1650 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Т9 5/159

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1650 ГОДА

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVII ВЕКА

3 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь акад. *В. П. ВОЛГИН*

Август 1935 г.

Редактор акад. *Б. Д. ГРЕКОВ*

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. музея
№ 10968
3 XII 1935 г.

ГЛАВА 1

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОЛОВИНЕ XVII В. И ВОССТАНИЕ 1648 Г. В МОСКВЕ

В половине XVII века Московское государство, несомненно, переживало тяжелый кризис. Глубокое недовольство московскими порядками и новой династией охватывало широкие массы населения. Уже на земском соборе 1642 г. слышатся горькие жалобы на московскую волокиту и разорение от неправедных судов. Посадские люди говорят, что они „оскудели и обнищали от даточных людей, от подвод, что мы сироты твои, давали тебе государю в смоленскую службу, и от поворотных денег, и от городового земляного дела, и от твоих государевых великих податей и от многих целовальничь служеб“. Но так говорят не одни посадские люди. Дворяне заявляют еще энергичнее свое недовольство существующими порядками — „разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов“. На Москве в это время ходят слухи про бояр, „что боярам от земли быть побитым“. Об этом, например сообщает своим родным нижегородец, сын боярский Прохор Колбецкий. Он пишет о московских слухах и предлагает подождать с обменом землями, потому что деревня, предполагаемая к промену, поставлена на чужой земле

насильством и надо погодить до царского указа, „что на сильных на Москве сделается, за то земля встала".

На соборе 1642 г. выступала легальная оппозиция торговых людей и дворян, тогда как письмо Колбецкого передавало слухи, волновавшие широкие народные массы. Правление первого Романова было отмечено крайней слабостью царской власти и произволом сильных людей. Известный Котошихин, бывший в свое время подьячим Посольского приказа, и, таким образом, прекрасно осведомленный о московских порядках, прямо пишет, что „царь Михайло Федорович, хотя самодержцем писался, однако, без боярского совету не мог делати ничего". Это мнение Котошихина подтверждается другими известиями. В 1625 г. на съезде шведских и русских послов один из шведов открыто говорил послам Московского государства: „вашь де государь не владеет ничем, а владеют де у него чернецы и князи и бояре". Таким безвольным и „безгосударным" казался царь Михаил Федорович иностранцам. [1]

Вступление царя Алексея Михайловича на престол только углубило общественное недовольство. В своем „Курсе русской истории" В. О. Ключевский в лице царя Алексея рисует образ добродушного, тихого человека, но и сам Ключевский признает, что не знает „другого древнерусского человека, который производил бы более приятное впечатление, но только не на престоле". Конечно, с портретом царя Алексея, нарисованным Ключевским, трудно согласиться. Ключевский рисовал этот портрет розовой краской. На самом деле, царь Алексей отличался значительной долей не только самодурства, но и жестокости. К тому же с первых дней своего воцарения, Алексей показал себя малоспособным правителем, отдавшим государство всецело на произвол своих фаворитов, вначале Морозова, позже патриарха Никона. Действительным правителем государства в первые годы царствования Алексея Михайловича был боярин Борис Иванович Морозов. [2] Несомненно, Морозов был незаурядным человеком. Он обладал тем ценным качеством, которое отсутствовало у царя Алексея, — волей. Морозов необыкновенно цепко держался за власть, раздав все наиболее важные должности своим приближенным. По двор-

цовым разрядам можно проследить возвышение креатур Морозова, с именами которых нам придется часто встречаться в истории восстания 1650 г. 1 октября 1645 г. был пожалован окольничеством Н. С. Собакин, впоследствии псковский воевода в 1648—1650 гг., в 1649 г. был пожалован в боярство князь И. Н. Хованский, в 1650 г. был пожалован в окольничие князь И. А. Хилков, позже назначенный воеводою в Новгород.

Возвышение Морозова вызвало крупное недовольство больших вельмож, отстраненных от дел правления или оттесненных на задний план. Во главе этой партии больших людей стоял царский дядя Н. И. Романов и князь Я. К. Черкасский. Оба они обладали громадными богатствами. Романову принадлежали целые слободы, заселенные беглыми людьми, спасавшимися под высокую руку царского родственника. Насколько был непопулярен Морозов, настолько в широких народных массах прославлялось имя Н. И. Романова, который „праведному государю во всем радеет и о земли болит“. Конечно, это представление о Никите Ивановиче как народном благодетеле было чрезвычайно далеко от действительности. Романов и Черкасский находились в оппозиции правительству, и это их окрашивало в благоприятные тона народных радетелей. На самом деле, в лице Романова и Черкасского противостояла Морозову группа крупных придворных людей, обиженных владычеством фаворита.

Правление Морозова сопровождалось откровенным грабительством. Тяжелое положение народных низов и их недовольство выразились в восстании 1648 г. История московского восстания не входит в задачу моей работы, но оно было так тесно связано с последующими событиями в Пскове, что на нем необходимо несколько остановиться. Восстание 1648 г. имеет целую литературу и, тем не менее, до сих пор остается в достаточной мере неясным. В особенности мало освещены те социальные силы, которые выступили в этом восстании. Между тем наши источники совсем недвусмысленно говорят об участниках восстания. В одной летописи XVII в. сообщается, что на Плещеева и его заступников с Б. И. Морозовым во главе восстали „всею землею“. Летописец отожествляет по-

нятие „всей земли“ с другим понятием — „мира“, употребляя их рядом: „миром и всею землею положили на ево государскую волю“. Уже это название „мир“ показывает те круги, в которых зародилась идея восстания. Это была среда посадского люда, нередко объединявшегося понятием „мира“, в данном случае мирского схода. Псковская летопись говорит об участии посадских людей в восстании 1648 г. еще более определенно: „бояринa и околничего посацкие люди обезчестили и платье на них ободрали“. После этого всякие люди пошли от дворца прочь „и учали разбивать дворы боярские“. Далее оказывается, что, кроме бояр, были разграблены дворы некоторых гостей (например Василия Шорина) и „всяких дворян грабили с сорок и болши“. О разграблении 36 купеческих домов рассказывает „Лейденская брошюра“. Новый летописец прямо говорит: „приходили посадские и всякие черные люди скопом на дворец с великим невежеством“. Таким образом, движущей силой восстания были посадские люди. В свете этих известий становится ясным, что восстание было направлено не только против одних бояр и приказных людей, но и против всей привилегированной верхушки московского общества половины XVII в., в первую очередь против гостей, крупных торговых людей и дворян. Таким образом, восстание 1648 г. носило ярко классовый отпечаток. Шведский резидент Поммеринг, упоминая в своем донесении от 6 июля 1648 г. о „простом народе“, оттеняет в то же время и роль стрельцов. По его словам, стрельцы сказали, что „сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но готовы вместе с ним избавить себя от их насилий и неправд“. Отрывок из летописи, упомянутый ранее, рассказывает о пожаловании стрельцов хлебным и денежным жалованьем вдвое. Таким образом, рядом с посадскими людьми как их союзники выступили стрельцы. Об этом говорит и „Лейденская брошюра“: „стрельцы, жалованье которым было убавлено... приняли сторону народа“. Следовательно, посадские люди и стрельцы были движущими силами московского восстания 1648 г. Этим объясняются перемены в управлении Московским государством, проведенные во время восстания. В Палате у дел стал сидеть боярин Н. И. Романов, а в Стрелецком и Иноземном приказах

и в Новой Чети князь Я. К. Черкасский. Романов и Черкасский пользовались влиянием именно в посадской и стрелецкой среде.

Восстание 1648 г. зародилось в среде посадских людей, вернее, меньших и середних посадских людей, поддержанных в решительную минуту стрельцами. Но уже в это время заметны были признаки того, что это движение не ограничится только средой дворян и посадских людей. Есть известие, что в июне 1648 г. боярские холопы просили царя вернуть им свободу, после чего 6 из них были обезглавлены, а 72 заключены под стражу.

Одежда знатного московита.

Под угрозой нового восстания московское правительство делает ряд уступок. Непосредственным следствием восстания был созыв земского собора, составившего Уложение 1649 года. Выдачами жалованья задабриваются стрельцы и другие ратные люди. Князь Черкасский играет роль народного любимца и в сентябре 1648 г. угощает водкой стрельцов в своем доме. Временные уступки оказались крайне ненадежными. В октябре в Москву возвращается Морозов, а в конце того же месяца Черкасскому „с двора в город съезжать не велено". В Москве производятся многочисленные аресты среди стрельцов и посадских людей. Участников восстания 1648 г. сажают под арест и ссылают из Москвы под разными предлогами, обвиняя в продаже табака или водки, игре в карты и в кости. В январе 1649 г. идут слухи о новом заговоре против Морозова. Множество людей гибнет на пытках при допросах. На площадях про-

изводятся открытые казни. Рубят головы, отрезают языки, но толки о новом восстании не прекращаются. Холопы не хотят сражаться за своих господ. Стрельцы дерзко выступают против царя. Даже обиженные боярские дети открыто заявляют, что „они зделают еще лутче летошнего". Закладчики грозятся также новым восстанием: „пристанут к нам стрельцы и всякие люди".[3]

Московские события 1648 г. не были изолированными. В 1648—1650 гг. восстания и волнения охватывают ряд городов Московского государства (Курск, Козлов, Устюг, Сольвычегодск и др.). Наибольшей же силы революционное движение достигло в Пскове, который в продолжение 6 месяцев фактически не подчинялся московскому правительству. Поэтому история псковского восстания 1650 г. имеет право на определенное место в истории революционных движений XVII в.

ГЛАВА 2

ПСКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Псков в первой половине XVII в. занимал особое положение в Московском государстве. Географическая обособленность Пскова, его порубежное положение и отдаленность от центра создавали благоприятные условия для сохранения здесь особых порядков, восходивших еще к эпохе псковской „вольности". Правительство Московского государства с особой осторожностью относилось к Пскову. Псковский летописец в 1510 г. прямо говорит, что Василий III не шел на Псков с войском, боясь, что псковичи будут искать помощи в Литве.

Падение Пскова в 1510 г. сопровождалось сохранением некоторых старинных привилегий. Об них говорит сам великий князь Василий Иванович, требуя выполнить его волю, уничтожить вече и принять двух наместников. Василий обещает соблюсти псковскую старину, обнадеживая псковичей словами: „вы еще в старине проживете". В этом же году он дает псковичам уставную грамоту, как им „впредь жити". В чем заключалась эта грамота, мы не знаем, но за то псковский летописец сообщает нам о том, как организован был суд после взятия Пскова. В суде с наместниками и тиунами сидели 12 городничих, 12 московских старост и 12 псковичей, назначение которых было „правды стеречи".

Слова о старине псковской нельзя рассматривать как простую формальность. Режим в Пскове имел крупные отличия от московских городов. Новгород и Псков имели уставные грамоты, по которым они жили после уничтожения самостоятельности и присоединения к Москве. В рассказе летописи о насилиях наместников над псковичами встречаем характерную фразу: „псковитин, кто молвит великого князя грамотою, почему от поруки имати велено, и оне того убьют". Следо-

вательно, в уставной грамоте давались Пскову определенные судебные льготы. Несомненным возвращением к этим судебным льготам была грамота псковичам 1541 г. „судити и пытати и казнити псковичем разбойников и лихих людей".

Характерным пережитком псковской самостоятельности в XVI в. был обычай московских великих князей вести переговоры с некоторыми странами через псковских и новгородских наместников. Еще в 1521 г. ливонские немцы заключали договоры с Новгородом и Псковом, причем крест целовали выборные от Пскова.[4]

В начале XVII в., при Василии Шуйском, Псков фактически получил самостоятельность. В этот период времени главными органами управления стали земская изба и мирской сход, который назван в одном памятнике „вечем" по явному сходству с вечем древнего Пскова.

Пережитки псковской вольности особенно ярко проявились в органах самоуправления. Посадское население Пскова выбирало старост и выборных людей во всегородную или земскую избу. Всегородная изба особенное значение приобрела в эпоху больших восстаний начала XVII в. В это время она была настоящим центром Пскова, заменив собой власть воеводы. Но и в мирное время псковская всегородная изба обладала крупными правами. Стоило только ослабнуть центральной власти, как всегородная изба в Пскове и Новгороде выделялась на первое место.

Новгород и Псков сохраняли и другую особенность, восходившую к эпохе их самостоятельности, — самоуправление сотен и улиц.

Сотни в Пскове носили ярко выраженный характер административно-общественной единицы. В Петровском конце можно насчитать до 6, в Полоницком до 9 сотен. Название сотня возвращает нас к очень отдаленным феодальным временам. В XVII в. псковские сотни сохраняли еще значение мелких городских единиц, группируясь вокруг приходских церквей. Характерно, что рядом со старыми названиями сотен (Раковское сто, Боловинское сто и т. д.) некоторые сотни прозывались по своим приходским церквам (Никольское, Якиманское, Воскресенское сто). У нас есть сведения о населении

ряда псковских сотен в первой половине XVII в. В Пятенном сте Петровского конца было, например 33 соседа или „суседа“. Из них известны промыслы 21 соседа. В Пятенном сте жило 6 солодовников, 4 мясника, 2 сусленника, 2 огородника, 2 бочара, 1 шапошник, 1 вершаник (верша — зерно), 1 сапожник, 1 замочник, 1 сырник. Получаем, как будто, очень пестрый состав, объединенный только территориальным признаком соседства. На самом же деле Пятенное сто носило довольно яркий производственный характер. В нем жили, главным образом, люди, связанные с квасоварением и пивоварением. Из 21 соседа с этим промыслом были связаны, по крайней мере, 10 человек (6 солодовников, 2 сусленника и 2 бочара).

Еще ярче основной производственный облик подчеркнут в Кстовском сте того же Петровского конца, где жило 47 соседей (из них 38 „суседей“, занятия которых можно установить по их прозвищам). В первой половине XVII в. в Кстовском сте жило 11 кожевников и 5 сапожников. Таким образом, основной специальностью этой сотни было кожевенно-сапожное дело. В Мокролужском сте из 22 соседей, известных нам по прозвищам, 7 было кузнецами.

Даже эти отрывочные данные говорят нам, что псковские сотни были не только административно-политическими единицами, но носили на себе черты цехового строя: ведь, и в средневековом западно-европейском городе представители даже замкнутых цехов не представляли всего населения отдельных городских кварталов и улиц, определяя только их лицо своим большинством.

Во главе сотни стоял сотский и при нем сотенный дьячок, надо думать, бывший в то же время дьячком приходской церкви.

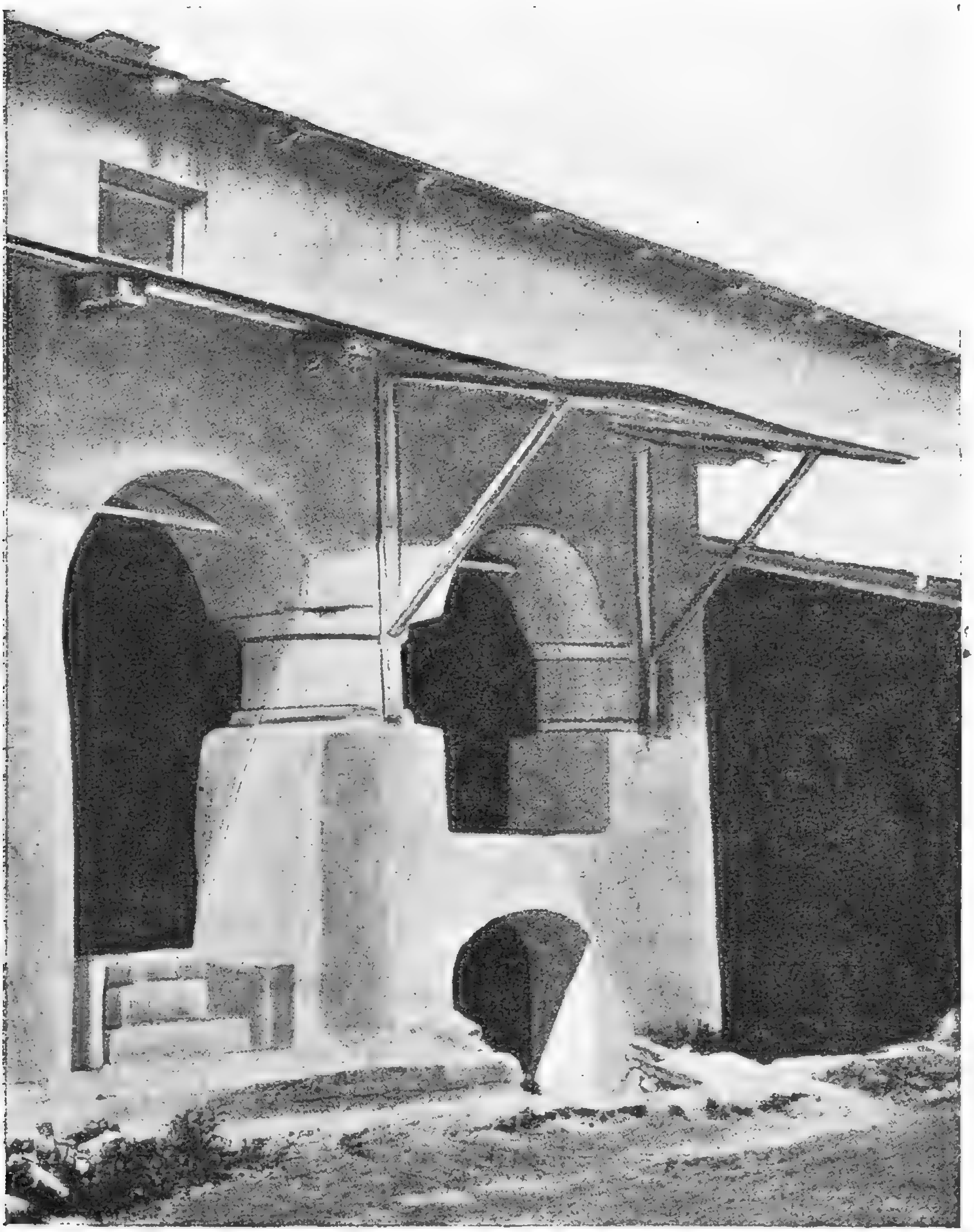
В челобитных, составленных „всем Псковом“, сотни выступают, как отдельные юридические лица, причем подпись сотенного дьячка или другого доверенного лица заменяет подписи всех граждан-соседей.[5]

Псков в первой половине XVII в. все еще принадлежал к крупнейшим торговым городам Московского государства. Торговое значение Пскова поддерживалось его географическим положением на двух рубежах, литовском и „свейском“, или

шведском. В Псков вели дороги из северной Литвы, и съезжались торговые люди из Полоцка, Орши, Себежа, Витебска и даже Вильны и Могилева. Для литовских купцов Псков являлся крупным рыночным местом. Они возили в Псков на продажу, главным образом, пеньку, сало, воск и сукна, продавая их на немецком гостином дворе, находившемся в Завеличье. Впрочем, к половине XVII в. псковская торговля с литовскими городами имела уже второстепенное значение и обращалась, главным образом, в сторону Ливонии и Швеции. Через Псков шел наиболее удобный путь в Ливонию, по которому ездили не только псковские, но и новгородские купцы. От Пскова до Риги считалось 270 верст, до Юрьева Ливонского 130 верст сухим путем и 120 верст водою, до Ревеля (Колывани) около 280 верст и до Ивангорода — 180 верст. До Ивангорода существовал и водный путь. Дороги от Пскова на эти города хорошо были известны псковским торговым людям. В 1656 г. по случаю войны составлено было подробное описание водных и сухопутных дорог в ливонские города.

Торговые сношения с Ливонией и Швецией были довольно оживленными. Главными псковскими товарами являлись продукты сельского хозяйства: лен, пенька, сало и кожи. Некоторое значение имела торговля зерном, но отпускные способности Пскова по зерновым товарам были невелики. Сельскохозяйственные продукты скапливались в Пскове не только из самой псковской округи, но также из ближайших новгородских областей и даже из северной Литвы. К половине зимы готовили лес, сухие снетки и рыбу, к весне — пеньку, сало, кожу. Ливонские и шведские купцы, в свою очередь, привозили ткани, железные и медные изделия и другие готовые товары. В половине XVII в. торговые люди из Ливонии и Швеции определенно преобладали на псковском рынке. По признанию самих московских приказов, в половине XVII в. на гостином дворе в Пскове „опричь свейских людей, торговать некому“.

О псковской торговле с иноземцами дает представление выписка из таможенных книг немецкого гостиного двора о торговле Пантелея Иванова, немца из Любека. Выпись относится к осени 1631 г. Пантелей Иванов покупал кожи, топленое сало и лен. О размерах продажи говорят такие цифры.



Крыльцо XVII века в Пскове (дом Сутоцкого)

Немчин купил 342 лосины стоимостью более, чем в 1 000 руб., 670 яловичных кож ценою в 236 руб. и т. д. Сало и лен тот же немчин покупал берковцами и также на значительную сумму.

В свою очередь, псковские торговые люди вели значительную заграничную торговлю, отправляясь с товарами в Ригу, Ревель и даже в Стокгольм. На этой почве между ними и иноземными купцами порою создавались прочные деловые связи, скрепленные обменом дружественных писем и взаимными угощениями. Например, торговый человек Федор Емельянов вел дружбу с ругодивским немчином Арманом. Они писали „друг к другу братством“ и обменивались взаимными гостинцами. На такие сношения псковская администрация смотрела сквозь пальцы, тогда как во многих других городах Московского государства они вызвали бы подозрения.

В переговорах между Швецией и Московским государством в 1649 г. вопрос о псковской торговле занимал немаловажное место. Шведское правительство старалось всячески укрепить свое торговое положение в Пскове, требуя ряда льгот. В особенности шведское правительство добивалось согласия Москвы на перенос торгового шведского двора с Завеличья в самый город Псков. Однако, этот перенос не состоялся, потому что московское правительство с чрезвычайным подозрением относилось к иностранцам, боясь от них измены. Шведское правительство добилось только одной уступки, — права для торговых людей ходить в Псков для челобитья. [6]

Торговое значение Пскова подчеркивалось значительным посадским населением. Посад Пскова в XVII в. отличался относительным многолюдством, в особенности по сравнению с Новгородом. Но порубежное положение Пскова наложило на него свой отпечаток. Псков был не только торговым городом, но и крупным военным пунктом.

Не только точную, но сколько-нибудь приблизительную цифру населения Пскова установить нелегко, хотя по сравнению с другими городами, именно, для Пскова имеются более полные данные о количестве населения. По росписи 1626 г. в Пскове было „ратных и всяких людей 2 660 человек“. Роспись 1633 г. показывает примерно то же число (2 681 чел.).

В 1644 г. росписной список показывает уже несколько больше — 2 712 человек. Но эти цифры сами по себе еще мало говорят о численности всего городского населения в Пскове, потому что речь идет только о боеспособных людях. Поэтому рядом с цифрой населения отдельно указывается, сколько человек может выступить с тем или иным родом оружия, с самопалами, копьями, бердышами или топорами. Не только женщины и дети, но и такой весьма многочисленный общественный слой, как духовенство, не вошел в опись. Зато в нее попали дворяне и дети боярские, которые в мирное время жили в своих поместьях.

Матерьял росписей чрезвычайно показателен для характеристики социального состава псковского населения. Посадское население уступает массе военных и прочих служилых людей. По росписи 1626 г. показано всего 1 080 посадских людей из общего числа в 2 660 человек, способных к ношению оружия, в 1633 и 1644 гг. еще меньше (997 и 747). Перед нами, таким образом, типично военный, порубежный город, в котором служилые люди составляют чуть ли не половину боеспособного населения.

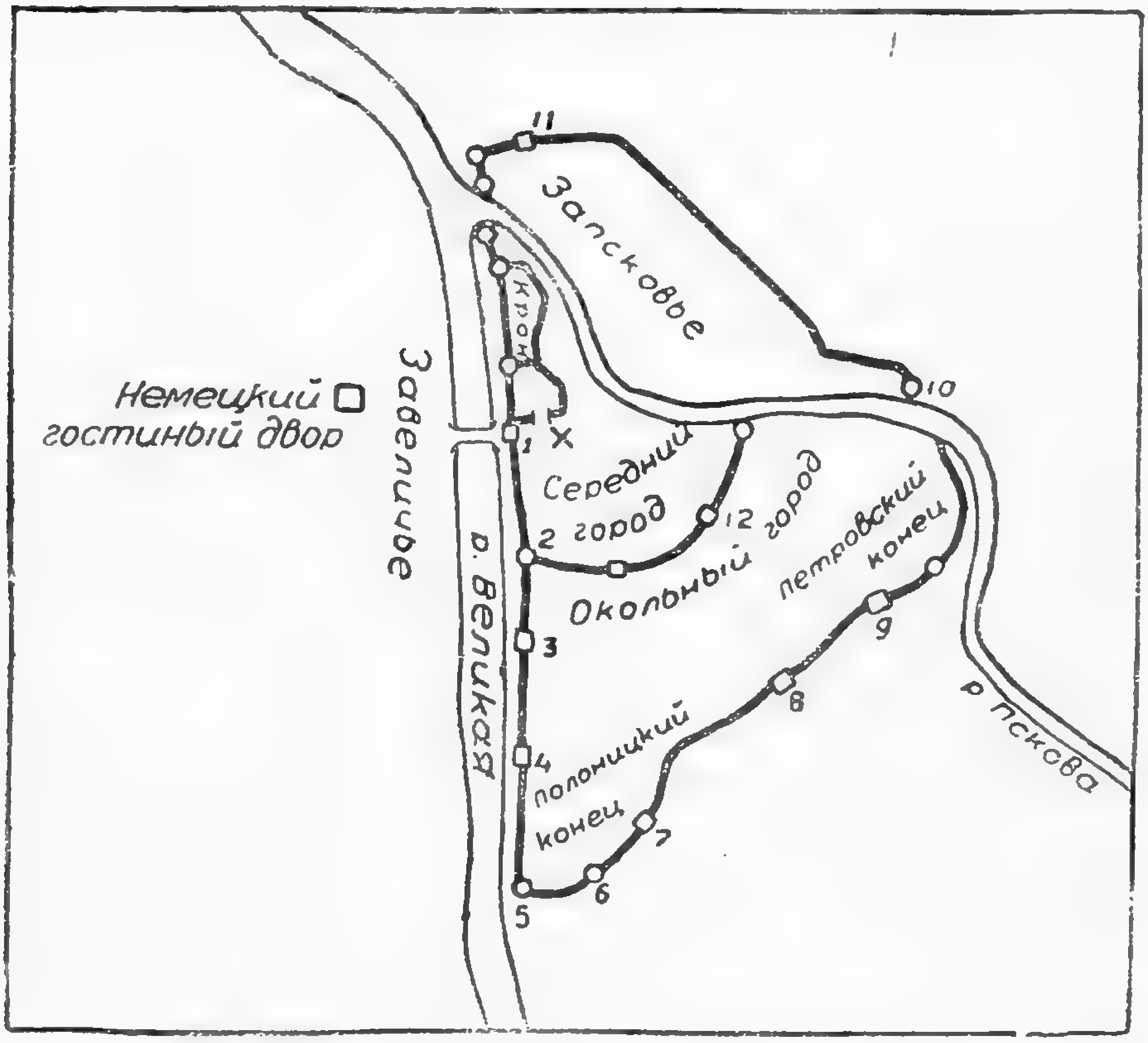
Как и Новгород, Псков имел крупное административное значение. В Пскове сидел воевода с дьяком. Псковская съезжая изба ведала всей Псковской землей. Все пригороды в нужных случаях должны были сноситься с псковским воеводою, которому были подчинены воеводы в Гдове, Острове, Изборске и Опочке.

Псков в XVII в. был центром епископии. С конца XVI в. была образована особая псковская кафедра с архиепископом во главе, носившим титул псковского и изборского. Но по сравнению с новгородскими митрополитами псковские архиепископы пользовались несравненно меньшим влиянием и богатством. „Троицкий дом“ был в Пскове явлением новым и имел гораздо меньшее значение, чем Софийский дом в Новгороде.

Внешний облик Пскова в XVII в. носил яркие черты крупного торгового и в то же время военного центра. Первое, что бросалось в глаза путешественникам, были величественные укрепления Пскова, его стены и башни.

Псков был обнесен кольцом стен. Одной своей стороной город примыкал к глубокой (до 18 м глубины) реке Великой, а река Пскова делила его на две неравные части. Кругом

СХЕМА ПСКОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 1650 Г.



1. Власьевские ворота.
2. Мстиславская башня.
3. Спасские ворота.
4. Георгиевские ворота.
5. Покровская башня.
6. Свинусская башня.
7. Великие ворота.
8. Лужские ворота.
9. Петровские ворота.
10. Гремячья башня.
11. Варлаамские ворота.
12. Трупеховские ворота.

× Место собраний „Мирского схода“ у Рыбницкой башни.

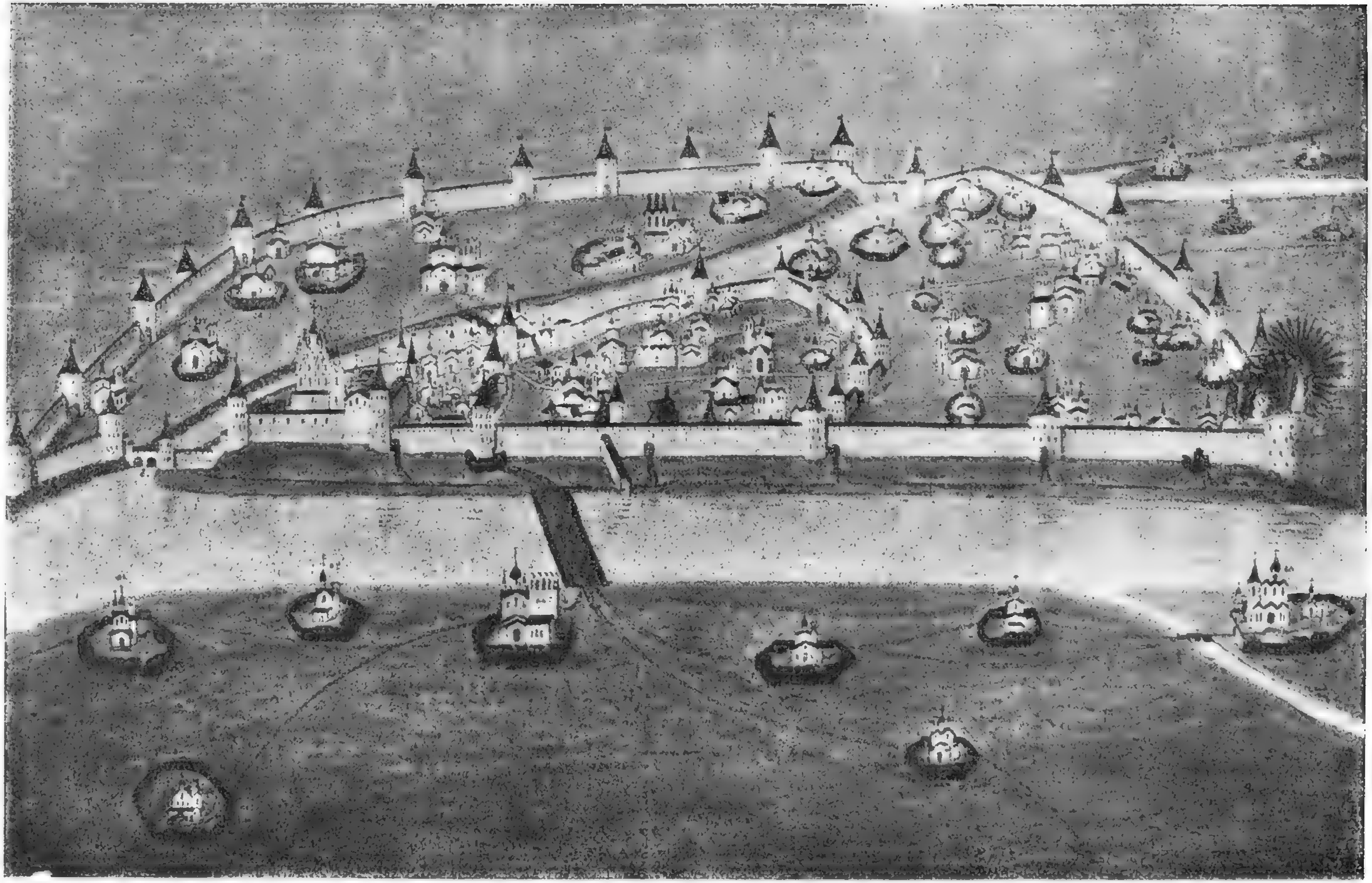
города на протяжении нескольких километров шли каменные стены Окольного города и Запсковья, сохранившиеся до нашего времени. Эти стены в XVII в. составляли главную твердыню Пскова. В осаду 1581 и 1616 гг., войска осаждающих

не продвинулись дальше некоторых участков Окольного города. Внутри последнего находились более древние стены Середнего города, а в центральных частях Пскова, на берегу реки Великой, стоял Кремль или Кром. Таким образом, Псков был укреплен тремя рядами укреплений и представлял довольно внушительную крепость.

Псковские стены укреплены были рядом башен, иногда большой величины. Эти башни большей частью также сохранились до нашего времени. Особенной величиной отличались башни в местах, наиболее доступных для нападения. Ясное представление о Псковской крепости дает роспись 1633 г.

Роспись начинает описание города с Кремля и Застенья, находившегося за Довмонтовой стеной. Почти рядом с Довмонтовой стеной на реку Великую к пловучему мосту выходили Власьевские ворота, имевшие важное значение в административной и торговой жизни Пскова и соединявшие центр города с Заветичьем. Через Власьевские ворота шел главный торговый путь в Ливонию, „в немцы". На реку Великую далее к югу выходили Плоские ворота. От наугольной круглой Мстиславской, или Кисловской, башни, стоящей на берегу Великой, начиналась стена Середнего города. В росписи 1633 г. эта башня не упомянута совсем, потеряв, повидимому, свое прежнее положение в связи с постройкой Окольного города. Укрепления вдоль реки Великой кончались наугольной Покровской башней. Отсюда стена Окольного города делала поворот и удалялась от реки Великой. За Покровской башней следовали Свинарская (Свинусская) башня и Великие ворота, где в 1633 г. стояли 5 пищалей, несомненно, в виду крайней важности этого района в военном отношении.

Стена Окольного города от реки Великой до Псковы имела целый ряд сильно укрепленных ворот: Сокольские, Трупеховские и Петровские ворота следуют одни за другими, завершаясь Михайловской башней. У реки Псковы находилась Грановитая башня (или Плоская). Стена Окольного города продолжалась и за рекой Псковой. Здесь на берегу Псковы находилась громадная „Гремячья башня", за которой следовал ряд башен и „захабов". От Загряжской башни стена Окольного города заворачивала к реке Великой, завершаясь круг-



Псков в 1581 году.

лой Варлаамской башней. Отсюда стена опять шла вдоль реки Великой вплоть до Власьевских ворот.

Укрепления Окольного города имели в XVII в. наибольшее значение, а стены Середнего города сохраняли значение запасной внутренней линии защиты. Река Пскова, протекающая по городу, была защищена как при своем вступлении в Псков, так и при впадении в реку Великую, башнями и решотками.

Середний город срыт в настоящее время до основания, но стены Окольного города сохранились сравнительно хорошо. Стены Пскова и теперь производят внушительное впечатление, но боевое их качество стояло невысоко, так как они сложены были из рыхлого песчаника, легко разрушающегося под действием даже примитивной артиллерии. Пушки Стефана Батория продырявили стены и башни Пскова в один день. Очевидец осады из стана Батория восклицает по этому поводу: „Стены клубились как дым; мы не думали, что они будут так непрочны“. Тем не менее, Псков удачно защищался и заставил Батория снять осаду. Главной защитой города являлись не стены, а выгодное стратегическое положение и крепкий гарнизон. — „Не так крепки стены, — говорит тот же очевидец осады Батория, — как твердость и способность обороняться, большая осторожность и немалый достаток орудий, пороху, пуль и других боевых материалов“.

В XVII в. Псков делился на 5 главных районов: Кром, Середний город, Окольный город, Запсковье и Завеличье. Наименее важной частью было неукрепленное Завеличье, находившееся на левом берегу реки Великой и связанное с городом пловучим мостом. Но в мирное время здесь жило довольно многочисленное население. В Завеличье стояли два больших каменных монастыря и несколько церквей. Здесь же находился немецкий двор, так как по старым обычаям вход для иноземцев в самый город был запрещен. В Кроме и по близости от него были расположены правительственные учреждения — съезжая или воеводская изба и княжий двор. Тут же находился двор архиепископа. Середний и Окольный город делились на „концы“. Под словом „конец“ в XVII в. понимали не административную, а территориальную единицу. В Околь-

ном городе нам известны Петровский и Полоницкий концы. Петровским концом обозначалась часть Окольного города, примыкавшая к реке Пскове. Полоницким концом называлась остальная часть Окольного города, выходившая к реке Великой. Кроме того, термином Запсковский конец иногда обозначалось Запсковье.

„Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж“ — восклицает один из спутников Стефана Батория, любовавшийся городом издали. Оценка, безусловно, преувеличенная, но все же отражающая впечатление, производимое Псковом на иностранцев. Среди городов Московского государства, за исключением самой Москвы, Псков был едва ли не самым укрепленным и архитектурно-оформленным городом. Особенно поражало обилие каменных храмов, так резко выделявших Псков среди других московских городов XVII в. с их деревянными церквами. В XVII в. были уже и каменные гражданские постройки, но они тонули в общей массе деревянных строений. Псковичи, как и в других городах Московского государства, жили отдельными дворами. Такой двор состоял из нескольких деревянных строений, соединенных общими сенями.

Строения в Пскове XVII в. стояли разбросанно и в городе было много пустующей земли, огородов, выгонов и даже „ржаные нивы“. Огороды и нивы продолжались тотчас за стенами Пскова.[7]

ГЛАВА 3.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПСКОВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В дореволюционной исторической литературе прочно держалось мнение об отсутствии в Пскове классовой борьбы. „В Пскове — говорит Ключевский — незаметно социального антагонизма и партийной борьбы“. На самом деле, наблюдение Ключевского в корне неверно, так как Псков уже в эпоху самостоятельности был постоянной ареной классовой борьбы. Такая борьба, например, разгорелась в Пскове в 1485 г. по делу о смердах, когда на одной стороне стояли бояре и житьи люди, а на другой — черные „молодшие“ люди. И позже, уже в XVI в., мы читаем в летописи — „промеж собя брань была велика во Пскове болшим людем с меншими“ (1544 г.). Правда, летопись рассказывает о таких событиях крайне скудно, но с таким же недостатком известий приходится иметь дело при суждении и о других сторонах псковской жизни.

Классовая борьба в Пскове с особенной силой проявилась в эпоху крестьянских войн 1605—1613 гг. Начало борьбы летописец относит к определенному времени — к 1606 г. Славные и великие мужи, „богатством кипящие“, собрали 900 руб. со всего Пскова „по раскладу“, т. е. равными суммами как с богатых, так и с бедных. Это положило начало открытой борьбе между „лучшими“ и „меньшими“. Город разделился на две партии, и летописец дает нам четко понять, из кого эти партии состояли. С одной стороны, были „игумени и свя-

щенники, и болшие люди, дети боярские", с другой — „ратные люди, стрельцы и казаки и мелкие люди и поселяне". Под большими людьми, как дальше видно, летописец понимал богатых посадских людей. Итак, с одной стороны дворяне, богатые посадские люди, духовенство, выступавшие на стороне правительства Василия Шуйского, с другой стороны — наемные ратные люди (стрельцы и казаки), мелкие посадские люди и крестьяне. Летописец подчеркивает дальше это классовое деление Пскова, говоря, что игумены и попы и большие люди боялись стрельцов и мелких людей и казаков. Мелкие люди и стрельцы в это время объединились вокруг всегородной избы, а „болшие люди во всегородную не ходили, гнушались и смеялися и дома укрывалися, а в совет позывали, и оне не ходили, и давали волю мелким людем и стрельцом и казаком и поселяном во всем".

Подробное изложение псковских событий 1606—1613 гг. не входит в мою задачу. Скажу только, что деление Пскова, отмеченное летописцем, имело место и позже во время восстания 1650 г., как это не один раз подчеркивается даже официальными московскими документами.

Ясно бросается в глаза резкое социальное деление псковского общества половины XVII в.

Основную массу псковского населения составляли посадские люди и стрельцы, которые в 1650 г. дали опору восстанию. Но эта масса, как видно из дальнейшего, не была однородной.

Псковский посад в первой половине XVII в. еще принадлежал к числу одних из самых богатых и многонаселенных в Московском государстве. „Государево тягло", с такой тяжестью давившее во всех посадах Московского государства, с особенной силой сказывалось в Пскове. Уже в 1619 г. посадские тяглые люди подавали челобитную с жалобой, что они платят подати и несут повинности по старым писцовым книгам 1586 г. Посадские люди просили устроить новую перепись, так как с 1586 г. Псков сильно оскудел. Правительство дало приказ о новой переписи. Однако, дело мало изменилось: даже в 1650 г. псковичи жаловались, что они платят в 7 раз больше, чем крестьяне в уезде и в пригородах.

К тяжести государевых повинностей прибавлялись расходы на содержание воеводы. Злоупотребления воевод повсеместно были явлением обыденным. Воеводы заставляли ремесленников работать на себя безденежно, брали в лавках товары и ничего за них не платили. При своем отъезде воеводы и дьяки устраивали организованный грабеж своих дворов, ремонт и содержание которых лежали на плечах посадских людей. Воеводские слуги ломали у дверей петли, цепи и пробои, скобы, тяги и даже печные изразцы, продавая награбленную добычу тут же на базарах.

Посадские люди неоднократно начинали дело о воеводских злоупотреблениях, устраивались сыски и повальные обыски, но на место старого воеводы приезжал новый, и дело шло прежним порядком. Тяжелое положение посада заставляло многих людей стремиться к освобождению от тягла. Посадские люди делаются стрельцами, пушкарями, закладываются за больших людей, в особенности часто за псковского архиепископа.

В 1636 г. в тягло были возвращены 186 закладчиков, из них 44 чел. были за монастырями, 36 за архиепископом, 102 сделались служилыми людьми, 5 церковными дьячками и 1 площадным подъячим. Но за возращением одних в тягло, тотчас же следовала убыль других. Посадские люди „брели розно“ или продолжали закладываться за больших людей, „избывая посацкого тягла“. В самый год восстания в Пскове опять происходил сыск и возвращение в тягло бывших посадских людей.

В самой среде посадских людей классовая рознь к половине XVII в. достигла крайних пределов. Основная масса псковского населения — „молодшие люди“ явно противополагались небольшой кучке „лучших“ людей.

Социальный антагонизм меньших и больших поддерживался всей практикой Московского государства, в котором широко практиковалась откупная система. Приводим несколько примеров. В 1633 г. рыбный ряд в Пскове был отдан в откупа псковскому гостю Никуле Хозину, раньше тот же оброк брали с рыбных торговцев. В 1648 г. всякие пошлины в Гдове отданы были в откуп псковскому посадскому человеку Андрею Соло-

довнику на 3 года. На откупе находились бани и кабаки. В 1648 г. псковские кабаки держали кадашевец Филипп Савельев, Пантелей Золотов и патриарший крестьянин Леонтий Кострикин. Откупная система вызывала крупное недовольство молодших людей. Это недовольство нашло свое отражение в псковской летописи. Под 1628 годом в летописи записано: „на откуп дали квасников и извощиков и дектярев, и банников, на оброк. И от году во иной год с прибылью и с наддачею выше. И площадных подъячих також“.

Под следующим годом летописец говорит об откупе кабаков и дорогой цене на вино. Особенное возмущение вызвала известная соляная пошлина, собираемая псковским торговым человеком Федором Емельяновым и его подручным, подъячим Филиппом Шемшаковым.

Система откупов открывала возможность к обогащению немногих и отягощала массы посадского населения. Правительство с удивительным цинизмом проводило меры, направленные к еще большему ограблению молодших людей. Разрешив „лучшим“ и „середним“ людям держать про себя питье, правительство оговаривало далее: „а худым людем давати не велели, потому, чтоб от этого кабацкому сбору порухи... не было“.

Откупная система способствовала накоплению капиталов в руках немногих. О том как скапливался капитал „лучших“ посадских людей, рассказывает любопытный документ, относящийся к 1678 г., — „книги псковитина посадцкого торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина“. Книги эти были составлены самим Поганкиным и представляют собой списки с купчих и других документов. Самые ранние документы помечены в книгах 1644—45 гг. Таким образом, к этим годам надо отнести начало торговой деятельности Поганкина. Как всякие купчие, и данные документы, записанные в книги, необыкновенно сухи, но даже по их сухим перечислениям можно составить себе представление о Поганкине как типичном хищнике, всеми мерами сколачивавшем свой капитал. В ранних документах, относящихся к 1644—45 гг., Поганкин еще скромно именуется „огородником“. Но уже в это время он владел многими лавками и огородами, как это видно из приложен-

ной к книгам выписки из мерных книг 1645 г. С 1644 г. по 1676 г. Поганкин приобрел свыше 40 лавочных мест, клетей, нивок и огородов.

Кто же были главными продавцами этих клетей и чуланов? Клиенты Поганкина разнообразны. Здесь больше всего посадских людей, но есть помещики (6), попы (4), казаки (1),

Поганкины палаты

воротники (2), стрельцы (1), пушкари (1), кадашевец (1), иноземец (1) и т. д. Нередко среди продавцов встречаются вдовы. Некоторые документы говорят о причинах продажи. Посадский человек Дмитрий Завелицкий поступился своими лавочными местами „за свой долг кабалной, за десять рублев". „За свой долг" поступился своей лавкой другой посадский человек, Никифор Била. Можно думать, что и прочие лавки, лавочные места, нивки и чуланы нередко попадали в руки Поганкина за кабальные долги, так как никакой системы во

всех этих многочисленных покупках установить нельзя. Поганкин скапливал имущество, повидимому, не брезгая типично ростовщическими приемами. Так выростал типичный „мироед“, крупный купец-кулак, который „миром владеет“ по своему произволу. Знаменитые „Поганкины полаты“, сохранившиеся в Пскове, всей своей внешностью показывают настоящее лицо своих бывших хозяев. Перед нами громадное здание, расположенное в виде буквы Г. Массивные стены (до 2 метров толщины), окошечки с решотками, подвалы рисуют нам мрачный быт псковского купца XVII в., больше всего трепетавшего за свою личную безопасность и за сохранность своего имущества.

Уже в XVI в. среди псковских торговых людей выделяется фигура „большого гостя“ Михаила Дедкова, который был раньше приказчиком денежного двора в Пскове. Позже начинает возвышаться фамилия торговых людей Хозиных. Родоначальник Хозиных был казнен стрельцами в 1609 г. Во второй половине XVII в. Хозины владели уже вотчинами в Псковском уезде.

В половине XVII в. из посадских людей в Новгороде и Псковс выделялись две фамилии: в Новгороде — братья Стояновы, в Пскове — Федор Емельянов. Имена Стояновых и Емельянова нередко встречаются и на страницах документов, относящихся к восстаниям 1650 г. Это наиболее одиозные фигуры для восставших. Торговая деятельность Емельянова особенно развернулась в 40-х гг. XVII в. Емельянов вел крупную заграничную торговлю пушниной и хлебом и поддерживал сношения с иноземными купцами в Юрьеве Ливонском и в Ревеле. Емельянов скоро выдвинулся и получил ряд поручений от правительства. Он был также и у сбора пресловутой соляной пошлины и прославился своими злоупотреблениями. По словам псковской челобитной 1650 г., Емельянов собирал двойные и тройные пошлины. Он сделал „гонтарь“ скупо и обвешивал покупателей, получая таким образом дополнительный доход. Тем не менее, Емельянов выполнял и далее ряд поручений от правительства, всегда с определенной выгодой для самого себя. В 1649 г. он вел в Пскове какие-то таможенные дела, вызывая недовольство шведских купцов.

Псковские и новгородские воротилы были в родстве. Жена Емельянова происходила из рода новгородских Стояновых, а Поганкин находился в родстве с Емельяновым.

Гости и большие торговые люди вызывали ненависть среди остального посадского населения, которое было бессильно бороться с ними. Псковская челобитная 1650 г. приписывала Емельянову характерную фразу: „меня, Федора, самово всем городом боятца и не зделают всем городом без меня ничево".

Поганкины палаты.

Такие же речи говорили Стояновы в Новгороде. Порой Емельянов вступал в конфликт даже с отдельными „лучшими" людьми. Но интересы „лучших" совпадали во многом с интересами гостей и больших торговых людей. Оппозиция „лучших" и части „средних" людей была типично бюргерской оппозицией, которую так ярко описал Энгельс, говоря о крестьянской войне в Германии. „Бюргерская оппозиция, предтеча наших современных либералов, обнимала богатых и средних горожан, а также в зависимости от местных условий и большую или меньшую часть мелких горожан. Ее требования носили чисто конституционный характер". [7a]

В решительную минуту „лучшие“ люди целиком поддерживали крупных дельцов типа Емельянова, вышедших из их же среды. Из „лучших“ формировались кадры откупщиков, от которых страдало все псковское население. В особенности часто сталкивались „молодшие“ и „лучшие“ люди в делах о раскладке податей и повинностей. На этой почве во всегородной избе возникали бурные сцены и взаимные попреки. Дело обычно оканчивалось победой „лучших“, на стороне которых оказывалась и продажная администрация Московского государства. [8]

В непосредственной близости к интересам посадского населения стояли стрельцы.

По росписи 1647/48 г. в Пскове было 3 стрелецких приказа с 1 300 стрельцами. Во главе каждого приказа стоял стрелецкий голова. Приказы делились на сотни и полусотни с начальствующими над ними лицами — сотниками и пятидесятниками. Каждый десяток стрельцов имел своего десятника. Только стрелецкие головы и сотники по росписям не включались в общую массу стрельцов, десятники же и пятидесятники входили в счет общего числа ранее показанных 1 300 стрельцов. Стрельцы получали денежное и хлебное жалованье, причем десятники и пятидесятники выделялись от остальных стрельцов лишь незначительной прибавкой. Например, новоприборный стрелец получал 3 руб., десятник — 3 руб. с полтиною и пятидесятник — 4 руб. в год. Из общей массы стрельцов по своим окладам резко выделялся лишь высший командный состав — сотники (10 руб. в год). и стрелецкие головы (30 руб. в год), именами которых обычно назывались стрелецкие приказы и сотни.

В среде рядовых стрельцов была своя аристократия. Различались старые и новоприборные стрельцы. Старые стрельцы за службу получали столько же, сколько новоприборные пятидесятники (по 4 руб.). Старые стрельцы получали свои оклады пожизненно, „за многие службы и за кровь“, но количество их было сравнительно невелико. В 1647—48 гг. в Пскове на общее число в 1 170 рядовых стрельцов насчитывалось всего 205 старых стрельцов, получавших оклады „с прибавкою“. Кроме стрельцов, в Пскове были: казаки, пушкари, воротники.

По смете 1647/48 г. в Пскове было 100 казаков, получавших денежное и хлебное жалованье. Все казаки оплачивались более высоко, чем стрельцы, старые получали по 5 и новоприборные по 4 руб. в год. Московские приказы были озабочены вопросом, нельзя ли устроить казаков землями, чтобы сократить им оклады. Казаки были, по преимуществу, конным войском. По росписи 1644 г. кроме атамана и есаулов, в Пскове были 31 поместный казак, 47 беспоместных „верстаных" казаков и 48 беспоместных и неверстаных, но получавших хлебное жалованье или „кормовых".

Стрелец
(по Майербергу)

Пушкарей в Пскове насчитывалось 84 чел. Эта цифра держалась очень прочно и соответствовала количеству пушек, имеющихся в Пскове. Пушкари также различались по окладам (от 5 до 3 руб. с полтиною в год). Они были расписаны по всему городу и прикреплены к своим пищалям, по два, по три и по четыре человека. По городским воротам были расписаны воротники. В Пскове их насчитывалось 35 чел. Всего со стрельцами, казаками, пушкарями и воротниками в 1647—48 гг. в Пскове, кроме дворян и детей боярских, насчитывалось 1718 ратных людей.

Но список служилых людей на этом не кончается. В 1644 г.

в Пскове было 7 недельщиков и рассыльщиков, „которые ходят в съезжие избе“, 16 сторожей в Кремле, в съезжей избе и в дворцовом приказе, 5 казенных кузнецов. В смете 1647/48 г. указаны еще 7 плотников и 3 житничных сторожа.

Весь этот ратный и просто служилый люд теснейшим образом был связан с Псковом. Для некоторых псковичей государева служба была только дополнением к их постоянным занятиям. В писцовой книге Пскова, составленной в конце XVI в., в числе лавочных владельцев постоянно указываются стрельцы, казаки и пушкари. По смете 1647/48 г. пушкари были лишены хлебного жалованья, потому что они имели свои промыслы. Прозвища стрельцов и других ратных людей ясно указывают на их занятия („Коновал“, „Шапошник“, „Рукавичник“ и пр.). Торговля некоторых стрельцов достигала очень крупных размеров. В 1637 г. в Старой Руссе производилось интересное дело о стрельцах, которые завели большие торги и промыслы. Посадский староста в Старой Руссе от имени всех посадских людей подал жалобу на пятерых стрельцов. Староста перечислял промыслы этих стрельцов. У одного из них, Аф. Небритикова, была соляная варница и 2 лавки, где торговали мягким товаром, куницами и лисицами. Стоимость имущества Небритикова староста определял в 1 000 руб. Другие стрельцы торговали в Старой Руссе в лавках и отъезжим торгом. Посадские люди жаловались, что эти стрельцы посадское тягло и подати не платили. Стрельцы были по царскому указу записаны в посадские люди. Этот случай выходил из ряда обыденных. Но торговля стрельцов была делом обычным. В 1631 г. среди продавцов кожи иноземцам встречаем несколько стрельцов.

Стрелецкое войско и другие разряды ратных людей пополнялись, главным образом, за счет посадских людей. Во время сыска 1636 г. были возвращены в тягло 102 служилых человека. Всегородные старосты жаловались, что „многие посадские люди и их дети и племянники стали в пушкари и в стрельцы“. Поборы и злоупотребления воевод и дьяков тяжело сказывались не только на посадских, но и на ратных людях. Денежное жалованье ратным людям выдавалось с урезками и с задержкой. Эти задержки и волокиту с выдачей окладов

подтверждают даже официальные документы. В книге царских доходов и расходов по Пскову на 1648 г. записано: „сторожем государево денежное жалованье впред давати потому же, почему давали наперед сего, без московские волокиты“. Слова о „московской волоките“ очень характерны. Они показывают,

Ратный человек
(по Майербергу)

что этот термин стал бытовым в половине XVII в. для обозначения бюрократических порядков Московского государства. Система откупов также вызывала крупное недовольство среди стрельцов, лишая их возможности свободной торговли и промыслов.

Материальное положение различных разрядов ратных людей было неодинаково. Наиболее необеспеченными были рядовые стрельцы нового прибора. Эта часть стрельцов во всем

поддерживала молодших посадских людей, с которыми их связывали общие интересы. Несколько другую позицию занимали старые стрельцы, а также пятидесятники. Они представляли собой стрелецкую аристократию, своего рода белую кость среди рядовых стрельцов. К ним примыкали казаки и пушкари. Многие казаки обладали мелкими имениями и, таким образом, были небольшими помещиками. В среде стрелецкой аристократии, казаков и пушкарей, во время восстания 1650 г. создавались тайные заговоры против революционного правительства, высказывалось недовольство восстанием и борьбой против московских войск. Что касается до стрелецких голов и сотников, то они целиком были преданы царскому правительству.

Незначительной по количеству, но очень важной по своему удельному весу была группа приказных людей. Сложный и громоздкий аппарат Московского государства не мог обойтись без многочисленных канцелярских служащих. В псковской съезжей избе или в воеводской канцелярии „у государевых дел“ служили 21 подьячий. Поражает невероятная пестрота окладов подьячих в Пскове (от 30 до 1 руб.). Разница между самым высоким и самым низким окладом подьячих была как 1 : 30. Подьячие получали очень высокие оклады, семеро из них свыше 10 руб., и только пятеро меньше 5 руб. Оклады старших подьячих достигали суммы в 30 руб. в год, и, таким образом, равнялись окладам стрелецких голов. Подьячие в Пскове делились на 4 стола: Разрядный, Денежный, Поместный и Судный. Должность подьячего представлялась очень завидной как по высоким окладам, так и по возможностям наживы на посулах и взятках от челобитчиков.

На государственную службу стремились попасть площадные подьячие, писавшие челобитные и изветы на улицах и площадях по заказам частных лиц. Зато „отставленые“ подьячие, т. е. уволенные со службы и лишившиеся прежних доходов, становились в резкую оппозицию к существующему строю. Подьячие являлись в русском городе XVII в. своего рода юристами и адвокатами, знавшими все тонкости, сильно запутанной московской судебной практики.

В Пскове в 1644 г. было 25 площадных подьячих. Из их

среды вышли некоторые руководители восстания, тогда как подьячие воеводской избы и других правительственных учреждений почти поголовно были враждебны восстанию. Подьячие воеводской избы из всех сил тянулись, чтобы подавить восстание. Из их среды шли бесчисленные изветы о непригожих речах о государе. Вчерашний подьячий в непокорной всегородной избе после подавления восстания оказывался самым ярым сторонником правительства, который государю во всем радел и „воров и заводчиков обличал“.[9]

Многочисленное духовенство составляло третью большую группу псковского населения. Даже современный Псков поражает обилием церквей. Но это только немногие остатки прежнего. На плане Пскова, составленном Годовиковым в 1740 г., показано 62 церкви и монастыря. В XVI—XVII вв. их было, несомненно, значительно больше. Один из секретарей короля Стефана Батория в 1581 г. сообщает, что в Пскове было 300 каменных церквей. „Город чрезвычайно большой, — записывает он в свой дневник, — какого нет во всей Польше, весь обнесен стеною, за нею красуются церкви, как густой лес“. Пусть приведенная цифра будет преувеличена. Во всяком случае, в Пскове было едва ли менее 100 церквей. При каждой церкви, как правило, был свой причт, состоявший из попов, дьяконов и дьячков. В 1589 г. городских и пригородских попов и дьяконов было „больши ста человек, опричь грамотчиков и ружных попов и дьяконов“. Такова была армия псковских попов и дьяконов за вычетом ружного, т. е. получавшего постоянное содержание, духовенства. Не забудем, что это было вскоре после тяжелой осады Пскова Стефаном Баторием, когда „городские попы и дьяконы многие повымерли“.

Псковские и новгородские попы и дьяконы были объединены в соборы. Уже в XVI в. существовало 7 псковских соборов во главе с поповскими старостами. Многие псковские церкви обладали крупными земельными имуществами. Кроме того, духовенство имело ряд привилегий, за которые оно усердно цеплялось. Большой льготой считалось, например, право безъявочно держать вино для своих нужд.

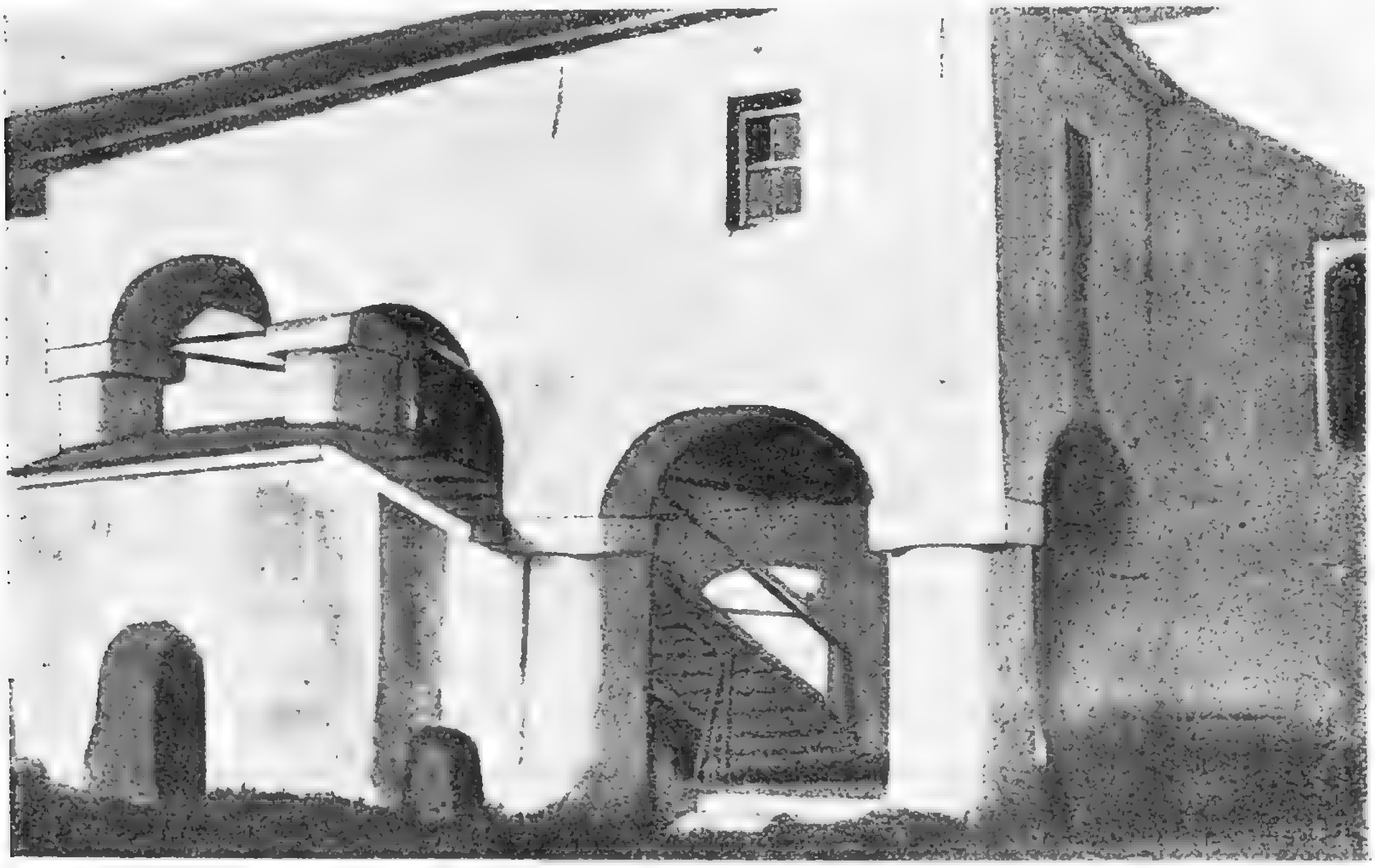
Попы и дьяконы составляли духовную аристократию. Под ними стояли дьячки, пономари и сторожа. В 1677 г. в Пскове

церковных дьячков и пономарей, притом только способных к ратному бою, считалось 99 чел. Дьячки и пономари, таким образом, не освобождались от военной повинности. Однако, и на них распространялись некоторые льготы, которыми пользовалось духовенство. Наравне с попами церковные дьячки, пономари и сторожа не хотели быть в тягле и сопротивлялись „самовольству" приказных и посадских людей, налагавших на них всякие подати и повинности. В наказах псковским воеводам решительно, например, предписывалось, „попов и дьяконов и всяких церковных причетников не судить и ничем их не ведати". И все-таки положение дьячков было непрочным и зависимым. В 1636 г. наравне со служилыми людьми возвращено было в посадские люди 5 дьячков. Между тем дьячки были одним из образованных элементов феодального города. Церковные дьячки нередко занимались перепиской многих рукописей. В частности, основной список Псковской летописи переписан „богоявленским дьячком из Бродов Андрюшкой Ильиным по реклу Козой".

Кроме белого, в Пскове было многочисленное черное духовенство — монахи и монастырские служки. Это была целая армия, хотя псковские монастыри никогда не отличались таким богатством, как подмосковные обители типа Симонова монастыря. Монашество не было единым. В то время как игумены и старцы были подлинным оплотом самой безудержной реакции, монастырские служки явно поддерживали интересы молодших посадских людей, из среды которых они нередко выходили. [10]

Духовенство, в общей массе, конечно, было элементом крайне реакционным. Но отдельные личности, а также и небольшие группы оказались на стороне восстания. В документах нередко указываются попы, принимавшие участие даже в набегах партизан. Участие попов в восстании представляется на первый взгляд очень странным. Но с таким же явлением мы встречаемся и в Германии в эпоху крестьянской войны XVI в. Энгельс дает такую характеристику этим слоям духовенства: „Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников... Будучи выходцами из рядов и бюргерства и плебейства, они стояли, несмотря на свою принадлеж-

ность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии. Участие в движениях того времени, бывшее для монахов исключением, у них явилось общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них окончили свою жизнь на эшафоте в качестве представителей плебеев и крестьян. Народная ненависть к попам обращалась на них лишь в единичных случаях". [11]



Псковский дом в XVII в. (Ланина)

В условиях средневекового города между духовенством и купечеством возникали крепкие деловые связи. В Пскове издавна громадное значение имели прихожане. Фактическими распорядителями церковных имуществ были не попы, а прихожане, выбиравшие церковных приказчиков. Поэтому приходский причт целиком зависел от прихожан, большинство которых принадлежало к числу „середних и молодших" посадских людей. Кроме того, власть архиепископа была в Пскове явлением новым, наносным. Псковские попы были более независимы от архиепископа, чем от своих прихожан. При таких условиях приходское духовенство невольно шло в поводу у своего прихода.

Посадские люди, ратные люди и духовенство составляли основную массу псковского населения. В их среде развернулась грандиозная борьба в восстание 1650 г. К ним примыкали остальные круги населения, не учтенные в росписях и переписях: холопы, дворники и разные зависимые люди. В громадном большинстве этот зависимый люд был на стороне восставших. Но удельный вес этих людей в восстании был сравнительно невелик, так как количественно уступал остальным разрядам псковского населения.

Крупнейшую роль в восстании, правда, отрицательного порядка, сыграли дворяне и дети боярские. Большинство дворян и детей боярских мало было связано с интересами городского населения. Главное внимание их было обращено на поместья и вотчины. Однако, серьезные экономические интересы связывали дворян с верхами посадского населения. Крупные капиталисты Пскова вели постоянные торговые операции с дворянами и детьми боярскими, скупая у них лен, сало, пеньку, хлеб и другие продукты. На почве торговых операций создавались дружественные отношения между „лучшими“ торговыми людьми и помещиками. Нередко возникали и конфликты. Например, в 1629 г. псковский гость Никула Хозин подавал извет на помещика Григория Бешенцова, обвиняя его в сношениях с иноземцами. Оказалось, что извет был вызван личной местью Хозина. Бешенцов и Хозин вели подозрительные операции с хлебом и перессорились друг с другом. Вопрос шел о повышении цен на хлеб, как и позже в 1650 г. Экспертами в этом деле на торгу выступали дворяне и дети боярские. Высокие цены на сельскохозяйственные продукты были выгодны для дворян и детей боярских, интересы которых, таким образом, становились в резкое противоречие с интересами большей части городского населения.

Не случайно поэтому дворяне и дети боярские в решительный момент становятся на сторону „лучших“ посадских людей против „мелких людишек“.

По росписи 1644 г. в Пскове было 197 дворян и детей боярских, кроме того, к Пскову были приписаны 60 пусторожцев и 28 невлян. Этот список говорит только о количестве дворян и детей боярских, приписанных к Пскову на

случай военных действий, „которым служити осадная служба“. Большинство же дворян жило в своих поместьях, хотя у многих были дворы в самом Пскове. Тем не менее значительная часть дворян и детей боярских не только в осадное время, но и постоянно жила в городе. В этом нас убеждает челобитная 1638 г. на злоупотребления воевод псковских пригородов. В ней „бьют челом псковичи всем городом“, но челобитная подписана только дворянами и детьми боярскими (до 60 подписей). Значительное число фамилий дворян и детей боярских обнаруживает их московское происхождение. Таковы, например, были фамилии Татищевых, Квашниных, Воронцовых, Нащокиных, Вельяминовых и некоторые другие. Все это были потомки переселенцев из других областей Московского государства, переведенных на место прежних псковских землевладельцев после захвата Пскова в 1510 г.[12]

Поперечный разрез „всяких чинов людей“ и позволяет нам сделать выводы, которые целиком сойдутся с характеристикой классового расслоения в Пскове, намеченной псковским летописцем. Псковское население явно делится на две враждебные социальные группы. С одной стороны, — „молодшие“ посадские люди, молодые стрельцы, монастырские служки, площадные подьячие, некоторые попы и дьяконы из плебейских слоев духовенства, с другой — „лучшие“ посадские люди, стрелецкая аристократия, черное и отчасти белое духовенство, подьячие на государственной службе, дворяне и дети боярские. Посредине стоят промежуточные группы: старые стрельцы, „середние“ посадские люди, казаки, пушкари и часть духовенства. Такое деление дают сами царские грамоты, относящиеся к восстанию 1650 г.

Время, предшествующее восстанию, является эпохой ожесточенной классовой борьбы в Пскове, борьбы, о которой мы можем себе составить представление по литературным памятникам того времени. Само собою разумеется, что в описании исторических событий выражаются взгляды различных социальных групп. Главной темой для рассуждений служат события времен Василия Шуйского, т. е. эпоха 1606—1610 гг. Такова, например, повесть о псковском разорении, помещенная в псковской летописи.

Характер повести совершенно ясен. В ней с чрезвычайной яркостью отразились идеи, волновавшие „молодших“ людей. Автор разоблачает действия “славных мужей и великих, мнящихся пред богом и человеки, богатством кипящих“. Он показывает жадность и ненасытность этих великих мужей, говорит о заводе детей боярских и больших людей, хотевших предать Псков и пролить неповинную кровь. С удивительной четкостью автор повести погодных заметок говорит о разделении Пскова на два лагеря. На одной стороне — дети боярские и большие люди, на другой — меньшие и поселяне, „чающе истины и от всех злых избавления и от властительских всяких насильств, в них же несть бога, грех ради наших“. Автор с негодованием говорит об усмирении меньших людей „озлоблением неправедным“. Таким образом, перед нами сочинение, написанное рукою сторонника „молодших“ людей.

Другим литературным памятником, написанным в Пскове, является известное сказание „о бедах и скорбех и напастех, иже бысть в велицей Росии“. В сказании ярко проявляется вражда против бояр. Главную вину в разорениях и скорбях, постигших Московское государство, автор возлагает на окаянных начальников. Они быстро забыли „свое прежнее безвремяние и наказание, что над ними господь за их насильство сотвори, от своих раб разорени быша, и паки на тоже подвигошася“. Автор сказания несколько раз с иронией упоминает о боярском правлении: „сицево бе попечение боярско о земли руской,“ — восклицает он, говоря об осаде Смоленска и голоде ратных людей. Все зло в русской земле сотворилось „от злых чаровников и зверообразных человек“. Противобоярские тенденции автора крайне характерны для псковских посадских людей. Из их среды, несомненно, вышел сам автор сказания о бедах и скорбях. Так, в сказании говорится о сборе дани и пятой деньги у тяглых людей. Известны те протесты и жалобы, которые вызвал сбор пятой деньги среди посадских людей.

Повести о бедах и скорбях и о разорении Пскова могут быть сравниваемы еще с одним псковским памятником первой половины XVII в., погодными записями 1-й псковской летописи за 1612—1645 гг. Эти записи являются непосредственным

продолжением повести о разорении Пскова. Правда, автор погодных заметок умалчивает о борьбе „молодших и больших“, но все изложение событий наполнено у него недвусмысленными протестами против порядков, заведенных в Московском государстве XVII века. Он пишет о невольной цене и нелюбовной купле, проторях и убытках и разных бедствиях, которым подвергались псковичи. И в этих записках сказывается определенная ненависть к боярам, которым государевы села розданы в поместья. В отличие от автора „сказания о бедах и о скорбех“, автор погодных записок, повидимому, принадлежал к лицам, связанным с духовенством. В заметках несколько раз говорится об ущербе, нанесенном монастырям и церквам тем или иным действием правительства.

Нам остается теперь рассмотреть еще один памятник псковской литературы, стоящий особняком от рассмотренных ранее. Имеем в виду повесть „О смятении, междоусобии и отступлении псковичь от Московского государства“. По этой повести легче всего проследить отражение классовой борьбы в Пскове первой половины XVII в. на литературном памятнике.

Повесть о смятении рассказывает о тех же событиях 1606—1610 гг., как и повесть о разорении. Но освещение событий совершенно иное. Автор повести о смятении целиком стоит за нарочитых „лучших“ людей. В них он видит „боголюбцев и страдальцев“, а в их противниках, „молодших людях“ — мучителей, убийц и грабителей, которые „лихоимством разгорешася на чуждее имение“. Чернь и стрельцы грабят гостей и нарочитых людей, затевают на них поклепы, „дабы имение их взяти“. Автор не находит ругательных слов для народа, собранного „на вечь“. Он называет меньших людей зверьми, бессловесными скотами. Повесть составлена не ранее 1636 (144) г., когда была вновь написана икона Дмитрия Солунского. Автор говорит, что икону привезли из Гдова „ныне“, что дает право отнести повесть к 1636 г. Эта дата очень знаменательна. Ненависть автора к „меньшим людям“ так велика и непосредственна, что не может быть объяснена отдаленными 25-летними воспоминаниями о событиях 1610 г. Автор повести имел перед собой более близкий объект

ненависти, отражая непрекращающуюся борьбу больших и меньших людей между собою.

Эта борьба и предчувствие тяжелых осложнений нашла отражение даже в таком чисто церковном памятнике, как „чудеса Никандра псковского", где говорится также о междуусобии среди псковичей. Впрочем, „чудеса Никандра", может быть, были написаны уже после восстания 1650 г.[13]

Иностранная монета, клейменная московским гербом.

Московское восстание 1648 г. пробудило в Пскове большие надежды среди „молодших людей" и стрельцов. В псковской челобитной 1650 г. псковичи открыто выражают свою солидарность со стрельцами, сосланными за участие в московском восстании 1648 г. Следующий 1649 год дал непосредственный повод и к псковскому восстанию.

Столбовский мир 1617 г. оставил за Швецией несколько областей с русским населением. Для всех, желавших перейти на русскую сторону, дано было две недели сроку, после чего все оставшиеся в шведских пределах должны были считаться подданными Швеции. Кроме того, была принята статья, согласно которой Московское государство и Швеция обязались выдавать перебежчиков на обе стороны. В скором времени обнаружилось, что последняя статья клонилась исключительно в пользу шведов. В то время как из Московского государства в Швецию перебегали лишь немногие „причинные" люди, из уступленных шведам областей потянулся целый поток русских выходцев. За тридцать один год, с 1618 по 1649 год, даже по московским исчислениям число перебежчиков достигло внушительной цифры в 50 000 чел. Шведское правительство было крайне недовольно таким положением дел. Устраивались съезды для взаимной выдачи перебежчиков, посылались в Москву их списки и т. д., но все эти средства весьма мало помогали. В 1649 г. для окончательного решения вопроса о перебежчиках и некоторых других дел московское правительство отправило в Швецию посольство во главе

с Б. И. Пушкиным и дьяком Алмазом Ивановым. Перед московским правительством ясно стояли три выхода: воевать, выдать перебежчиков или откупиться деньгами. Для Москвы, готовившейся к войне с Польшей, не могло быть и разговора о войне с Швецией. Не был приемлем и другой выход: выдать перебежчиков. Послы договорились, что все перебежчики с 1618 г. по 1648 г. останутся за Московским государством, которое обязалось уплатить за них 190 000 руб. Кроме того, в Москве обещали продать в Швецию 12 000 четей ржи, по той цене, по какой будут в это время покупать рожь на месте, в Пскове. Закупка хлеба была вверена Федору Емельянову с поручением поднять цены на хлеб на псковском рынке. Это обстоятельство и послужило непосредственным поводом к началу восстания.[14]

ГЛАВА 4.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ В ПСКОВЕ

Царские грамоты, составленные в Посольском приказе, рисуют начало восстания в Пскове в таких словах: „Велено (было) дати свейской королеве из наших житниц, в цену, десять тысяч чети ржи, да за хлебную покупку, что по нашему указу велено гостю Федору Омельянову хлеба купити две тысячи чети, для того, чтоб цены приподнять, чтобы немцам по дорогой цене продать... И псковичи, немногие воры, свейские королевы подданного, который по нашему указу отпущен с Москвы с денежною казною, взяли и его безчестили и пытали, и нашу казну у него отняли и его отдали за приставы, и тем своим воровством меж государств учинили ссору".

Таким образом, грамота связывает приезд Нумменса с началом восстания, придавая ему особое значение.

Замечательно, что эта официальная версия Посольского приказа оказалась очень живуча. Даже Соловьев, имевший под руками подлинные документы, относящиеся к псковскому восстанию 1650 г., заимствовал из нее многие подробности.[14a]

Между тем царская грамота оставляет много места для различного рода недоумений. Если вопрос шел только о временном поднятии цен, то почему в городе началось восстание и всеобщее смятение? И далее, каким образом „немногие" люди могли задержать Нумменса, если в городе был воевода, командовавший крупными воинскими силами? Пользуясь только царскими грамотами, мы никогда не получим ответа на эти вопросы.

Нумменс приехал в Псков и был задержан 28 февраля, но события, подготовившие открытое восстание, начались значительно ранее и тесно были связаны с беззастенчивой спекуляцией, начатой на псковском рынке Федором Емельяновым.

Исполняя приказ правительства, Федор Емельянов сделал крупные закупки хлеба „по большой цене, по тридцати по шти алтын по четыре деньги". Емельянов в своих показаниях уверяет, что по такой и даже по большей цене покупали хлеб в Пскове в течение всей зимы. Но в этом можно сомневаться. Обычная цена на хлеб в Пскове была раза в два ниже. Так, в 1659 г. за четверть ржи платили всего 19 алтын по „меньшей" цене. Можно представить себе, какие громадные возможности представила Емельянову крупная спекуляция на повышении хлебных цен в неурожайный год.

Торговый человек — гость (по Майербергу)

В этой спекуляции заинтересован был ряд псковских помещиков. В числе продавцов хлеба Емельянов называет помещиков Ивана Нащокина с братом, Ивана Чиркина и Парамона Турова. Как-раз в это время, по словам Емельянова, псковичи „посацкие и всяких чинов люди учали про хлебную покупку на нево, Федора, гиль заводить". Случилось это еще до прибытия царской грамоты Собакину с приказом отмерить 10 000 четей ржи и ссыпать хлеб в амбары за рекой Великою. Между тем, эта грамота была получена в Пскове только 24 февраля. Таким образом, получаем ценное свидетельство о том, что волнения в Пскове начались, по крайней мере, за несколько дней до приезда Нумменса. [15]

26 февраля „посадские и всяких чинов многие люди“ приходили на двор к воеводе Собакину со словесным челобитьем, чтобы он задержал отдачу хлеба. Челобитчики указывали что „им, псковичам, хлеба купить стало негде. Волен бог да государь, станем де все у житниц сами, хотя де велит государь всех их перевешать, а в Свейскую землю хлеба из государевых житниц им не давывать“. Как и следовало ожидать, воевода не принял челобитья.

Большие события развернулись на следующий день 27 февраля. Начало их носило еще вполне легальный характер. Толпа псковичей „больши трехсот человек“ пришла к архиепископу Макарию с просьбой сказать Собакину, чтобы он не торопился с отдачей хлеба. Макарий послал за Собакиным, и здесь между псковичами и воеводой началась, по выражению архиепископской отписки, „выпрека большая“, перебранка и взаимные попреки.

Воевода держался вызывающе и назвал пришедших „кликунами“, Собакин велел подьячему переписать имена челобитчиков и, действительно, сообщил несколько имен в своей отписке в Посольский приказ. С удивительной близорукостью, свойственной московской администрации XVII в. Собакин даже не заметил, что в этот список попали совсем нереволюционные элементы во главе со всегородными старостами Семеном Меньшиковым и Иваном Подрезом.

Из толпы в 300 чел. на сени к архиепископу поднялись только человек 50 „лучших людей“. Эти люди тотчас же побежали из кельи, когда воевода пригрозил переписать их имена. Бежавшие с архиепископских сеней были настолько испуганы воеводской угрозой, что принялись упрекать остальных псковичей: „околничей (т. е. Собакин) учнет на нас писать к государю, что шумом приходили, и нам за то от государя будет опала“.

Но настроение широких масс псковичей было уже совсем иное, и с ним пришлось тотчас же познакомиться воеводе. На площади перед соборной церковью многие посадские люди и стрельцы кричали Собакину, что не позволят возить хлеб из Кремля за город. Воевода принужден был отказаться от вывоза хлеба, боясь „гилевщины и убойства“. Весь день и

всю ночь по городу „учали ходить толпами, человек по двадцати и по тридцати и по пятидесяти и больши с ружьем“. Таким образом, день 27 февраля подготовил уже события следующего дня.

Центральным местом в событиях 28 февраля безусловно занимает эпизод с Нумменсом. И замечательно, что именно этот эпизод описывается с самими противоречивыми подробностями.

Псковский дворянин А. Л. Ордын-Нащокин рисует нам такую картину. 28 февраля у всегородной избы собрались многие люди писать государю челобитную о хлебе, „и как лутчие люди с площади поразошлись, и тово же дни приезжали на площадь от Петровских ворот, которые по Московской дороге, стрельцы, а сказали, что де немчин Логин с Москвы везет денежную казну, а поехал около города на немецкой гостин двор. И посадские люди с площади скинулись, тово немчина заграбили на Великой реке у городовые стены, а с ним казну, которая дана ему на Москве. И на Великой реке хотели ево ослопы убить, а иные тенули, в прорубь хотели вкинуть. И учали его распрашивать, как ему та казна на Москве дана“. Нумменс просил дать ему повидаться с Федором Емельяновым. Тогда раздались крики — „пытать... немчина и Федора“. Нумменс был отведен во всегородную избу, где его раздели донага и обыскали, а к Федору послали за царской грамотой.

Во всем этом свидетельстве наиболее ценно показание Нащокина о толпе, собравшейся на площади для составления челобитной еще до приезда Нумменса.

Площадь находилась у Власьевских ворот, мимо которых неминуемо должен был проехать Нумменс, чтобы попасть в Завеличье.

Приезд Нумменса не был неожиданным. Новгородец Богдан Арцыбашев говорит в своих показаниях — „толко де новгородцы тому удивляютца, как во Пскове учинилось еще до их стрелецкого приезду от извощиков, которые ездили во Псков под извозом, везли на псковские кабаки у откупщиков с вином“.

Повидимому, стрельцы, стоявшие у Петровских ворот, за-

ранее были осведомлены о приезде немчина с казною и тотчас же подали весть об его приезде. Правда, Ордын-Нащокин, описывая задержание Нумменса, дает картину народного буйства: одни тянут немчина к проруби, раздаются крики „пытать", немчина раздевают донага и т. д. Но сам Нащокин не был свидетелем событий 28 февраля и рассказывал о них с чужих слов. К тому же он был заклятым врагом восставших псковичей.

В этом случае у нас есть более надежные свидетельства — показания стрельцов, провожавших Нумменса в Псков и бывших очевидцами событий.

Стрелец Ефим (Юшка) Васильев, командовавший остальными 10 стрельцами, показал, что у Власьевских ворот на реку Великую вышло 3 или 5 тыс. человек. Псковичи остановили Нумменса и стали спрашивать, какая с ним прислана казна. „И они де псковичи, взяв тое денежную казну, проводили в город и поставили перед съезжею избою, а свейского немчина поставили в городе у всегородные, а их провожатых поставили у денежные казны". Таким образом, не было никаких попыток бить „немца" ослопами или бросить его в прорубь. О такой попытке не посмел бы утаить Васильев, допрос которого производился в Посольском приказе.

Задержание Нумменса, повидимому, не было случайным и входило в задачи вождей восставшего Пскова. По крайней мере, нас убеждает в этом дальнейшее. Провожатые, стрельцы, бывшие с Нумменсом у всегородной избы, рассказывают, что псковичи „миром осматривали (Нумменса) и письма всякие у него взяли". Со слов этих же стрельцов, Васильев рассказывал, что „...немчина... раздевали донага и обыскивали писмы, и коробы с товаром и всякою рухлядью, где было его платье, из возов выставливали и велели ему отмыкать и в тех коробьях пересматривали ж, и собрали всяких писм две шапки, и из шапок же письма собрали к себе в коробью... и, запечатав тое коробью тремя печатьми, держали на площади". Здесь опять только картина обыска, необходимого для выяснения истины, и никаких упоминаний о буйстве и попытках к грабежу и убийствам.

Остается только не вполне ясным, что происходило далее.

В отписках архиепископа Макария и Афанасия Ордын-Нащокина говорится, что из всегородной избы посылали к Федору Емельянову за грамотами и золотой казной. Жена Емельянова отдала грамоту и казну, „а в то время Федор скрылся“.

Царскую грамоту читали при всем народе. Но все это рассказы с чужих слов, записи, составленные спустя несколько дней после события.

Во всех этих рассказах заметен целый ряд противоречий и преувеличений. Несомненно только, что тотчас же после обыска, произведенного над Нумменсом во всегородной избе, архиепископ и воевода уже к вечеру сделали попытку усмирить восстание путем религиозного воздействия.

Архиепископ с троицкими соборными попами в сопровождении воеводы и дьяков выходил на площадь с образом Троицы „уговаривать“. Старое средство на этот раз не оправдало себя. Архиепископ и воевода сами сознаются, что они „уговорить не могли“.

Нумменс вместе с казной и стрельцами был поставлен на подворье Снетогорского монастыря. Казна была цела, целы были и печати, осмотренные Нуммeнсом по требованию провожатых стрельцов. При Нуммeнсе была стража от Пскова в составе 5 попов, 5 посадских людей и 20 человек стрельцов.

В этот день из „лучших“ людей пострадал только один Федор Емельянов, двор которого был разграблен. Но подробности этого события и размеры убытка описываются только самим Федором, которому выгодно было оттенить свои потери от „гилевщиков“, показав, как псковичи воруют, грабят, разбивают бочки с вином, опиваясь до смерти, угрожают устроить пожар, „чтоб грабить весь город“.

Остальные источники, даже отписка архиепископа Макария, у которого скрылся Емельянов, об этом умалчивают. Трудно отрицать возможность грабежа и покушений на убийство такой ростовщической фигуры, какой был Емельянов, но остальное едва ли не является плодом его досужей фантазии.

События следующего дня, 1 марта, должны были показать воеводе и архиепископу, что речь на этот раз идет уже не о простой „гилевщине“, а о настоящем восстании.

Архиепископ в этот день служил обедню и молебен в соборе и „говорил всякими мерами“ псковичам, чтобы они отпустили Нумменса. Уговоры оказались и на этот раз напрасными. В пятом часу того же дня на площади перед народом Нумменс был допрошен и после допроса опять отведен на Снетогорское подворье. Здесь же на площади переводчик читал и переводил немецкие грамотки, привезенные Нумменсом. Этой драматической сценой, в сущности, закончилась роль Нумменса.

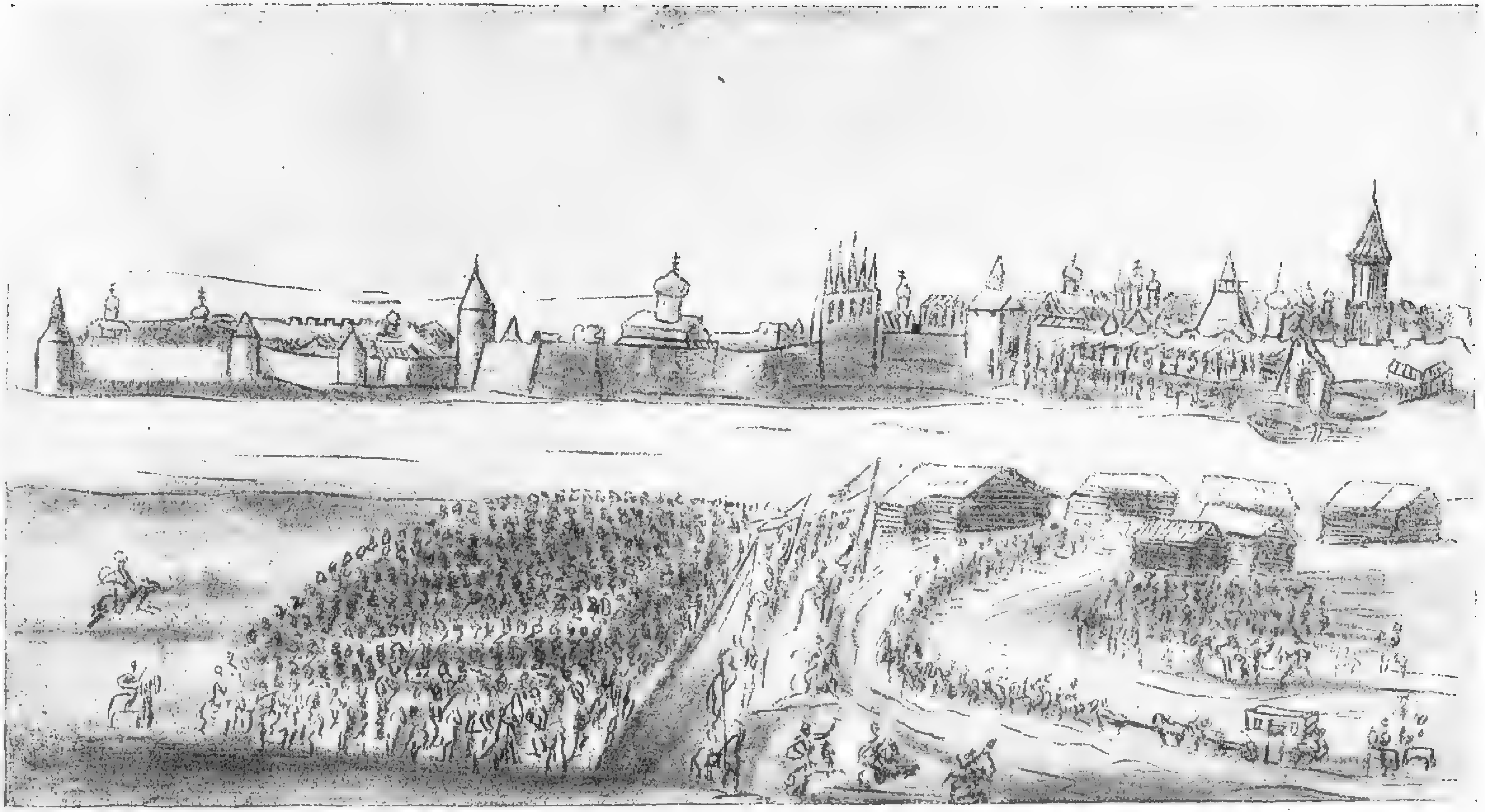
После первого марта в Пскове начался период своего рода двоевластия. Воевода выпустил из своих рук власть над городом. Он находился еще на свободе, но отписки принужден был посылать тайно, „чтоб из тех людей, которые тот гиль завели и смуту учинили, никто не ведал“.

Власть фактически перешла в руки всегородной избы. Одно время, повидимому, под сильным давлением восставших псковичей староста земской избы Иван Федоров Подрез предлагал архиепископу взять у воеводы даже городовые ключи. Архиепископ отказал Федорову, и ключи остались у Собакина.

В начале марта в Пскове воцарилось относительное спокойствие, но это было временное затишье перед новой грозой. Псков в это время являл поразительное зрелище, ясно и четко разделившись на две партии, — бедных и богатых, угнетаемых и угнетателей, обездоленных и привилегированных.

На одной стороне были стрельцы, средние и мелкие посадские люди, на другой дворяне, „лучшие“ посадские люди, стрелецкие сотники и пятидесятники. Это резкое классовое деление бросалось в глаза всем очевидцам восстания 1650 г. По словам Собакина, в событиях 28 февраля — 1 марта участвовали „посадцкие люди и стрельцы, и казаки, и пушкари и воротники, и всякие жилецкие черные люди, которые живут в городе и за городом в слободах и на посадех, опроче псковичь лутчих, посадцких и прожиточных людей“.

Посадский человек Прохор Мясник, присланный в Москву с челобитной от Пскова, говорит также, что в восстании участвовали стрельцы, пушкари затинщики и посадские „молодшие и худые люди“.



Псков в XVII веке
(по Майербергу, левая половина рисунка)

Разлад и резкие противоречия между „большими и меньшими“ ярко бросались в глаза. „Ныне попы и посадские люди и стрельцы, которые к гилевщикам приставали ходят в земскую избу, а на площадь не збираются, потому что у многих меж себя пошла рознь“, — говорит один очевидец.

В этой розни с особой резкостью сказалась борьба между „лучшими“ и „молодшими“ посадскими людьми. Называли ряд лиц, которым угрожал грабеж и разгром дворов. На первом месте среди них был сам земский староста Семен Меньщиков, спрятавшийся в момент восстания 28 февраля — 1 марта у архиепископа. Кроме того, упоминаются еще 7 посадских людей с Иваном Устиновым и Михайлом Русиновым во главе, 4 попа, дворяне Нащокины, Чиркины и Бешенцовы, которым угрожали восставшие псковичи.

В громадном большинстве были в стороне от восстания и стрельцы старого приказа, в то время как два новых приказа стали в первые ряды восставших. Из старых стрельцов только человек 20 примкнуло ко всегородной избе. Таким образом, с самого начала восстания резко наметилось классовое деление города.[16]

В наших руках имеются, к сожалению, лишь отрывочные документы допросов, снятых в Посольском приказе с очевидцев псковского восстания. Остается неясным, какие планы были в это время у восставших, но уже в начале марта идет слух, что „воровские люди, крепко говорят, будет от государя хто прислан, а с ним ратные люди многие, и им во Псков (их) не пустить, а над псковичи лучшими людьми похваляютца в городе их побить“. И эти планы не были пустым бахвальством. В Пскове уже составилось новое революционное правительство.

Среди „худых“ и „молодших“ людей сразу же выдвинулись и взяли в свои руки власть несколько человек. Среди них на первом месте упоминается староста площадных подьячих Томила Слепой. Участием подьячего в восстании объясняется особое внимание и недоверие, которые псковичи проявили к бумагам Нумменса и позже к царским грамотам. Ближайшим помощником Томилы был стрелец старого приказа Прокофий или Прошка Коза. К вождям восстания принадле-

жали также посадские люди — Никита Леванисов, мясник, два брата серебряники Макаровы, стрельцы Никита Сорокоум, Муха, Демидко Воинов, а также беглый человек боярина Бориса Ивановича Морозова бывший „лысковец“, портной мастер Степанко. В этом списке особенно бросается в глаза ведущая роль стрельцов, главным образом, нового приказа.

Контрреволюционные силы составились из коалиции помещиков, стрелецких и казачьих голов, стрелецких сотников и пятидесятников, попов и черного духовенства и „лучших“ посадских людей.

Гонцу Молвянинову бросилась в глаза странная картина. Он заметил, что на народных собраниях в Пскове старые стрельцы и „лучшие“ посадские люди стоят „в особых толпах“, находясь на площади, но оставаясь в бездействии.

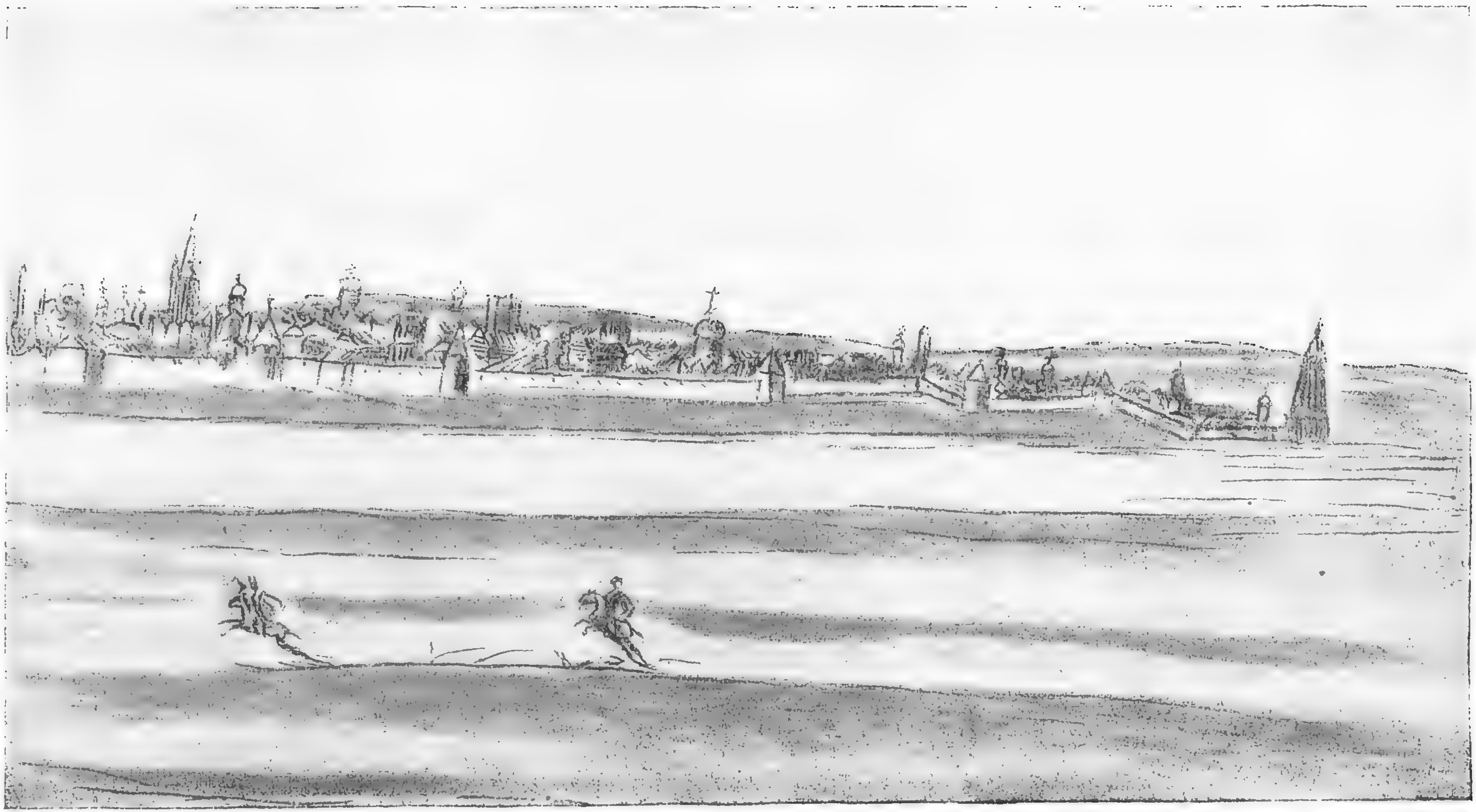
Между тем за этим кажущимся бездействием скрывалась не только затаенная вражда, но и активная деятельность против восставших псковичей. Тайно подготовлялась ликвидация восстания.

Выехавший из Пскова 7 марта сотник Копылов сообщает уже, что во Пскове „у многих меж себя пошла рознь, а в земскую де избу ходят и збираютца для того, что хотят послати ко государю челобитчиков“.

Для составления челобитных были выбраны по два или по три человека из каждого чина, т. е. отдельно от стрельцов, казаков, попов, посадских людей и т. д. „Те выборные люди учали мелких людей уговаривать, чтоб они от всякого дурна отстали, и те де все люди, которые были в воровстве, ныне от всякого дурна отстали и учали жить смирно“.

Действительно, 9 марта из Пскова выехали выборные люди: посадский человек Прохор мясник и стрелец Яшка или Юшка Щербаков, сапожник. С ними был отправлен с дарами новорожденной царевне Евдокии посадский человек Сысой Григорьев. Челобитные, посланные с Прохором, до нас не дошли. Известно только, что их было три: первая с просьбой не отдавать за рубеж хлеба, вторая с жалобами на Федора Емельянова, третья о немчине и о казне.

В челобитчики были выбраны чисто случайные люди. Прохор поехал по найму — „нанял ево, Прохорка, в свое же



Псков в XVII веке
(по Майербергу, правая половина рисунка)

место посадской же человек Степашко Шепелин", желавший откупиться от этой опасной чести. Сысой поехал вместо заболевшего отца и на допросе отмежевался от остальных челобитчиков — „до челобитчиковых ни до каких дел ему дела нет, и от миру ему, опричь того что поднести дары, иного ничего не приказано". Один Юшка Щербаков мог представлять своей особой восставший Псков, но как-раз он был задержан в Новгороде воеводою кн. Хилковым. Таким образом, это первое челобитье псковичей производит впечатление случайной затеи. Как оказывается, она такой и была.

История с челобитными, привезенными Прохором, была не чем иным, как своеобразной провокацией, затеянной контрреволюционными силами, работавшими на срыв восстания.

Показания А. Л. Ордын-Нащокина вскрывают нам эти закулисные действия дворян и богатых посадских людей.

3 марта, — рассказывает Ордын-Нащокин, — „поговоря меж собой, лутчие люди, и быв у меня Афонасья" решили предложить восставшему Пскову заняться составлением челобитной к государю. Это предложение было принято и в начале марта — „все люди, которые были в воровстве, ныне от всякого дурна отстали и учали жить смирно". Таким образом, Ордын-Нащокин уже на первых порах своей карьеры показал себя великим дипломатом. Псковское восстание 1650 года, повидимому, было тем трамплином, с которого он начал свою незаурядную карьеру. На тайном собрании у Ордын-Нащокина был выбран в челобитчики Ульян Фадеев, „а с ним иные, ково пошлют и с ним Ульяном, о всем подлинно ведать будет на Москве". В стрельце Ульяне Фадееве, таким образом, заранее был приготовлен шпион. Ордын-Нащокин имел широко разветвленную агентуру и теснейшим образом был связан с Федором Емельяновым.

Уже 27 февраля, после известного прихода псковичей к архиепископу, возникла угроза для самого Ордына-Нащокина. На двор к нему прибежали стрелец Ульян Фадеев и площадной подьячий Филька Шемшаков. Они сообщили Ордыну-Нащокину о событиях и обещали обо всем „уведом" наскоро давать. Опасность была настолько близка, что Ордын-

Нащокин выехал из города в свою деревню, верстах в 10 от Пскова.

Отсюда он собирал сведения для доклада в Москву и руководил тайными сговорами со старыми стрельцами и „лучшими“ людьми. 5 марта Ордын-Нащокин уехал в Москву „чтоб объявить государю про псковский мятеж и бунтованье, от чего и какими обычеи то дурно учинилось“.

Ордын-Нащокин был тесно связан с Емельяновым. В свою очередь, Емельянов был спасен архиепископом Макарием, спрятавшим его в своей келье. Боярский сын Михаил Туров вывез Емельянова за город к Парамону Турову. Этот Парамон Туров был клиентом Емельянова и продавал ему в начале восстания хлеб. Емельянов покупал хлеб также у Ивана Нащокина, родственника Афанасья Лаврентьевича. Таким образом, создается целая цепь людей, связанных взаимными выгодами и интересами. [17]

ГЛАВА 5.

ОДНОВРЕМЕННОЕ ВОССТАНИЕ В ПСКОВЕ И НОВГОРОДЕ

Первые известия о псковском восстании получены были в Москве только около 10 марта. 13 марта приехал Ордын-Нащокин, примчавшийся с целью объявить царю про псковский „мятеж и бунтованье". В тот же день прибыл гонец от воеводы Собакина, а 15 марта доехал до Москвы Федор Емельянов.

Восстание застало правительство врасплох. Еще недавно в Посольском приказе уверяли шведского посланника де-Родеса в том, что Нумменс находится в полной безопасности. Теперь дьяк Алмаз Иванов принужден был чрезвычайно осторожно и со всяческими оговорками признать, что в Пскове произошли большие волнения. Алмаз Иванов, по словам Родеса, говорил об этом чуть ли не с робостью.

В это время фактическим главой московского правительства был боярин Б. И. Морозов. Чрезвычайно характерны те меры, которые были предприняты Морозовым по отношению к восставшим псковичам.

Шведский резидент в Москве Карл Поммеринг сообщает в своем донесении от 23 марта, что царь отправил в Псков „одного князя и дьяка верно разузнать, как дело обстоит, чтобы помянутые мятежники были надлежащим образом наказаны и все приведено в порядок". О том, какой порядок предполагалось ввести в Пскове, можно составить себе представление по документам Посольского приказа.[18] Среди них хранятся два черновых списка с наказа князю Ф. Ф. Волконскому и дьяку Герасиму Дохтурову, посланным 17 марта

в Псков для сыска. Списки носят на себе следы многих поправок, дополнений и перечеркиваний. Наказ составлялся подробно и очень внимательно. Ясно видно, что правительство предполагало произвести над восставшими самую безжалостную расправу. Заранее давались указания, скольких человек надо казнить — „дву человек казнить смертью, а четырех человек за городом повесить по дорогам... а достальных воров по сыску, колко человек доведетца, велети в торговые дни бити кнутом нещадно и посадить в тюрьму“. Во время сыска предлагалось широко применять пытку и жечь огнем. Рядом с этим Волконский и Дохтуров должны были прочитать во всеуслышание царские грамоты. В грамотах к дворянам и боярским детям, а также к псковским казакам, высказывалась похвала за то, что они к „воровскому заводу“ не пристали, и предлагалось всячески содействовать сыску.

Наказ предписывал Волконскому для чтения грамот собрать к архиепископу на двор дворян и детей боярских, стрелецких и казачьих голов и сотников, стрельцов, казаков, всегородных земских старост и посадских лучших и середних людей. В этом перечислении бросается в глаза отсутствие „молодших“ посадских людей, против которых своим острием направлен был сыск.

В делах сохранилась грамота к стрельцам и посадским людям, где также высказывается царская похвала за униманье „воров“. Впрочем, в бумагах сохранился проект и другой царской грамоты, одно место которой особенно поражает своим бесстыдством. Рассказав о причинах выдачи денежной казны в Швецию, грамота говорит, что псковичам „было за такую его государскую премногую милость и жаленье и за христианское избавление благодарить бога и ему государю те убытки платить и воздавать службами своими...“ Таким образом, спекуляция с хлебом в неурожайный год выставлялась настоящим царским благодеянием.

Характерная фигура Волконского дополняет собой картину предполагавшейся расправы. В одном из хронографов XVII в. говорится, что в московское восстание 1648 г. „князя Федора Федоровича Волконского чернь к себе поимаша“. Следовательно, уже в 1648 г. Волконский был непопуля-

рен среди черных московских людей. Наказ о сыске добавляет еще одну характерную черту. Волконскому и дьяку Дохтурову наказ угрожал опалой, если сыск они „учнут делати с поноровкою для своей корысти“. Повидимому, поноровки или послаблений при сыске без корыстных целей бояться было нечего.

Торговый человек XVII века
(по Майербергу)

Волконский и Дохтуров были отпущены в Псков 17 марта, а еще ранее туда же поехал на смену Собакину новый воевода князь В. П. Львов с дьяком Иваном Степановым.

По дороге Волконский и Дохтуров узнали о чрезвычайно важном событии. Гонец из Новгорода, встретившийся с ними в Клину, сообщил им, что 15 марта в Новгороде началось восстание. [19]

Новгородские события тотчас же стали известны в Пскове. Еще 15 марта здесь было относительно спокойно.

„Окольничей и дьяк в съезжую избу ездят по-прежнему, а в земскую избу ходят старосты, а земские люди для збору и гилем не приходят“, — доносит гонец Собакина в Посольском приказе. 17 же марта в Пскове разыгрываются крупные события.

В этот день архиепископ Макарий служил обедню по случаю царских именин в Надолбине монастыре. В Рыбницких воротах его задержали псковичи, требуя выдачи приказного человека Михаила Турова, вывезшего Федора Емельянова за город. Макарий отговаривался, обещая сыскать и выдать Турова. Архиепископа будто бы посадили в богадельне на цепь, но через час отпустили домой. Так пишет об этом событии Волконский со слов встретившегося ему на дороге пушкаря.

Но о событии 17 марта сохранился любопытный рассказ самого Макария.

„В самую обедню, — пишет в своей отписке архиепископ, — учал быть звон в сполошный колокол. И я посылал проведать для чево тот звон. И мне сказали, что звонят, людей скопляют на меня. И после обедни многое время мотчав, поволокся (я) в Троицкий дом, и как буду блиско площади и по городовой стене и по церковным и по жилетцким кровлям и на площади людей безмерно много. И меня остановили и учали на меня всем миром шуметь и каменье поднимать, а говорили мне оне вину: по твоему де письму в Новегороде князь Федор Андреевичь Хилков их челобитчиков переимал и перековал и пытать хотел и к тебе, государю, тех челобитчиков послал де за приставы. И волочили меня богомольца твоего по площади часа четыре“. [20]

Таким образом, временное затишье в Пскове кончилось. Началась новая еще более яркая страница восстания. В Пскове теперь снова „по вся дни бьют в колокола, и круги, и советы“.

В другой своей работе („Новгородское восстание 1650 года“) мне приходилось указывать на близкие сношения Новгорода и Пскова во второй половине марта и первой половине апреля 1650 г. [21]

Восставшие новгородцы возлагали чрезвычайно большие

надежды на Псков, видели в нем надежное пристанище в случае неудачи.

Начало новгородского восстания кажется сколком с псковских событий конца февраля — начала марта. Как и в Пскове, дело там начинается с задержания „немца", далее следуют угрозы воеводе и митрополиту, вечером подвергаются разграблению дворы „лучших" людей. Эта параллель, возможно, не случайная. Несомненно, в новгородском восстании 15 марта сыграла громадную роль агитация из Пскова.

В свою очередь, восстание в Новгороде громким эхом отдалось в Пскове. В уста восставших псковичей вкладывается характерная фраза: „не одни мы то учинили, и новгородцы так же зделали и топерво в том деле два городы".

Около 20 марта в Пскове произошли решительные перемены в составе всегородной избы. Прежние всегородные старосты Семен Меньщиков и Иван Подрез были отставлены от своих дел. На их место восставшие псковичи избрали новых старост Гаврилу Демидова и Михаила Мошницына. Это избрание произошло не позднее 23 марта, когда впервые встречаем упоминания о Демидове как всегородном старосте.

Демидов и Мошницын были избранниками „молодших людей" и стрельцов. Староста Гаврило Демидов тотчас же занял главенствующую роль во временном псковском правительстве. В его лице псковичи получили настоящего вождя восстания, роль которого во всем движении 1650 г. была чрезвычайно велика. Ему приписывается весь „завод и воровской умысл". Он фактически руководит с этого времени действиями восставших.

Конец марта был ознаменован окончательной ликвидацией воеводской власти в Пскове. 25 марта в Псков приехал новый воевода князь В. П. Львов. Он принял от Собакина городовые ключи и запасы. Собакин предполагал после этого уехать в Москву. Но его отъезд совсем не входил в планы восставших. Всегородные старосты заявили Собакину, что они его не отпустят, потому что он писал царю, что в Пскове хлеб дешев. Псковичи не без ехидства предложили ему остаться с ними „на дешевом хлебе". В челобитных к царю, впрочем, выдвигалась другая причина. Псковичи обвиняли Собакина

в раздаче из дворцовых житниц хлеба, в котором он не отчитался.

Впрочем, настоящая причина, по которой Собакин был задержан в Пскове, была иная. Правительство всегородной избы рассматривало Собакина как заложника. Об этом у нас есть точное показание новгородца Арцыбашева, бывшего в это время в Пскове: „будет только что сделается над их челобитчики на Москве, то де здесь и окольничему Никифору Сергеевичу не быть живу".

Боярин
(по Майербергу)

28 марта в съезжей избе разыгралась драматическая сцена. Псковичи пришли к новому воеводе Львову и потребовали, чтобы он выдал порох и свинец. Львов спросил пришедших: „На что вам порох и свинец, али что из-за рубежа слышать", Тогда воевода услышал неожиданный ответ: „из-за рубежа не слыхать, боимся московского рубежа, слышали мы, что идут с Москвы к нам во Псков многие служилые люди". Замечательно, что эта фраза о московском рубеже повторяется в распросных речах трех разных лиц, что придает ей большое вероятие. В своей отписке Львов прямо говорит, что псковичи ему заявили о своем намерении сражаться против московских войск.

Львов отказал в выдаче пороха и свинца. Тогда раздались крики: „с ружьем, с ружьем!" Воевода попал в съезжей избе

в осаду и был до смерти перепуган. Взяв икону, Львов обращался к псковичам со словами: „какова вы изменника меня нашли государю“. Под угрозой смерти он вынужден был передать городовые ключи всегородным старостам, которые с этого времени сделались настоящими хозяевами города.[22]

При таких условиях сыск Волконского заранее был обречен на полную неудачу.

Волконский и Дохтуров приехали в Псков 30 марта. Для них был отведен пустой двор Федора Емельянова. Это дало повод к язвительным сопоставлениям: „изменник стал на изменничьем же дворе“.

Волконский очень скоро заметил, что не может быть и речи о покорности восставших. Воевода Львов был бессилен, Собакин находился на положении арестованного. Царский наказ предусматривал все подробности сыска, но составители наказа не рассчитывали на сопротивление восставших псковичей.

Всегородные старосты предложили Волконскому поехать в земскую избу. Волконский отказался и поехал в собор к обедне. Возможно, он хотел прочитать царский наказ в соборе под охраной духовенства и церковных стен. Но на этот раз церковь оказалась плохим убежищем. Псковичи пришли в собор и вывели Волконского на площадь перед всегородной избой. Неудачного следователя поставили на большой дощан (чан) и подвергли допросу — „с чем он в Псков прислан“. Началось чтение царского наказа. Слова наказа о казни восставших, написанных по именам, вызвали бурю возмущения, жертвой которого едва не пал Волконский. Только вмешательство старост и выборных людей спасло его от смерти.

На ту же площадь был приведен бывший воевода Собакин и так же допрошен на дощане. После этого Волконский и Собакин были отданы под стражу. Так плачевно кончился грандиозный сыск и расправа, задуманная в стенах Посольского приказа. Псковичи оказались „во всем царскому указу непослушны“.[23]

Конец марта и первая половина апреля представляются чрезвычайно интересным периодом в истории псковского вос-

стания. В это время идут усиленные сношения между Псковом и Новгородом. Инициатива идет все время от Пскова. Митрополит Никон определенно говорит, что 3 апреля в Новгород приехали четверо псковичей, по слухам, для переговоров о соединенных действиях против московского правительства. Об этом подробнее говорит известный Федор Негодяев, заседавший в новгородской земской избе вместе с Жегловым. По его словам, в начале апреля из Пскова приехали два казака и двое монастырских служек. Они привезли с собой грамотку с предложением „городу за город стоять вместе". Псковские делегаты сообщили о переходе на сторону восставших солдат, находившихся в Сумерской волости, на границе со шведскими владениями.

Переговоры Пскова с Новгородом чрезвычайно симптоматичны. Они показывают, что вожди восставшего Пскова не хотели ограничиться обороной, а думали о распространении восстания на другие города Московского государства. Конечной целью восстания уже в этот ранний период намечается Москва.

Новгородский воевода Хилков, задержавший псковских челобитчиков, нашел у них „смутное письмо", написанное Томилой Слепым и его сыном Григорием. О характере этого письма Хилков умалчивает, молчит он и об его адресатах. Но царская грамота упоминает об этом письме в таких выражениях: „послано изо Пскова воровское письмо, писано ко всякому воровскому заводу". Повидимому, речь должна итти о своего рода открытом письме, написанном от имени восставшего Пскова.

Федор Емельянов и другие торговые люди придают еще более определенный характер намерениям псковичей. „Псковичи советовали, — пишет с их слов Хилков, — хотели посылать в Великий Новгород и к Москве и в иные города для того, чтоб всяких чинов людем приттить к тебе, государю, бити челом таким же невежеством, как и преж сего на Москве учинилось".

Эти слова о намерениях псковичей вступить в сношения с другими городами не являются чем-то неожиданным. Московское государство находилось в состоянии непрерыв-

ной лихорадки. Возможность всеобщего восстания казалась опять чрезвычайно близкой. „Видно, — говорит шведский посланник де-Родес, — что бунт распространяется и кажется, как огонь в одном месте потушен, сейчас же снова загорается в другом. Это также очень похоже на то, как будто здесь и там лежит под холодной золой скрытый пыщущий жар".

Действительность скоро оправдала эти слова де-Родеса. Пожар, потушенный в одном месте, вспыхнул зараз в нескольких местах.[24]

ГЛАВА 6.

БОЛЬШАЯ ПСКОВСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Восстание в Новгороде поставило московское правительство в крайне затруднительное положение. 20 марта по новгородским вестям было решено послать против Новгорода карательный отряд во главе с князем Иваном Никитичем Хованским. По отношению к Пскову однако, правительство Морозова все еще возлагало большие надежды на обычные приказные меры воздействия. 22 марта из Москвы была отослана новая грамота Волконскому с приказом ехать в Псков и вести сыск попрежнему.

В работе о „Новгородском восстании 1650 года" мне приходилось уже более подробно останавливаться на действиях Хованского против новгородцев. Здесь же надо только отметить, что надежды московского правительства на скорое подавление восстания в Новгороде очень быстро рухнули. Поход Хованского затянулся почти на целый месяц. Только 13 апреля Хованский вступил в Новгород.

Подавление новгородского восстания казалось чрезвычайно удачным поводом для расправы с Псковом. Московское правительство, митрополит Никон, новгородский воевода Хилков и сам Хованский приняли все меры, чтобы оповестить псковичей о падении Новгорода.

Отписки и грамоты Хованского и Никона рассказывали в стереотипных приказных фразах о том, как новгородцы „обратились на истинный путь и великому государю вины свои принесли и милости просили".

Однако, известие об усмирении Новгорода произвело в Пскове совсем иное впечатление, чем думали Хованский и

Никон. В Пскове говорили о Хованском: „полно де и того, что обманул Новгород и вшел в город, а их пскович не обмануть“. Гонец митрополита Никона был встречен в Пскове крайне недружелюбно, закован в железа и отдан за пристава. Приведем рассказ самого гонца Богдана Сназина: „Как приехал он, Богдан, во Псков майя в 3 день в пятницу и ево де у городовых ворот караульщики взяли и привели во всегородную избу к выборным людем, к посадцкому человеку к Гаврилу Демидову да к дворенину к Ивану к Чиркину и ко всем выборным. И те де выборные люди во всегородной избе у него, Богдана, митрополичи отписки взяли, которые посланы были с ним, Богданом, к архиепископу и к ним ко псковичам. И те де отписки розбечатали и роспечатав вычитали. А вычет де, те выборные люди велели для народу бить в сполошный колокол. И как де учли бить и народ к той избе сшелся и те митрополичи отписки, став на дощаны, в мир вычитали. И выслушав тех отписок псковичи всяких чинов люди митрополита невежливыми словами всячески бранили, и ево де мы отписок не слушаем: полно де ему митрополиту и того, что де он Новгород обманул, что подали государю новгородцы повинные челобитные. А мы де не новгородцы, челобитных де нам повинных ко государю не посылывать. А посланы де от нас из Пскова ко государю челобитчики и с ними де посланы обо всем ко государю челобитные, а в тех де челобитных подлинно обо всем написано, и что де нам по тем нашим челобитным государев указ будет и того де нам и дожидать“.

Еще худший прием ожидал Андрея Сонина, присланного в Псков с царскими грамотами и отпиской Хованского о взятии Новгорода. Для большей убедительности вместе с Андреем Сониным в начале мая в Псков были отправлены новгородские дворяне и посадские люди. Во главе этой своеобразной делегации стоял посадский человек Никифор Клетка, являвшийся представителем новгородских „молодших людей“ на соборе 1649 года.

Сонин с товарищами приехали в Псков и говорили по наказу, чтобы псковичи помнили крестное целованье и от всякого дурна отстали. Всегородные старосты и остальные пско-

вичи дали им решительный отпор, заявив, что у них „никаких воров и заводчиков нет, а стоят они за государево крестное целованье и во всем ему государю прямят". Старосты предложили передать Хованскому, чтобы он не трудился присылать в Псков людей с такими письмами. Псковичи называли присланных новгородцев изменниками, упрекая их в том, что они пустили Хованского в город. Андрей Сонин и делегаты были выпроважены и шли из Пскова пешком.[25]

Из распросных речей Сназина видно, что восставшие псковичи возлагали известные надежды на челобитную, посланную к царю. Речь идет о новой псковской челобитной, которую как по ее размерам, так и по значению можно назвать большой, в отличие от трех мелких челобитных, составленных ранее.

Составление псковской большой челобитной падает на середину апреля. В половине апреля люди Семена Стрешнева, провожавшие в Псков нового воеводу Львова, присутствовали при чтении в земской избе челобитной, в которой говорилось о боярине Н. И. Романове. „В те поры в земской избе сидели старосты и выборные люди да дворяне Ондрей Окунев и иные". Это известие проливает некоторый свет на способ составления челобитной. Она составлялась и, повидимому, подвергалась обсуждению в земской избе, где сидели выборные люди от разных чинов, в том числе от дворян. Такое предположение подкрепляется и другим известием о той же челобитной: „складывали и писали тое челобитную у земские избы недели за 2 и руки прикладывали всем городом".

Как старательно подбирались материалы для челобитной, — указывает одно обстоятельство. В челобитной нередко встречаются ссылки на показания различных людей, сделанные в Пскове перед всем народом. При этом с необыкновенной точностью отмечается лицо, давшее показание, и день, когда это показание сделано. В делах о псковском восстании, действительно, встречаем распросные речи разных лиц, записанные в псковской земской избе при старосте Гавриле Демидове и выборных людях. В громадном боль-

шинстве эти речи носят чисто фантастический характер, передавая слухи и толки о предполагаемом нападении немцев, измене боярина Б. И. Морозова и т. д. Но сама запись этих распросных речей показывает, с какой тщательностью составлялась большая псковская челобитная.

Автором челобитной царские грамоты называют Томилу Слепого, отставного старосту площадных подьячих. Если это указание верно, то в Томиле Слепом мы встречаемся с крупным литературным талантом. [26]

Подача челобитной
(по Майербергу)

Большая псковская челобитная по содержанию делится на две части. В первой части излагаются события, вызвавшие восстание в Пскове, во второй — требования псковичей. Челобитная отвергает все обвинения псковичей „в воровском заводе и мятеже“: „о воровском, государь, ни о каком заводе ни у ково совету не было и ныне нет же“.

Все смятение началось с того времени, как пришла царская грамота об отдаче шведам хлеба. Еще раньше приезжал немчин полковник Александр и высматривал в Пскове крепость, а потом вместе с русскими послами отправился в Стокгольм. Торговые немцы тоже ходили в город к воеводе и к Федору Емельянову и о чем-то с ними совещались; „а о чем

он, Федор, с теми немцами советовал, и того, государь, нам и всему граду неведомо“. Далее Псковичи просили воеводу подождать с отдачей хлеба, пока они пошлют об этом в Москву челобитчиков, потому что во Пскове „большая хлебная скудость и дороговь“. Воевода в просьбе отказал и угрожал всему миру: „вы де, псковичи, изберите лучших людей, ково из вас повесити“.

Очень много места в челобитной уделяется эпизоду с Нумменсом. Немчин поехал вокруг города на Завеличье. На допросе Нумменс сказал: „дал де нам твою государеву денежную казну на Москву твой государев боярин Б. И. Морозов без твоего государева ведома, и с Москвы де его отпустил с тою казною в шестом часу ночи“. Нумменс далее говорил, что шведская королева собирается итти войною против Новгорода и Пскова. Челобитная добавляет, что „всем народом того немчина Логина не обыскивали, и платье с него не снимывали и его не безчестили“.

Далее челобитная переходит к жалобам на Федора Емельянова. Указываются его злоупотребления и дружба с немцами. Никто Емельянова не грабил: „государева денежная казна, которая, к нему, Федору Емельянову, прислана на хлебную и ефимочную покупку, и ево Федоров живот весь цел“.

Узнав о сборах шведов под Псков на Троицын день, псковичи просили у нового воеводы Львова пороху и свинцу. Львов отказал, и тогда псковичи сами взяли у него городовые ключи „для обереганья твоей государеве отчине городу Пскову и своих голов православного христианства“.

Очень много места в челобитной отводится различным слухам о скором нападении на Псков. Челобитная передает расспросные речи приезжих в Псков из других городов о сборах немцев и обидах, наносимых царскому имени в порубежных шведских городах.

При этом все время подчеркивается, что Псков — город порубежный, а немцы — „изстари оманщики“. Здесь челобитная дает историческую справку о войнах с немцами Александра Невского и псковских князей Всеволода и Довмонта, а также прежних псковских посадников. „И многие, государь — заявляется в челобитной, — побоища около города

Пскова в засадех и в пригороцких уездех ныне знать, где те побиенные почивают". Напоминаниями об осаде Пскова польскими и шведскими войсками кончается вводная часть.

Челобитная переходит далее к рассказу о псковских неустройствах. От имени всех псковских служилых людей челобитная приносит жалобу на убавки жалованья. „Царю Ивану Васильевичу служили руские люди, а Литва и немцы у него не служивали, и сам, он под многие государства и городы войною ходил и государства и городы имал с рускими людми, а не с иноземцы, а их, государь, жаловал своим, государевым царским полным жалованьем без убавки". При царе же Иване воеводы и дьяки со служилых людей посулов не брали. Теперь у служилых людей жалованье отнято на половину, и иным и вовсе ничего не дается. Кто должен получать хлебное жалованье, тем дают вместо хлеба „в укол" деньгами.

Воеводы и дьяки берут со служилых людей посулы, в год рублей по 500 и более, и стараются выдавать жалованье не в указанные сроки, а под праздники, „наровя кабацким откупщикам", чтобы деньги остались в кабаках. Служилые люди показывают воеводе и дьякам царские жалованные грамоты, а они им отвечают: „добры де жалованные грамоты, да мы вам не дадим, потому что исходит государева казна на Москве немцам".

Жалобы духовенства очень незначительны и сводятся только к мелким частным вопросам. До большого пожара в Пскове было 30 ружных храмов, построенных и содержимых на царские деньги. Теперь осталось всего 14 церквей, которые без призренья со стороны воеводы и архиепископа „валятся розно", а руга причту выдается вполовину перед прежним, да и с той воеводы и дьяки берут большие поминки".

С жалоб на несправедливости и притеснения властей начинают и посадские люди. Псковичи указывают, что они для воевод и дьяков строят всем городом дворы. Как только воеводы и дьяки сменяются, то не оставляют после себя никаких вещей, а, либо увозят их с собой в Москву, либо продают тут же на базаре. Тяглые посадские люди разоряются, перестраивая заново и поправляя дворы для воевод и дьяков.

Против воеводы Собакина выдвигается обвинение в том, что он брал в рядах товары безденежно и заставлял на себя работать, а денег не платил. Сыновья его Василий и Григорий, со своими дворовыми людьми, мужних жен и дочерей позорили насильством. Посадские люди жалуются и на зазывные грамоты из Москвы. При царе Михаиле Федоровиче псковичам была выдана жалованная грамота с разрешением судиться по всем делам, кроме разбоя и воровства, в Пскове перед воеводой и дьяками. Теперь же эта грамота нарушена и впредь псковичам „от тех зазывных грамот и затейных продаж прожити невозможно“.

Наконец, тяглые люди указывают на несправедливое обложение. В 132 (1624) г. писец Иван Вельяминов записал Псков в 7 долях, а уезд и пригороды в одной. Между тем по дозору 154 (1646) г. оказалось крестьян в уезде и в пригородах раз в десять больше, чем посадских людей в Пскове.

Конец челобитной суммирует все жалобы псковичей и выдвигает ряд требований, которые в общем сводятся к следующему: 1) не уменьшать в Пскове числа служилых людей и не брать их на службу в Москву и замосковные города „на государевы береговые службы“; 2) выдавать жалованье служилым людям сполна и в указанные сроки; 3) запретить воеводам брать посулы, заставлять безденежно на себя работать и разорять при отъезде отведенные им дворы; 4) отменить зазывные грамоты, кроме дел по разбою и грабежу, и приказать „впредь твоим окольничим и воеводам и дьяком во Пскове... во всяких делех расправы чинить з земскими старосты и с выборными людьми по правде, а не по мзде и не по посулом“; 5) платить подати не по писцовым, а по новым дозорным книгам; 6) строить ружные храмы попрежнему и выдавать духовенству ругу сполна, без поминок воеводам и дьякам.

В заключение челобитная просила, чтобы царь не верил ложным отпискам воеводы Собакина и архиепископа Макария, а приказал учинить ответ по всем статьям „градцкого всемирного челобитья“.

Псковская челобитная заканчивалась просьбой прислать в Псков для сыска „своего великого боярина Никиту Ивано-

вича Романова, который „тебе праведному государю, о всем радеет и о земли болит“.

Большая псковская челобитная была написана от имени „всего города“. В начале ее по обычаю перечислялись все челобитчики. Это прежде всего псковское духовенство — архимандрит и игумены, старцы и старицы, соборный протопоп, священники и дьяконы. Далее упоминались в числе челобитчиков „псковичи и пусторжевцы и невляне, дворяне и дети боярские“, казаки, стрельцы, пушкари, казенные земские старосты, Гаврилка Демидов, Сенька Артемьев и „все псковичи посадские тяглые и всяких чинов жилецкие людишки города Пскова“. Таким образом, челобитная подается, действительно, от всего города.

По обычаю на обороте челобитной находятся рукоприкладства, просмотр которых может подтвердить список челобитчиков, приведенный выше.

Здесь мы прежде всего встречаем рукоприкладства от черного духовенства (архимандрита Снетогорского монастыря, игуменов Мирожского, Елизарова, Кожина, Крыпецкого и других монастырей), большое количество подписей белого духовенства, посадских людей, псковских помещиков, дворян и детей боярских (кн. Ивана Шаховского, Сумароковых, Сумороцких, Ивана Чиркина, Максима Нащокина, Григория Воронцова-Вельяминова и других). Но рядом с прямыми указаниями рукоприкладств имеем и другие известия, совсем поиному рисующие картину единства псковичей.

Едва только помещик Воронцов-Вельяминов, посланный от Пскова в числе челобитчиков, приехал в Москву, как тотчас же заявил, что „дворяне ни о чем государю не челобитчики“. [27]

Заявление Воронцова-Вельяминова не случайно. Несомненно, дворяне подписывали челобитную неволей. В этом нас убеждает сама челобитная, где нет никакого намека на недовольство или какие-либо жалобы со стороны дворян и детей боярских. Все пункты челобитной говорят о нуждах только стрельцов, посадских людей и отчасти духовенства. Впрочем, голос духовенства слышится робко. Он выражается только в просьбе строить ружные храмы попрежнему. Как дворяне, духовенство в громадном большинстве было

враждебно восстанию. Поэтому псковскую челобитную, в первую очередь, надо рассматривать как петицию стрельцов и посадских людей.

Среди статей большой псковской челобитной мы встречаем ряд пунктов, довольно обычных для городских челобитных XVII в. Таковы просьбы о взимании податей по дозорным книгам, просьбы о выдаче жалованья сполна и в указанные сроки, жалобы на злоупотребления воевод и дьяков.

Но три пункта псковской челобитной выходят далеко за пределы обычных жалоб и требований посадских людей. Эти пункты следующие: 1) об освобождении служилых людей от государевых береговых служб, 2) об отмене зазывных грамот и 3) о рассмотрении судебных дел воеводою вместе с земскими старостами и выборными людьми.

Из этих пунктов наиболее приемлемым для московского правительства было требование об отмене зазывных грамот.

По существу просьба псковичей об отмене зазывных грамот не заключала в себе ничего нового, а требовала только возвращения к старым порядкам эпохи царя Михаила Федоровича. Еще в 1633 г. московское правительство выдало псковским посадским тяглым людям жалованную грамоту. В ней говорилось об отмене зазывных грамот и предлагалось судить посадских людей по искам в Пскове „опричь татьбы и разбоя с поличным".

Зазывные грамоты были таким злом, против которого протестовали уже и в предыдущее царствование. Требование об отмене зазывных грамот выдвинули например дворяне разных городов, подавшие царю челобитную в 1637 г. Дворяне жалуются, что сильные люди путем зазывных грамот „продают напрасно", разоряя своих противников вызовами в Москву. Просьба судить „по правде, а не по мзде и не по посулам" также высказывалась постоянно и раньше. Особенно резко она была выражена в дворянской челобитной 1641 г., которая категорически заявляет „и посулы б государь велел вывесть".

Просьба псковской челобитной об организации воеводского суда совместно с земскими старостами и выборными, тоже не является чем-то исключительным. Этим пунктом кончается

упоминавшаяся выше дворянская челобитная 1637 г.: — „Вели, государь, выбрать в городех из дворян и из земских людей и... судить в городех по своему государеву указу и по своей государевой уложенной судебной книге“.

Такое же требование выдвигает московская челобитная, поданная во время восстания 1648 г. и дошедшая до нас в переводе на шведский язык. „Твое царское величество должен указать,—говорит челобитная,—всяким людям всех служащих и судей назначать своими собственными средствами и для того людей выбирать, которые бы их по старине и по правде ведать могли и от сильных людей насилия оберегать“.

Здесь мы видим ту же мысль, что и в псковской челобитной, но выраженную в более прямой и общей форме.

Таким образом, псковская челобитная перекликалась в своем основном пункте с требованиями, предъявленными правительству во время восстания 1648 г.

Одежда ратного человека в Московском государстве

Введение совместного суда воеводы и земских старост возвращало Псков к его давнему прошлому, по крайней мере, к первой половине XVI в. К той же эпохе ведет нас требование челобитной об отмене для псковских стрельцов государевых береговых служб. Оба эти пункта челобитной, возможно выросли на местной псковской почве, еще пропитанной остатками древней „вольности“.

По крайней мере, эти требования так были поняты даже в среде московского правительства. Упоминавшийся раньше

Поммеринг пишет например в письме от 4 мая следующую фразу: „Здесь снова начинают распространять слух, что псковичи не хотят усмириться. Прибавляют, будто они требуют той свободы, какую они имели до времен царя Ивана Васильевича“. [28] Как мы видим, московские слухи имели под собой прочное основание.

Для вручения челобитной царю Алексею были выбраны люди от всех чинов: Григорий Воронцов-Вельяминов — от дворян, чернец Снетогорского монастыря Пахомей и священник Филипп — от духовенства, Никифор Тимофеев и Тимофей Ефимов — от посадских людей, Иван Степанов, Федор Гурьев, Артемий Петров — от трех стрелецких приказов. Такой состав челобитчиков перечисляет Артамон Матвеев, встретивший их по поручению московского правительства в Твери. В распросных речах Григория Вельяминова упоминаются те же имена, но уже не с отчествами, а с фамилиями, что может создать впечатление иного состава челобитчиков. При отправлении челобитчиков была соблюдена обычная формальность. Челобитная была показана князю Волконскому, который запечатал ее в особый столбец и послал вместе со своей отпиской.

Челобитчики выехали из Пскова 24 или 25 апреля. Одновременно из Пскова был послан тайным гонцом казак Мокей. Он должен был вручить копию челобитной боярину Н. И. Романову, на заступничество которого в Пскове возлагались большие надежды. [29]

ГЛАВА 7.

ПОХОД ХОВАНСКОГО НА ПСКОВ

12 мая псковские челобитчики приехали к Москве. Согласно полученному наказу, Артамон Матвеев должен был отвезти челобитчиков прямо в село Покровское, не заезжая в Москву. Эта предосторожность была принята с явной целью помешать распространению в Москве нежелательных толков о псковском восстании.

В Москве среди челобитчиков тотчас же произошел раскол. Дворянский представитель Григорий Воронцов-Вельяминов заявил, что он послан к царю „от своей братьи, от дворян и детей боярских, бити челом о своей страдничьей вине, что к челобитной руки приложили в неволю, потому что мирские люди захватили их врознь поневелику". Воронцов-Вельяминов тут же подал длинную роспись, где перечислял „пущих воров и заводчиков" по именам. Кроме того, он добился своего назначения в полк к Хованскому.

Примеру Воронцова-Вельяминова вскоре последовали 3 других челобитчика: стрелец Федор Гурьев, по прозвищу Коновал, Никифор Тимофеев Снякин и Тимофей Ефимов Рузувай.

Эти люди, повидимому были соблазнены посулами и обещаниями царских милостей. По крайней мере, в их лице московское правительство завербовало себе тайных сторонников и даже шпионов. Каким образом удалось переманить Федора Коновала и его товарищей на сторону правительства, остается неизвестным.

Совершенно непонятная история произошла с челобитчиком от черного духовенства — Пахомием. 25 мая в Посоль-

ском приказе была получена царская грамота — послать на подводах за чернецом, „который был изо Пскова прислан в челобитчиках, а сказать ему, что велено его взяти на патриарший двор для духовного дела“. Грамота настоятельно приказывала гнаться за чернецом до самого Пскова, чтоб его не допустить в город. В особом письме к думному дьяку Волошенинову добавлялось, чтобы гонцу было приказано ехать за чернецом наскоро день и ночь.

Повидимому, чернец Пахомий был заподозрен в каком-то важном политическом преступлении. Письмо предлагает Волошенинову написать в грамоте „получше“, чтобы чернеца до Пскова не допустить, а челобитчиков не ожесточить. Предосторожности были напрасны. Пахомий опередил гонца и добрался до Пскова вместе с другими челобитчиками. [30]

Момент приезда псковских челобитчиков был выбран крайне неудачно для успеха челобитной. Хованский крепко сидел в Новгороде и чинил расправу над покоренным городом. Непосредственная зона восстания отодвинулась от Москвы к далекому Пскову. Московское правительство могло питать надежды на относительно скорую ликвидацию восстания.

Псковские челобитчики были приняты царем и отпущены 19 мая обратно в Псков. Вместе с ними была отослана царская грамота с ответом на псковскую челобитную. Кроме того, челобитчикам дан был царский наказ, который они должны были объявить в Пскове всему народу.

Царская грамота представляет собой очень своеобразный документ. Давая ответ на псковскую челобитную, грамота вступает в открытую полемику с восставшими псковичами.

В Пскове „никакого оскудения и голоду быть было не от чего“, заявляет например царская грамота. Тут же делается выпад против псковичей: „Как вы для своих пожитков сами хлеб продавали и полнились без нашего указу, — говорит грамота, — и в те поры за то у вас никаково мятежу не бывало. А как мы, великий государь,... изволили хлеба продать малое число... и воры для воровства и грабежу мятеж учинили“.

В нескольких местах грамота упоминает о „заводчиках мятежа“, в особенности часто возвращаясь к Томиле Слепому, предполагаемому автору псковской челобитной. „В чело-

битной вашей написано, будто вы к архиепископу... приходили бити челом всем народом, а не одне те люди, которые у окольничего у князя Федора Федоровича Волконского в сыскном наказе написаны... И по тому вашему челобитью стало явно, что в челобитной пишут всех вас воры и заводчики, Томилко Слепой, да Прошка Коза с товарищи, избывая своего воровства".

Бояр ин
(по Майербергу)

Для грамоты чрезвычайно характерно стремление избежать прямого ответа на челобитье псковичей, ограничиваясь обещаниями прислать царский указ после того, как псковичи принесут повинную. В этом отношении московское правительство совершенно точно следовало знаменитой формуле: „вначале успокоение, а потом реформы". Прямой и недвусмысленный ответ дан был только на основной пункт псковского челобитья, на просьбу о совместном суде воевод с выборными. „Николи не бывало, что мужикам з бояры и с околничими и воеводы у росправных дел быть, и впред того не будет",— категорически заявляла грамота от имени царя.

Для характеристики той борьбы, которая разыгралась в среде московских правящих кругов, любопытны те места царской грамоты, где говорится о боярах Б. И. Морозове и Н. И. Романове.

Грамота дает чрезвычайно высокий отзыв о Морозове и о службе самого Бориса Ивановича и его предков. Морозов служил при царе неотступно в дядьках, продолжает и дальше служить верно.

Что касается Н. И. Романова, то о нем грамота упоминает в необыкновенно резкой форме: „он, боярин, наш холоп и служит нам, великому государю, с своею братьею з бояры единомышленно“.

„А для своих дел, — говорилось дальше в грамоте, — мы, великий государь, посылаем бояр наших, кого изволим, а вам о том бити челом с указом не довелось“. После этого царская грамота упоминала о казаке „Мокейке“, посланном псковичами к боярину Романову. Судя по грамоте, Мокей добрался-таки до Романова, который отвел казака с грамотами и челобитьем к царю. „А велели вы тому казаку, идучи дорогою и на Москве, говорить смутные речи, будто ваших градцких челобитчиков к нам не допускают и челобитен к нам не доносят“, — возмущенно говорилось в царской грамоте.

Грамота кончалась призывом выдать вождей восстания и угрожала карательной экспедицией „больших бояр и воевод“. [31]

Одно время московские правительственные круги, действительно, собрались создать большой военный кулак против Пскова. Командование военными силами предполагалось поручить кн. А. Н. Трубецкому и М. П. Пронскому.

Уже 4 мая Поммеринг сообщает королеве Христине, что в Псков отправляется князь М. П. Пронский с сильным отрядом, чтобы добром или силою подчинить Псков. По записи Дворцовых разрядов, помеченной неясно „маем“, государь указал быть под Псковом с ратными людьми боярам и воеводам кн. А. Н. Трубецкому и кн. М. П. Пронскому с товарищами, а вместе с ними „стольникам, стряпчим и дворянам, и жильцам и дворянам и детем боярским всех замосковных городов той половине, которые были в прошлом во 154 (1646) году на Ливнах и в Белегороде“... Кроме того, против Пскова должны были двинуться московские стрельцы.

В делах о псковском восстании сохранилась память Михаилу Юрьевичу (Волошенинову), которая позволяет точнее установить размер отряда, собираемого в поход на Псков.

В карательном отряде должны были участвовать 300 чел. стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов, не считая дворян и детей боярских, находящихся в полку у князя Хо-

ванского. Из Москвы предполагалось послать 2 приказа стрельцов, которые вместе с заонежскими драгунами, составили бы внушительную силу в 3 200 человек. Кроме того, около 1 000 человек стрельцов и драгунов присоединились бы к основному отряду из Сумерской волости, Торопца и Великих Лук.

Таким образом, численность карательного отряда достигла бы внушительной цифры в 4—5 тыс. чел. Приказный документ, из которого нами заимствованы эти цифры, указывал 12 июля как срок для сбора ратных людей на Псков.

Длительный срок и большие военные силы, собранные против Пскова, показывают, что правительство серьезно думало подавить восставший город вооруженной рукой. Об этом говорит и автор заметки о псковском восстании, помещенной в одной степенной книге. Он замечает, что царь, видя непослушание псковичей и многое кровопролитие, хотел послать к Пскову „больших бояр и воевод“, со многою ратью.

Угрозой „больших бояр и воевод“ пытается подействовать на псковичей и грамота, посланная патриархом Иосифом архиепископу Макарию.

Но поход Трубецкого замедлился, а 3 июня Трубецкой с товарищами „по крымским вестям“ получили назначение итти для защиты южной окраины Московского государства. Дворцовые разряды объясняют отмену новой посылки Трубецкого тем, что „вести переменились“. Но можно дать и другое объяснение. Повидимому, правительство просто находилось в нерешительности, что́ надо предпринять, и до времени скрывало свой отказ от серьезных мер против Пскова.

Возможно, что сами московские стрельцы и служилые люди не внушали правительству достаточно доверия после восстания 1648 года. Карательная экспедиция могла обернуться против ее инициаторов. [32] Правительство возлагало теперь главные надежды на экспедицию Хованского.

Между тем, Хованский уже больше месяца производил в Новгороде сыск и расправу. Первой жертвой сыска был посадский человек Трофим Волк, оскорбивший датского посланника Краббе. Волк был казнен. После этого 5 новгородцев, стоявших во главе восстания, были также осуждены на смерть,

но приговор их временно не был приведен в исполнение. В результате было сыскано и посажено в тюрьму около 300 новгородцев. Хованский давал как бы наглядный урок псковичам, показывая, что́ их ожидает в случае покорности московскому правительству. В числе 300 узников было немало лиц, сидевших „и не в больших винах". Сам митрополит Никон счел нужным вступиться за новгородцев. В своей отписке царю он пишет, что псковичи из-за того больше и крепятся, что опасаются сыска и казней, „а псковскому твоему делу, что здесь в Великом Новгороде смутные люди посажены по тюрьмам, помочи нет". Никон предлагал выпустить арестованных новгородцев на поруки. Хованский принужден был последовать этому совету, так как в противном случае он не мог тронуться против Пскова. Нельзя же было оставить у себя в тылу озлобленный новгородский посад.

Только 19 мая Хованский выступил из Новгорода. По дороге из Дубровенского погоста он послал в Псков 12 дворян с требованием пустить его в город. Из 12 человек обратно в полк к Хованскому вернулись двое, и притом только 26 мая. Остальные 10 дворян были посажены в тюрьму. Псковское правительство не сочло даже нужным дать ответ.

28 мая Хованский подошел к Пскову и раскинул стан у Снетогорского монастыря, закрывая дорогу к Псковскому озеру. Теперь Хованский мог увидеть, что справиться с Псковом будет гораздо труднее, чем с Новгородом.

Псковичи приготовили Хованскому крепкий отпор. Первый удар пришелся по обозу Хованского. Воспользовавшись тем, что под Псковом были „на огородах прясла и деревенки и малой поросняк и грязи", псковичи ударили на обоз и отбили несколько телег, в том числе и шесть телег с имуществом самого Хованского. В своей челобитной Хованский подробно исчисляет отнятый у него скарб, общей ценой в 1 045 руб. Невольно поражает громадная стоимость походного имущества Хованского, значительная часть которого едва ли не была награблена во время усмирения Новгорода.

Враждебные действия между псковичами и правительственными войсками широко развернулись с первых же дней прихода Хованского под Псков. Уже 28 мая карательный отряд

потерял 3 чел. убитыми и ранеными. 29 мая ранили 2 чел. и 1 лошадь. 31 мая „учинился бой большой“. Из Варлаамских ворот вышли многие пешие и конные люди и напали на людей Хованского. Нападение было отбито, и псковичи отступили в город. Военные действия под Псковом шли непрерывно, причем Хованский в этих стычках обычно одерживал верх. Но его

Боярский слуга
(по Майербергу).

успехи все-таки были незначительны. Нечего было и думать о правильной осаде Пскова, приходилось ограничиться лишь блокадой. Став на Снетной горе, Хованский загородил путь по реке Великой к Гдову. Особый отряд был выделен для заслона на московской дороге и стоял в Любятинском монастыре. Между Снетной горой и Любятинским монастырем был поставлен острог, где засели стрельцы и 200 дворян. Таким образом Хованскому удалось отрезать Псков от некоторых волостей и засад.

Но пловучий мост через реку Великую, и, таким образом, связь Пскова с Завеличьем и всей западной частью Псковского уезда остались вне досягаемости Хованского, который жаловался на малое количество людей в отряде. Особенно беспокоили Хованского вести из деревень, где бродили по дорогам „шиши“ и „воровские люди“. Запасов у Хованского было немного, а надежд на их пополнение мало. Хованский вынужден был дать приказ о реквизиции в Псковском уезде ржи, овса и мелкого скота. Кроме того, правительство псковской всегородной избы вовсе не собиралось оставить Хованского в покое. Из города выходили пешие и конные люди и нападали на острожки. Псковичи выступали из города в полном снаряжении со знаменами и барабанами. Наиболее опасным для Хованского было партизанское движение, охватившее весь Псковский уезд. Это движение руководилось непосредственно всегородным старостой Гаврилой Демидовым. Он высылал на вылазки конных людей, на него, как на инициатора партизанского движения, указывают многие расспросные речи. Например, в мае пойманный крестьянин показал, что староста Гаврило Демидов посылал из города „казака Ваську Скрябина, а с ним казаков и стрельцов тридцать пять человек... а велел де им тот староста по дорогам людей побивать, а живот грабить“. В тот же день (31 мая) был пойман псковский стрелец Антипов, сказавший в допросе что их выслал Гаврилка Демидов „и память им дал, что им ходить по дорогам и воровать“. К отрядам стрельцов и посадских очень скоро стали присоединяться окрестные крестьяне, и вскоре все дороги были заняты „шишами“ и „воровскими людьми“, как называют партизан восставшего Пскова официальные московские документы.

Хованский принужден был вести двойную борьбу, с одной стороны, с восставшими псковичами, с другой, — с партизанскими отрядами в тылу. Сохранилась „роспись дворянам и детем боярским, которые подо Псковом на бою побиты до смерти, а иные ранены и по дорогам от воровских людей до смерти побиты, а иные во Псков взяты“. По этой росписи (с 28 мая по 2 июня) можно проследить потери Хованского под Псковом. 28 и 29 мая несколько человек было побито в

схватках под городом, 30-го числа ранили троих, из них одного ранили „воры и шиши". Под 31 мая встречаем уже ряд записей о побитых на дороге: „ранили воровские люди по дороге новгородца новокрещена Василья Уланова", побиты до смерти два Неплюева, „а побиты оне на дороге от воровских людей и от шишей", на дороге „сечен по голове топорком князь Семен Мещерский", „людей Неплюева трех человек убили до смерти на дороге воровские люди и шиши". „людей Охочина на дороге побили и лошадей поимали". Такие же записи встречаем и под 1 и 2 июня. Всюду речь идет о партизанских набегах на мелкие отряды Хованского.[33]

ГЛАВА 8.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ПСКОВА В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

Поход Хованского порвал последние связи, соединявшие Псков с остальными частями Московского государства. В течение почти трех месяцев (июнь — август) Псков находился в состоянии открытой войны с московским правительством. Под стенами города шли непрерывные схватки и бои. Восставшие рассматривали людей Хованского как неприятелей, с которыми необходимо вести упорную и непрерывную борьбу.

С устранением воеводской власти на сцену выступили старинные органы земского самоуправления: мирской сход и всегородная или земская изба.

Окончательным распорядителем и судьей всех больших политических вопросов в Пскове в это время был мирской сход или „мир“, как его нередко называют документы. Впрочем, противники восстания и официальные акты предпочитали употреблять для обозначения мирского схода другое, презрительное имя: „скоп“ или „сонмище“.

Мирской сход собирался на площади перед всегородной избой. На Рыбницких воротах висел „сполошный колокол“, звоном которого собирали „мир“. Звон „сполошного колокола“ передавался многочисленными колокольнями. Андрей Сонин, бывший в Пскове в половине мая, дает такую картину: „Как он приехал ко Пскову и город от него заперли и стоял за городом часа з два, а в тое пору били в городе в сполошные колокола по церквам и по башням“. Звон в ко-

Довмонтова башня в псковском Кремле, возле которой собирался мирской сход.

локола производился „всполошным обычаем“, т. е. ударами в один край колокола, как бьют в набат. Народные собрания отличались большим многолюдством. Участники собрания и зрители размещались по городской стене, на кровлях церквей и домов. Количество собравшихся доходило до нескольких тысяч человек. Очевидцы псковских собраний определяли численность мирского схода, на-глазок, в 4—5 тыс. участников. Архиепископу Макарию, которого насильно привели на такое собрание, показалось, что на нем присутствует „безмерно много“ людей.

На площади стояли громадные досчатые чаны или „дощаны“, как называют их документы. Они заменяли собой помост. С этих дощанов говорились речи и читались грамоты, на тех же дощанах производились в случае надобности допросы. Мирской сход отличался шумом, а иногда и буйством настоящего вечевого собрания. Люди приходили на сход вооруженные, с пиками, топорами и даже пищалями. Нередко на площади производилась кровавая расправа, начиналось настоящее побоище. Интересный рассказ о мирском сходе находим в челобитной псковского казака Никифора Снякина. Казак Снякин ездил в Москву челобитчиком от Пскова и тайно перешел на сторону московского правительства. Он вернулся в Псков и попытался внести разложение в ряды восставших: „И как буду я у земской избы, — рассказывает Снякин, — и твой государев изустной словесной приказ псковичам всяких чинов людем выговорил и твою государеву грамоту земскому старосте Гаврилку Демидову и всяких чинов выборным людем отдал. И как учели твою государеву грамоту перед народом честь и до половины вычли, а народ, все православныя християне, молчали. И не выслушав до конца твоей государевой грамоты земской староста Гаврилко Демидов и про тобя, великого государя... сказал нелепое слово, чево нам страшно и подумать. И я с своими товарищи, услыша у него, Гаврилки, такое нелепое слово и ево учели бити. И воры и мятежники, которые с ним, Гаврилкою, за него Гаврилку стали, и меня били не на живот, на смерть, обухами и пищальными стволами и тиннами и замертво меня, Никифорка, вкинули в тюрьму“.

Подобные сцены нередко повторялись на мирском сходе. Во время одного из таких собраний едва не погиб Волконский, а позже псковский архиепископ Макарий. За Макарием пришли и силою вывели из собора „всем городом с оружьем, с пищалями и с копьи и с топоры“.[34]

Как и древнее вече, мирской сход нуждался в исполнительном органе. Таким органом была всегородная изба. Документы безразлично называют ее то всегородной, то земской избой.

До восстания, как мы знаем, всегородная изба была центром только для посадских людей и далека была от претензий на власть. Теперь всегородная изба стала правительственным центром восставшего Пскова. Здесь, а не в воеводской избе, сидело подлинное псковское правительство.

Компетенция всегородной избы была чрезвычайно велика. Во всегородной избе составлялись челобитные в Москву и грамоты в псковские пригороды, присоединившиеся к восставшим. Сюда приводили всех лиц, приехавших в Псков. У ворот города приезжих останавливали и допрашивали, с какой целью они приехали в Псков. Подозрительных людей отводили во всегородную избу к старосте и выборным людям. Уже в мае все документы, посылаемые из Москвы на имя воеводы и других царских чиновников, распечатывались и прочитывались во всегородной избе.

До нас дошли только незначительные отрывки делопроизводства земской избы во время восстания. Но даже эти отрывочные материалы очень интересны. С 22 марта по 23 июня во всегородной избе производились допросы приезжих в Псков. Распросные речи этих лиц составлялись по обычной приказной форме. Приведем начало одного из протоколов допроса: „158-го, марта в 23 день, псковитин посадцкой человек Мирон Иванов сын Сухоносов, пришед в земскую избу к земским старостам к Гавриле Демидову и всяких чинов ко всему народу, сказал...“ Далее следует содержание допроса.

Во всегородной избе находились городские ключи от всех кладовых и погребов с военными и съестными запасами. Раз-

дача денег, наем и прибор людей производился также всегородной избой, которая, таким образом, исполняла функции ликвидированной воеводской власти.

Для выезда за город надо было получить пропуск из всегородной избы. Одна из таких памятей случайно сохранилась в делах о псковском восстании. Содержание ее очень коротко: „Память Петровских Полских ворот караульщиком стрельцом и посадским людем. Выпустить за город Семеновых трех человек Лутьяновича Стрешнева с лошадми. Сей грамотки верте". На обороте памяти написано: „К сей памяти вместо всегородных старосты (!) Гавыло(!) Демидова до Сенки Орьтеева (!), по их велении, Якушько приимщик руку приложил". [35] После ликвидации псковского восстания в земской избе были отобраны „воровские печати", которыми скреплялись наказы и памяти псковского правительства.

Во всегородной избе сидели земские старосты и выборные люди. В руках земских старост сосредоточивалась громадная власть. Старосты в значительной мере определяли политику восставшего города. В начале восстания земскими старостами были Иван Федоров Подрез и Семен Меньщиков. Оба, повидимому, принадлежали к верхам посадского населения. В первые дни восстания Меньщиков даже „ухоронился" к архиепископу, весьма благоволившему к зажиточным псковичам. Такие старосты не могли и не желали руководить восстанием. Не позднее конца марта на их место были выбраны новые всегородные старосты — Гаврило Демидов и Михаил Мошницын.

В лице Гаврилы Демидова на сцену выступил крупный человек, судьба которого тесно связалась с судьбой восстания. Гаврило Демидов оставался всегородным старостой до августа, когда на его смену пришли представители „лучших людей", жаждавших подавления восстания и мировой с московским правительством. В течение 4 месяцев (апрель — июль) Гаврило Демидов стоял во главе временного псковского правительства и занимал непримиримую позицию по отношению к Москве. По сравнению с ним, его товарищ Михаил Мошницын занимает второстепенное положение. К сожалению, никаких биографических подробностей ни о том ни о другом

мы не имеем. Герои восстания появляются на арене как бы внезапно и потом снова пропадают. Известно только, что Гаврило Демидов был „хлебником" по профессии. Одно, впрочем, мало достоверное известие присваивает ему другую фамилию, называя не Демидовым, а Леонтьевым. Гаврило Демидов был человеком грамотным. На обороте большой челобитной имеется подпись: „к сей челобитной Гаврилка Демидов сын руку приложил". [36] Кроме земских старост, во всегородной избе сидели выборные люди. На каких началах было организовано представительство во всегородной избе, об этом точных сведений не имеется. Но есть намеки на сословный характер представительства.

В конце апреля новгородские стрельцы, бывшие в Пскове, показывают: „во всегородной во Пскове сидят выборные люди изо всяких чинов, из дворян, и ис посадцких людей и ис стрельцов и ис казаков, по два человеки, з земским старостою з Гаврилком Демидовым". Другие показания также упоминают о попах, стрельцах и „всяких чинов людех", сидевших во всегородной избе. Обыски и допросы производились обычно выборными от попов, посадских людей и стрельцов. „Поп, да два человека стрелецких пятидесятников, да шесть человек посадцких людей" обыскивали Григория Лугвенева, посланного Хованским в Псков с отпискою.

Наиболее подробный список выборных, сидевших в земской избе, дает упоминавшийся выше Воронцов-Вельяминов. „А ныне у них сидят во всегородной избе старосты Гаврилко Демидов да Мишка Мошницын, стрелецкие пятидесятники — Неволька Сидоров, Парамошка Лукьянов, Федка Снырка, казаки — Ивашка Сахарной, Ивашко Хворой, Троицкой протопоп О ф о н а с е й, прозвище Друган, да ключарь Деонисей... Да тут же сидит георгиевский з Болота поп Яков... Да в земской же избе сидят посадцкие люди: Михайло Русинов, Иван Устинов, Анкидин Гдовленин, Алексей Балаксин, Яков серебреник, Иван Мясков". Такой состав имела всегородная изба во второй половине апреля. В этом длинном списке ясно выступает сословный характер состава земской избы: 3 представителя от трех стрелецких приказов, 2 казака, 3 попа от духовенства и многочисленные посадские люди.

Воронцов-Вельяминов, впрочем, не упомянул еще об одной сословной категории: дворянах и детях боярских. Между тем, дворяне и дети боярские также имели своих представителей во всегородной избе. Это обстоятельство было хорошо известно в Москве. В одной из грамот правительство бросало псковским дворянам упрек в том, что они „забыв наше государское крестное целованье и свою природу, приставали к ворам и заводчиком", а раньше от них „никакие шатости и измены не бывало". Недовольство московского правительства поведением дворян и детей боярских было мало обоснованным. Громадное большинство дворян уклонялось от участия в восстании. Во всегородной избе сидел только один дворянский делегат—Иван Чиркин.

Вооружение служилого человека

Фигура Чиркина очень своеобразна. Многочисленный род Чиркиных владел поместьями в Псковском уезде. Иван Чиркин был замешан в хлебной спекуляции Емельянова. Каким же образом попал он во всегородную избу? Некоторое представление об этом дает челобитная Чиркина, поданная им на царское имя в 1653 г. Из челобитной выясняется, что Иван Чиркин в 1650 г. был в Пскове „у сыскнова дела", выводил в посад тяглых людей. Во время восстания псковичи приводили его во всегородную избу под стражей „за топорами", а потом посадили в тюрьму. Но сидение в земской избе настолько скомпрометировало Ивана Чиркина, что даже в 1653 г. он добился только записи в Разряд, а поместья обратно не получил.

Такими же случайными людьми, как и Чиркин, были выборные от духовенства. Упомянутые выше протопоп Афанасий и ключарь Дионисий сидели во всегородной избе „поневоле“ и к „воровским словам“ не приставали. Но среди попов нашлись люди, примкнувшие к восстанию. Среди них отмечают, например, Георгиевского с Болота попа Якова. Об нем Воронцов-Вельяминов говорит прямо — „тот ко их ко всякому заводу и умыслу приставает и думает с ними вместе“.

Позже упоминается поп Фирс как один из „заводчиков“. В лице этих попов приходится видеть недовольных людей из числа духовенства, сидевшего на бездоходных приходах при тех самых церквах, которые, по выражению псковской челобитной „без архиепископского и воеводского призрения валятся розно“. Одна из царских грамот упрекала псковских попов в том, что они участвовали в восстании, „соединены мятежником и вором“.

Состав выборных во всегородной избе менялся довольно часто. Прочнее всех сидели земские старосты — Гаврила Демидов и Михаил Мошницын. В документах о восстании земские старосты всегда выступают на передний план. Они были не одиноки. Кроме земских старост, выдвинулось еще несколько человек, которых можно причислить к настоящим вождям восстания. Некоторые из них принадлежали к числу выборных от всяких чинов людей, другие сидели во всегородной избе силою обстоятельств. Царские грамоты с их характерной терминологией называют таких людей „пущими ворами и заводчиками“. Характерно, что все они принадлежали к беднейшим кругам псковского населения.

Царская грамота, посланная в Псков в июле, называет 5 „пущих воров“: Гаврилу Демидова, Михаила Мошницына, Дружину Бородина, Прокофия Козу и Василия Копытс.. Из этих 5 „пущих воров“ несколько позже выбрасывается имя Дружины Бородина. Оставшиеся 4 чел. пользовались таким влиянием в Пскове, что митрополит Никон характеризовал их значение в псковском правительстве такими словами: „те четыре человека, воры, во Пскове владетельны, и во всем их псковские воры слушают“. Из перечисленных выше лиц

трое — Мошницын, Демидов и Бородин — были посадскими людьми. Коза и Копыто принадлежали к стрельцам. Кроме них, в числе „пущих заводчиков" нередко упоминаются еще 3 лица — староста площадных подьячих Томило Васильев Слепой, стрельцы — Сорокоалтынов и Максим Яга. Из них наиболее яркой фигурой представляется Томило Слепой, перу которого принадлежала большая псковская челобитная.

Значение „заводчиков" было чрезвычайно велико. Именно они были настоящими руководителями восстания, его подлинными вождями, а не те люди, которые только сидели во всегородной избе и не участвовали в событиях. На бой 31 мая псковичей „выслали те же Демидов и Мошницын и с ними стрельцы Прокофей Коза, Василий Копыто, Максим Яга". „Всем городом владеют Демидов, Мошницын и Коза", — показывают в мае беглецы из Пскова, — „и что они приговорят, так и делают". Впрочем число „заводчиков" надо сильно увеличить. Псковские беглецы Сергей и Фадей Ивановы дают нам такой список вождей восставшего Пскова: „во Пскове во всяком воровском заводе старосты Гаврилка Демидов, Мишка Мошницын, да площадной подьячей Томилко Слепой, да стрельцы Прокофейко Коза, Максимко Яга, Федька Снырка, Ульянко Фадеев, да Ивана милостивого поп Евсевей, да Покровской поп Иван, да казак Лучка и иные многие люди, такие ж воры".

Каждый раз в расспросных речах в числе „заводчиков" упоминаются новые лица. Некоторые из этих упоминаний случайны, но почти все расспросные речи в числе вождей восставших называют Демидова, Мошницына, Прокофия Козу и Томилу Слепого. Таким образом, руководящая группа правительства всегородной избы состояла из молодших посадских людей и стрельцов.[37]

В целом устройство восставшего Пскова поражает своим сходством с более ранним временем эпохи псковской самостоятельности. В самом деле, мирской сход чрезвычайно напоминает собой древнее „вече". Даже место для сполошного колокола было выбрано на той же Рыбницкой башне, где когда-то висел вечевой колокол. Всегородная изба имеет несомненное сходство с псковской „господой" времен самостоя-

тельности, а двое всегородных старост невольно напоминают двух псковских посадников. Такая параллель четко бросается в глаза. Это обстоятельство свидетельствует о том, что представления о былой „вольности“ в известном смысле играли организующую роль в оформлении некоторых групп восставшего Пскова.

ГЛАВА 9.

ВОССТАНИЕ В ПСКОВСКИХ ПРИГОРОДАХ

За время своего правления в Пскове временное правительство восставшего города развернуло кипучую деятельность. Перед ним стояла первая и основная задача — оборона Пскова от наступавших войск Хованского. Можно только поражаться той необыкновенной тщательности, с какой всегородная изба во главе с Демидовым готовилась к обороне. Уже в половине мая по городским стенам был расставлен и вычищен „наряд“ — артиллерия, служилым людям был роздан свинец и порох, спешно исправлялись старые укрепления и строились новые. Вокруг города были поставлены рогатки, а у Петровских ворот зарублены „тарасы“, или стена из деревянных срубов, наполненных камнями и землей. Как в военное время, были расставлены караулы, и к наряду расписаны пушкари, а на городовую стену натаскали камней для сбрасывания их на нападающих во время приступа. Кроме того, Гаврило Демидов стал нанимать в солдаты вольных и охочих людей, прибирая их на „убылые“ места, в казаки и в стрельцы. Псков готовился к осаде так, как будто речь шла не о московском войске, а о шведах или поляках. На караулах у ворот стояли по 12 стрельцов и по 20 посадских людей. Они осматривали и расспрашивали приезжих. Спешно исправлялись бойницы у Петровских ворот, а в посаде Сольцы на полдороге между Новгородом и Псковом делали колеса для пушек.

В мае опочецкий воевода Татищев писал в Москву со слов богомольцев, побывавших в Пскове с традиционным

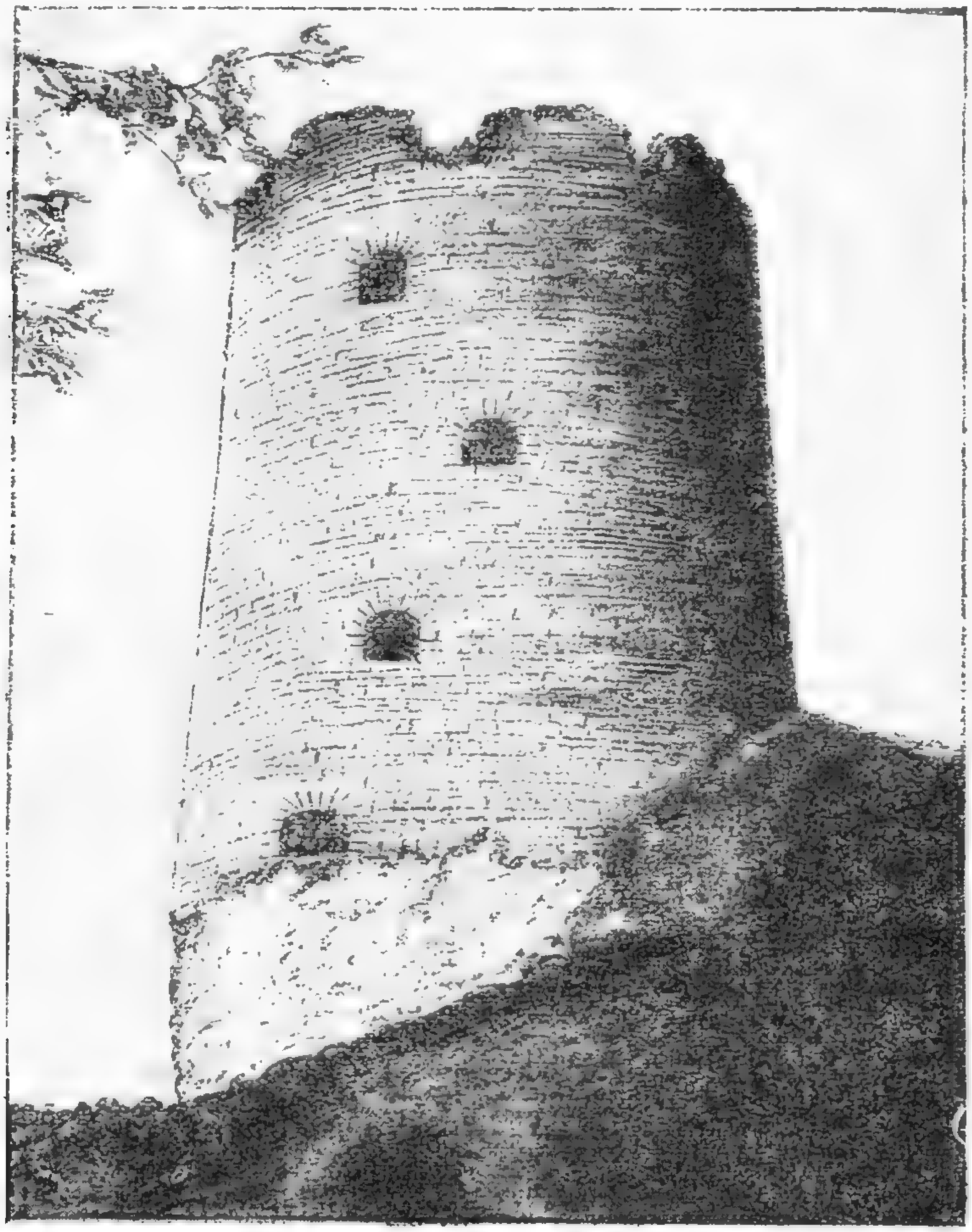
крестным ходом из Печерского монастыря: „Во Пскове с наряду из вестовых стреляли не по один након для того, что де про твоего государева боярина (т. е. про Хованского) сказали, что идет из Новгорода во Псков, и они де для того стреляли из наряду из вестовых, чтоб из уездов (и) ис пригородов бежали к ним во Псков. И из уезду де бежат безпрестани всякие люди в город. Да они ж во Пскове смечали хлеб и деньги в твоей государеве казне наколки де им будет. Денег и хлеба во Пскове на шесть лет. И около де города рогатки поставили и по стенам каменью набрано и наряд весь приправлен и на осад де совсем у них изготовлено и люди де стоят день и ночь безпрестани на стены с ружьем. А говорят, что де, как придет твой государев боярин из Новагорода, и они де ево во Псков пустить не хотят. Да они ж де прибирают вольных людей, а дают де им найму по рублю „по шти алтын по четыре денги, да по полуосьмины ржи, и изо Псковского уезду ис пригородов идут во Псков вольные люди безпрестани, и тюрьму де во Пскове хотели роспустить“.

Слова опочецкого воеводы о хлебных запасах в Пскове были несколько преувеличены. Однако, запасы в Пскове всегда сохранялись в большом количестве. Хлеба должно было хватить, если не на 10 или 6 лет, как хвалились псковичи, так, по крайней мере, на 1—2 года. К тому же Псков обладал немалым количеством артиллерийских орудий и крупным гарнизоном. При таких условиях шансы псковичей были вовсе не безнадежны. В Пскове говорили: „Свийской король (т. е. Густав-Адольф) со многими государствы и с силою подо Псков приходил, а ничево не учинил, а ныне де хотя изволит государь многих бояр и со многими ратными людми и с силою прислать, и им де ничего не учинят же“. Не следует эти речи рассматривать как пустую похвальбу. В них заключалась, несомненно, значительная доля истины. В свое время о стены Пскова, как известно, разбились усилия Стефана Батория и Густава-Адольфа.

Грозная псковская крепость представляла собой совсем не то, чем был обнищавший, незащищенный Новгород. Мысль о возможности защиты против больших военных сил красной

нитью проходит в речах вождей восстания по поводу экспедиций Хованского.

Конец мая и первая половина июня отмечены непрерывными боями под Псковом. 18 июня псковичи сделали вылазку против острожков, поставленных Хованским. Псковские



Гремячья башня в Пскове

войска потерпели крупную неудачу, потеряв, примерно, 300 чел. убитыми и ранеными, 26 псковичей попали в плен. Хованский торжествующе сообщает, что в числе пленных взяты были „три человека заводчиков, которые во Пскове всякой воровской завод чинили с старостою с Гаврилком Демидовым“. И все-таки Хованский нисколько не продвинулся в своих замыслах против Пскова и не достигнул даже полной блокады города.

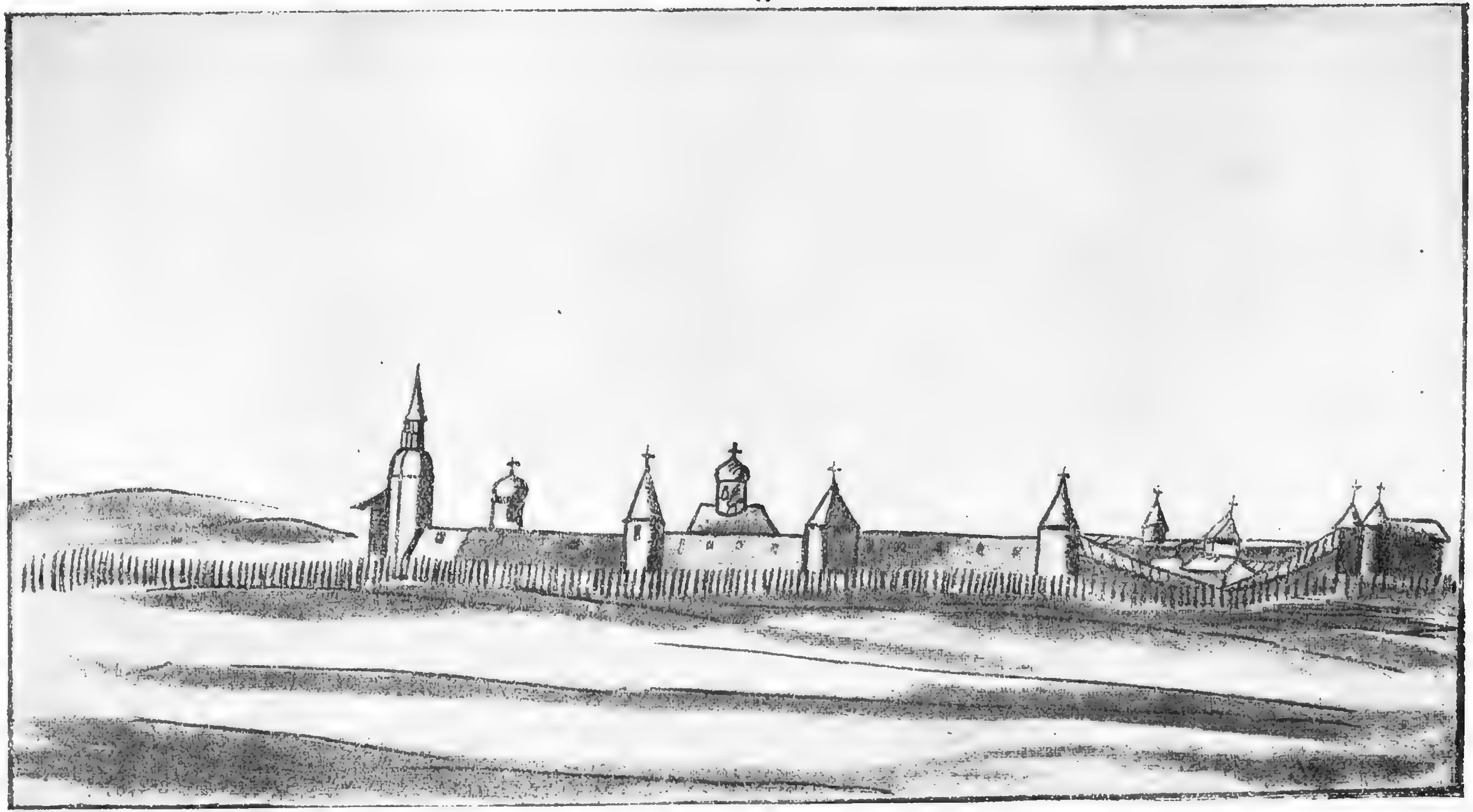
Даже в начале июля Хованский не имел возможности помешать сношениям Пскова с пригородами. Дорога на Завеличье и далее в Печерский монастырь целиком принадлежала псковичам. К этому присоединялся недостаток запасов. Люди Хованского голодали и разбегались по домам. Трудно было думать о покорении восставшего города вооруженной рукой. К тому же восстание перешагнуло за рамки города и перекинулось в пригороды.[38]

С начала восстания псковские пригороды жадно прислушивались к тому, что совершалось в Пскове. Из всех псковских пригородов только Опочка осталась верной царскому правительству, все остальные перешли на сторону восставших. К сожалению, о событиях в пригородах у нас имеются лишь крайне отрывочные сведения, и только об Опочке можно сказать более подробно.

Первые известия о событиях в Опочке находим в отписке опочецкого воеводы Лариона Татищева, посланной им [illegible]скву в конце апреля. Воевода сообщает о тревожных с[illegible]мах. В апреле в Опочку приезжали из псковской всегор[illegible] избы казаки в погоню за Ордын-Нащокиным. Они приве[illegible] память, написанную от имени воеводы, но составленную во всегородной избе. Память была написана в обход Татищева непосредственно стрелецкому голове и казачьему атаману с приказом гнаться за Нащокиным, который, узнав об опасности, немедленно уехал обратно в Москву.

В том же апреле из Пскова приехал в Опочку пристав с требованием взять стрелецкого голову Ломакова и двух стрельцов в Псков. Татищев отослал только стрельцов, а Ломакова оставил в Опочке. Пристав со своей стороны объяснил Татищеву, что Ломакова и стрельцов требовали в Псков по извету опочецкого стрельца Коношки Норицына, который „заворовав и учиня на Опочке смуту и збежал во Псков, неведомо для какова своего воровства“.

Воевода постарался укрепить свое положение в Опочке, собрав своего рода земский собор, на котором участвовало 15 попов и дьяконов, 70 казаков и 7 посадских людей. Собравшиеся, как и надеялся Татищев, сказали, что ни шуму, ни смуты в Опочке нет и что они за государя „ради умереть“.



Печерский монастырь в XVII веке
(по Майербергу)

Тут же была составлена челобитная царю с просьбой „во Пскове ни в чем не ведать пока минет псковская смута". Челобитная была написана от имени попов и дьяконов, казаков, пушкарей, воротников и всех опочан, посадских людишек, „опричь Гришки Логинова з братьею". Татищев называет Логинова с товарищами „ворами". Таким образом, оказывается, что в Опочке далеко не все опочане изъявляли верность царскому престолу. Повидимому, в особенности были подозрительны стрельцы, целый приказ которых находился в Опочке и о которых совершенно умалчивает опочецкая челобитная.

Среди опочецких стрельцов было большое недовольство. Другой документ сообщает нам, что стрельцы в Опочке обеднели, потому что им государева хлебного жалованья не дано, а выданы деньги. Между тем, в Опочке купить хлеба негде, стрельцы „помирают голодною смертью".

Согласно помете на отписке Татищева, московское правительство приказало Опочку в Пскове не ведать, а посланных из Пскова сажать в тюрьму.

В таком духе была составлена и послана в Опочку царская грамота.

Вскоре после первой челобитной жители Опочки составили новую, теперь уже и от имени стрельцов. Однако, и в этот раз всяких чинов люди подают челобитье от всего города, но „опроче вора Гришки Логинова з братьею". Далее выясняется, что Григорий Логинов вместе с братом Лазарем убежал с Опочки в Псков и там известил всегородную избу об инициаторах опочецкой челобитной. Среди этих инициаторов указываются 2 попа, 1 казак, 1 воротник и 1 посадский человек. В Пскове вполне основательно сложилось мнение, что опочецкую челобитную „заводили... немногие люди, попы, и то де бу(д)то не все". Вероятно, так было и на деле. В Опочке существовала сильная партия, работавшая в пользу восставшего Пскова. Воевода только с трудом удерживал в руках Опочку, жалуясь, что „всяких чинов людем никаково подкрепления нет, чтоб они ко псковской воровской смуте и к метежу не приставали и ни в чем с ними не советовали, и во Псков к вором и к мятежником не бежали".

Приход Хованского еще более осложнил положение, так как в помощь ему пришлось отправить казаков и стрельцов с артиллерией. Вызов стрельцов из Опочки в полк Хованского оказался, однако, делом нелегким. Под Вороночем стрельцы встретили „воровских многих людей". Произошел бой, кончившийся для восставших неудачно. С Вороноча стрелецкие головы пошли со своими стрельцами к Острову. По дороге им пришлось биться 2 дня беспрестанно. В 6 верстах под Островом разыгралось большое сражение. С каким результатом окончилось это сражение, наши источники ясно не говорят, но едва ли с большим успехом для опочецких стрельцов, которые повернули обратно. Войска восставших преследовали их до Вороночи. Дальнейших подробностей о событиях в Опочке мы не имеем. Сохранилась лишь память опочецкого воеводы Татищева, данная им казаку Секирину 1 июля. Из памяти видно, что Татищев был крайне озабочен, „чтоб псковские и псковских уездов воры, пришед над городом и над посадом и над людьми какова дурна не учинили".

Опочка, один из всех псковских пригородов, осталась верной московскому правительству, все остальные пригороды перешли на сторону восставших. Верность Опочки московскому правительству находит себе объяснение в социальном составе населения Опочки. Посадское население в Опочке было незначительно, главное же значение имели ратные люди — стрельцы и казаки. На 300 чел. стрельцов в Опочке числилось от 70 до 100 казаков. Воевода Татищев в своих действиях опирался на казаков как на реальную силу и на попов как на агитаторов. Удаленность пригорода от Пскова помогала Татищеву в его стремлении удержать Опочку от участия в восстании. [39]

Первым из пригородов, примкнувших к восстанию, был Гдов, важная крепость на Псковском озере. В конце мая помещик Квашнин, владевший имением под Гдовом, донес Хованскому, что псковичи написали в Гдов письмо с призывом присоединиться к ним. Гдовский воевода Семен Крекшин будто бы ответил в Псков, „что город худ, сидеть не в чем, а хлеба де во Гдове много и о том, что ему псковичи укажут". Всегородная изба известила Гдов, что пришлет за хлебом.

В этом известии, прежде всего, поражает роль воеводы, якобы присоединившегося к восставшим псковичам. В Москве были крайне обеспокоены поведением Крекшина и предписали Хованскому послать в Гдов дворянина с тем, чтобы вызвать Крекшина в полк и учинить ему допрос.

Московское правительство беспокоилось совершенно напрасно. От имени Крекшина в Псков писали восставшие стрельцы и посадские люди, предлагавшие свои услуги псковичам. Воевода Семен Крекшин находился под арестом и „живот свой мучил, на дворе был завален колодьем з женою и з детми". Всяких чинов люди, т. е. стрельцы, пушкари и посадские, отняли у воеводы городовые ключи и держали воеводу под стражей до конца восстания. Впрочем, возможно, что ответ о хлебе дал в Псков сам Крекшин, введенный в заблуждение грамотами из Пскова. Ведь и опочецкий воевода Татищев жаловался, что присылают „изо всегородной избы, а в отписках и в наказных памятех пишут имя окольничево и воеводы и дьяка, и печатают твоею государевою псковскою печатью", а ослушаться таких грамот Татищев не смел, „потому что Опочка псковский пригород".

Как бы там ни было, Гдов отложился от Москвы и перешел на сторону восставшего Пскова. В июле гдовские стрельцы и посадские люди открыли враждебные действия против дворян и детей боярских, разоряя их дома и поместья. Одновременно в Гдове приготовлялись к возможной осаде, солили мясо и готовили всякие запасы. В начале августа новгородский воевода доносит о том, что из Гдова выходят многие люди и разоряют поместья. Дворяне жалуются, что гдовские стрельцы и посадские люди не дали им возможности спрятать хлеб и скосить сено.

Вслед за Гдовом присоединился к Пскову Остров. Мы видели уже выше, как Остров сумел не только защититься от опочецких стрельцов, но и прогнать их обратно на Опочку. В июне или июле островские стрельцы прислали в Псков двух своих дворян во главе с Яковом Квашниным. Дворяне были посажены в Пскове в тюрьму.

Остров поддерживал деятельные отношения с Псковом до конца восстания.

Совсем скудные сведения имеем мы о событиях в Изборске и в Печерском монастыре.

В начале июля Хованский доносит царю, что „изборяня тебе, государю, изменили и сложились со псковичи заодно“. Таким образом, Изборск определенно перешел на сторону Пскова. Послав в Печерский монастырь сотню казаков, Хованский приказал им в Изборск даже не заезжать, а просто послать туда государеву грамоту.

Но и в Печерах дела сложились крайне невыгодно для Хованского. Еще в мае московское правительство послало в Печерский монастырь накрайчего Ивана Лебедева с царской грамотой. Гаврило Демидов и Михаил Мошницын как всегородные старосты задержали Лебедева в Пскове и прочитали грамоты „во весь мир“. В царской грамоте предписывалось архимандриту Печерского монастыря проведать про псковские вести и отписать в Москву. Всегородные старосты приказали архимандриту приехать в Псков. Архимандрит, как и надо было думать, отказался от поездки под предлогом, что ему не на кого оставить монастырь, но обещал быть во Пскове, „как бывает (крестный) ход ис Печер з Богородицею во Псков“. Архимандрит, действительно, пришел в Псков вместе с иконой и был посажен в Николо-Песицкий монастырь под арест, а икона осталась на печерском подворье. Таким образом, Печерский монастырь был лишен архимандрита.

В самом Печерском монастыре также было неспокойно. Если обеспеченные „старцы“ стояли за Москву, то монастырские служки безусловно примкнули к восстанию. Из таких монастырских служек Елизарова, Троицкого, Спасского и Гремячего монастырей были составлены отряды конных людей в самом Пскове. Служки выходили из города на вылазки. В июле монастырские служки Печерского монастыря сообщили в Псков, что они отказались выдать Хованскому хлеб, пушки, порох и свинец, кроме того, они заявили: „только понадобитца им псковичем какой снаряд и зелейная казна, и латы, и копье, и оне б де к ним в Печеры прислали“. Псковичи послали в Печерский монастырь за латами и копьями. К служкам Печерского монастыря примкнули также местные

Стена Печерского монастыря

стрельцы. Таким образом, важнейший форпост Пскова на западной границе перешел на сторону восставших.[40]

Еще более опасной для московского правительства была попытка псковичей расширить сферу восстания за пределы Псковской земли, в первую очередь на Олонец и Сумерский погост. Уже в начале апреля Хованский доносит в Москву, что псковичи посылали на Олонец к драгунам с призывом притти к ним в Псков. Это известие вызвало крайнюю тревогу в кругах московского правительства, которое было испугано возможностью волнений на Олонце, где стояли крупные военные силы. Царская грамота предписывала воеводам Василию Чоглокову и Степану Елагину призвать начальных людей и, обнадеживая государевым милостивым жалованьем, предложить им тотчас же объявлять, „где объявитца новгородцы или псковичи воры худые люди и учнут какие воровские мятежные речи говорить и к своему воровскому заводу и мятежу учнут ково призывать". Воеводы, согласно царской грамоте, призывали начальных людей и солдат для чтения царского указа и удовлетворенно добавляли, что „по ся мест (т. е. до 8 мая) в Заонежских погостех никакова воровского заводу и мятежу не объявливалось". Характерно, что Чоглоков и Елагин, как и везде, старались опереться на „лутчих и средних людей", не доверяя „меньшим". Однако, отголоски восстания докатились и до Олонца. В начале апреля олонецкие старосты и солдаты приходили к воеводам и требовали пороха и свинца. Об этом воевода писал в Москву, но отписки в делах не сохранилось.

Более определенные вести шли о сношениях псковичей с сумерскими солдатами. Сумерский погост находился по близости от Гдова и, таким образом, почти в непосредственной сфере восстания. Еще в начале апреля идет слух, что псковские земские люди посылали к солдатам в Сумерскую волость отставленого стрельца „неведомо для каких вестей". Сумерские солдаты будто бы в свою очередь отписали в Псков и просили взять их в город, донося о каких-то сборах ратных людей за рубежом. В июне из Гдова пришел во всегородную избу стрелецкий пятидесятник и говорил по поручению сумерских солдат, „будет им оне надобны, и они солдаты к

ним во Псков будут тотчас". Об этом нам сообщают известные уже Ульян Фадеев и Сава Сенин, прекрасно осведомленные в делах всегородной избы.

Сумерские солдаты так и не появились в Пскове, но слухи о них не были простой выдумкой. Сохранился ряд подлинных отписок начальника сумерских солдат Ивана Кайсарова, в которых он пишет о событиях в погосте в июле и августе 1650 г. 21 июля на границе Сумерской волости у села Песье, в поместье боярских детей Брыковых, появился партизанский отряд гдовцев. Кайсаров выслал против них солдат, после чего партизаны разбежались. Отряд псковичей, как выясняется дальше, состоял из стрельцов.

Временная победа не устранила опасности. Восставшие держали себя чрезвычайно уверенно. После дела при селе Песье произошел такой случай. В Сумерскую волость явились двое посадских людей из Гдова, желая взять с собой тело одного из убитых во время нападения стрельцов, приходившегося им родственником. Кайсаров ограничился лишь тем, что выслал их из пределов Сумерской волости. После этого разоренный боярский сын Брыков вместе с семьей выпросил разрешения остаться в Сумерской волости для избавления „от воровских людей".

Нападения на Сумерскую волость продолжались и позже, даже после замирения Пскова. Из отписок Кайсарова остается неясным, были ли в Сумерской волости случаи открытого сопротивления московскому правительству. Но в одной отписке, уже в сентябре он так говорит об этом: „а которые, государь, показались в мятежное время худые люди, плутишки и непристойные слова передо мною, холопом твоим, говорили и меж себя вмещали слова ссорные, и я тех имена в книги записывал и чинил им наказанье, в кнута место бил батогами". Наказанье кнутом и батогами относится ко временам поздним, к сентябрю, когда Псков уже подчинился московскому правительству, до этого же времени Кайсаров только копил злобу, записывая имена недовольных в книгу.[41]

ГЛАВА 10.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПСКОВСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Даже волнения в пригородах, на Олонце и в Сумерской волости не были так опасны для московского правительства, как начавшиеся крестьянские волнения. С начала восстания крестьяне чутко прислушиваются к событиям в Пскове, и симпатии их сразу же склоняются в пользу восставших. Борьба „молодших людей" против „лучших" тесно переплетается с борьбой крестьянства против дворян и детей боярских. И это тотчас находит себе отклик в деревне. Крестьяне выражают открытые симпатии к восставшим псковичам. В этом смысле очень интересен рассказ Федора Емельянова об его бегстве из Пскова. Боярский сын архиепископа Михаил Туров вывез Емельянова из Пскова. Ночевали они вместе верстах в 40 от города в деревне Лугишине у крестьянина Пашки. Утром Емельянов вдвоем с Пашкой поехали к Никандровой пустыне. Верстах в 10 от деревни его догнали 4 крестьянина из той же деревни и повезли назад, называя изменником. Случайно Туров, заблудившись, попал к ним навстречу и отбил Федора Емельянова. Тогда за ними погнались еще 10 человек крестьян из других деревень. Только после новой схватки Туров и Емельянов добрались до Никандровой пустыни.

В мае 1650 г. в документах начинает часто мелькать имя Семена Большака из деревни Зары Дубровенского погоста, принадлежавшей помещику Тимофею Еремееву. По извету Большака, псковичи выслали отряд для ареста стольника Ни-

кифора Нащокина, собиравшего дворян Шелонской пятины в полк к Хованскому. Этот же крестьянин, Семен Большак, предупреждал псковичей о возможной измене в самом городе: „такие люди есть во Пскове, что городовые ворота ему (Хованскому) отворят“. Услуги Большака были настолько ценными, что всегородные старосты выдавали ему на корм по 6 денег на день.[42]

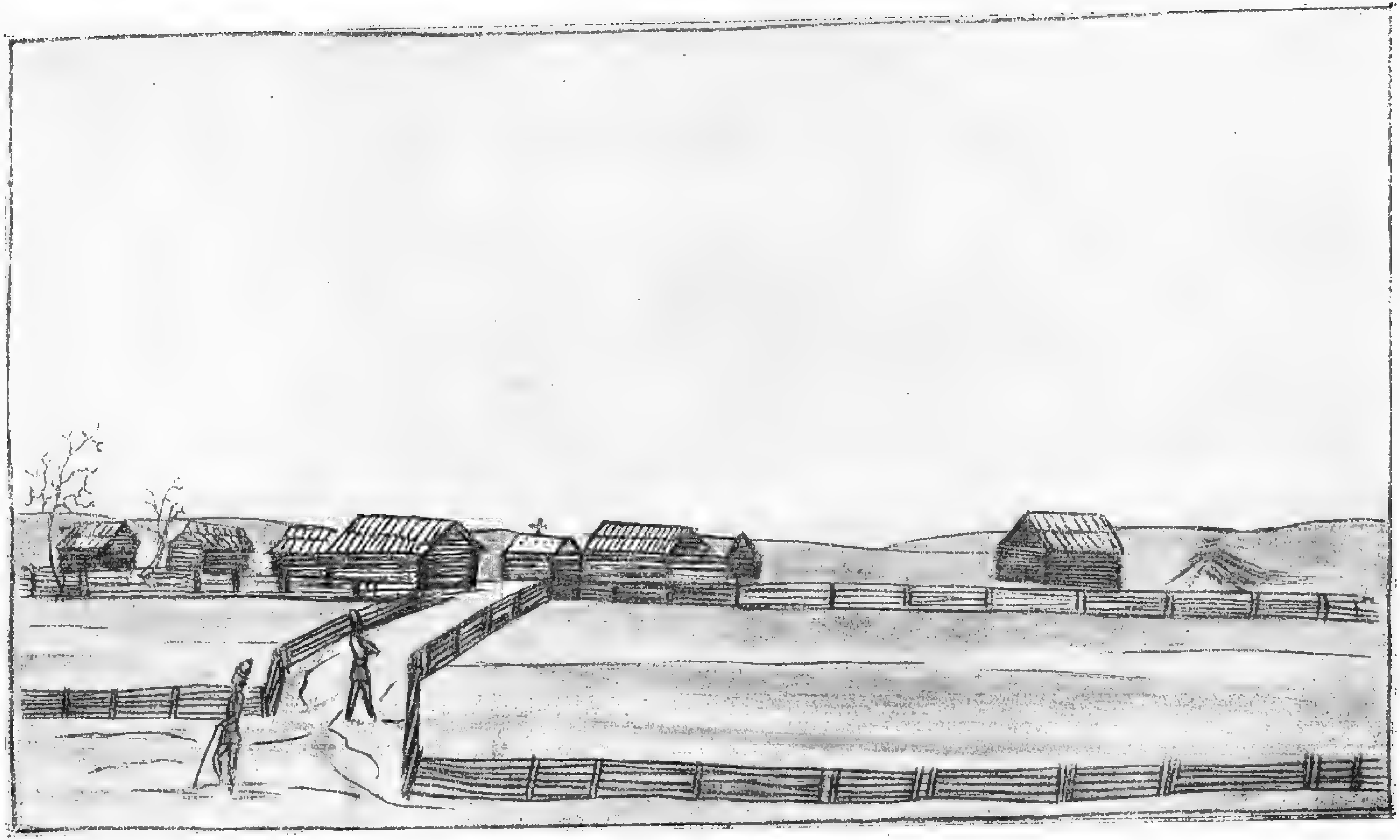
Движение в деревне получило наиболее широкое развитие ко времени похода Хованского на Псков. Толчок к этому движению дал сам Гаврило Демидов с товарищами, высылая на вылазки конных людей. Гаврило Демидов совершенно правильно возлагал большие надежды на действия партизан. Ему предписывается формирование партизанских отрядов. Он „по дорогам высылает (людей) и во Псковский уезд по селам и по деревням посылает, дворянские дворы и животы грабить велит“. В июне весь Псковский уезд был охвачен крестьянскими волнениями. В волостях „пахотные мужики“ находились в сборе, и шли слухи, что они скоро придут на помощь Пскову.

В половине июля пскович Пивоваров, взятый в плен в бою под Псковом, показал Хованскому следующее: „приходил де в Псков дворцовый крестьянин деревни Завелья Сергушкин сын, а как имя того не ведает, и говорил псковичем, что он людей заберет человек с пятисот, а собрав приведет в Псков и псковичи де дали ему лошадь со всем оружьем да письмо, а велели ему забирать людей, и тот де Сергушкин сын в Псков не бывал“.

В июне и в июле крестьянские волнения приняли особенно большой размах. Уже в первой половине июня опочецкий воевода Татищев писал в Москву, что в „псковских засадех и в пригородех и в уездех збираясь, воры, деревенские мужики, дворянские дворы грабят и дворян и их жен и детей побивают до смерти, и дворы жгут, и по дорогам от тех воров пройти и проехать нельзя“.[43]

Хованский, блокировав Псков, сам оказался в блокаде со стороны партизанских отрядов.

Попытка бояр и детей боярских проехать в полк к Хованскому нередко кончалась неудачей. Примерно, в мае или июне, 22 дворянина из Островского уезда двинулись к Хо-



Деревня Кляпово на дороге из Пскова в Новгород
(по Майербергу)

ванскому. По дороге на них напал партизанский отряд и осадил их в сельце Немове. После двух дней осады дворяне выбились из сельца и направились в Остров, так как в иное место не было возможности проехать. В Острове их ждал сюрприз. Дворяне были арестованы восставшими стрельцами и отправлены в Псков.

Небольшие дворянские отряды нередко терпели поражения и отступали перед партизанами. Большое количество партизан скопилось в Ново-Усицкой волости, недалеко от Пскова. Сюда отправились воинские отряды из Пскова, к которым присоединились уездные крестьяне „с огненным боем". Хованский отправил в Ново-Усицкую волость отряд во главе с головой Петром Елагиным. Экспедиция вначале имела успех. Елагин напал в Ново-Усицкой волости на кабак и разогнал скопившихся около него крестьян и псковичей. Но успех тотчас же сменился крупной неудачей. Партизаны дали весть в Псков, откуда получили помощь. Елагин на обратном пути попал в засаду и был разбит. В бою был убит сам голова Елагин и много ратных людей; 30 чел. пленных были отведены в Псков.

В половине июля Хованский опять получил вести о том, что в уезде собралось много партизан. По слухам, в псковских волостях и засадах скопилось более 10 000 чел., собиравшихся итти в Псков на помощь. Хованский жаловался в отписках на малочисленность своего отряда и большую опасность, угрожавшую ему от нападения псковичей.

Но действительность была еще страшнее этих слухов. На громадном протяжении от Пскова до Порхова и Новгорода происходили непрерывные разгромы и пожары помещичьих усадеб. Крестьянство мстило помещикам за долгие годы издевательств и непосильной работы. Со всех сторон Хованский получает сообщения о разгроме помещичьих усадеб. Дворяне боялись ехать в полк к Хованскому, опасаясь оставить свои дворы и семейства на произвол судьбы. Началось бегство дворян из полка Хованского обратно в покинутые поместья.

В июле или августе дворяне, бывшие в полку у Хованского, послали в Москву челобитную, дошедшую до нас без

начала. Челобитная рисует чрезвычайно безотрадную картину. Дворяне жалуются, что псковичи „выпустили из города многих воровских боевых людей на все дороги воровать и около острошков, где мы стоим, из острошков нам и людишкам нашим с лошадьми выступить не дадут, нас и людишек наших, подходя под стада, побивают, и дороги Новгороцкого и Порховского уезду, ис которых мест ближе запасы к нам, покупаючи, привозить, и те дороги все позасели шиши". Дворяне жалуются на недостаток пищевых запасов и на то, что никто к ним запасов и харчей не подвозит, боясь нападения партизан. Людей в полку у Хованского мало, и некому защитить новгородскую и порховскую дорогу.

Даже гонцов в Москву приходится провожать за 60 и более верст. Но и этого мало. Из Пскова посланы „воры многие с уезными шишами воровать, и дворян и детей боярских и всяких жилецких людей села и деревне пожгли, матери и жены и дети их позорили и замучили, и домы и животы их пограбили, и людей их побивают, а иные их многие люди и крестьяне от такова разоренья в рознь разбрелись и ныне, государь, нам, ратным людем в полки запасов провести никакими мерами не можно".

Новгородские дворяне, владевшие поместьями под Гдовом, подали особую челобитную. В ней они просили отпустить их „хотя бы их кости (своих родственников, убитых крестьянами), сыскав похоронить". В этой челобитной дана яркая картина разорения помещичьих усадеб под Гдовом. „Твое государево жалованье, — пишут дворяне в челобитной,— деревнишка наши в Новгороцком уезде подо Гдовым. И без нас те наши домишки разорены без остатку, матери наши и жены и дети мучены и животишки наши без остатку пограблены и людишки без нас побиты. А которой хлеб ржаной и яровой был сеян на нынешней на 158 год и нам тово хлеба спрятать и сена косить не дали, взяли те воры гдовские стрельцы и посацкие люди и псковские на себя во Гдов, а ко 159-му году ржи сеять не дали и нечем".

Для большей убедительности своего рассказа дворяне добавляли: „и пусторжевцы и невляне тебе, государю, тем же разореньем били челом".[44]

В Псковском уезде образовались большие партизанские отряды, поставившие себе задачей уничтожение дворянских усадеб и разорение помещиков, против которых в своей основе было направлено крестьянское движение. Небольшие группы партизан быстро вырастали в крупные отряды, привлекая крестьянские массы.

В делах о псковском восстании сохранился замечательный документ, помеченный августом 1650 года, — расспросные речи „приводного вора" Марчки Михайлова сына Половинкина, из крестьян помещика Богдана Нащокина. На допросе перед новгородским воеводой Марчко рассказал свои похождения. Жил он в Пскове на дворе своего боярина Богдана Нащокина, сторожил двор, в августе же пошел к своему зятю в деревню Зуево. По дороге он встретил отряд в 36 стрельцов и казаков, шедший из Пскова. Во главе отряда стояли казак Павелко да Посник, человек Татищева. Партизаны взяли его с собой, сказав „толке ты с нами не пойдешь и мы де тебя убьем, не бойся де ничево, у нас де изо Пскова изо всегородной от старосты наказ". Марчко пошел с ними, а отряд двинулся к Ржеве, не дойдя до которой, поворотил в Порховский уезд, „а в Порховский уезд пришод в Иваново поместье Косицкого на городок грабить, и завидя де он Иван от них побежал из дому своего к лесу з детьми, з двемя сыновами, и они де погнав ево, и з детьми застрелили ис пищалей и, убив их до смерти, двор ево разграбили совсем до остатка". От поместья Косицкого отряд пошел к Порхову. Здесь по дороге партизаны убили двух детей боярских, после чего направились в Доворецкий погост, в поместье Овцыных. „И оне де тут Овцыных, связав их, били и дом их разграбили, да Шаблыкиных да Негановских грабили ж, и только в тех поместьях никово до смерти не убили". Отряд двинулся далее и разгромил поместья Крапоткина и Барычеева в Любынском погосте, Змеева в Солоницке. Отсюда партизаны пошли в Солопск громить поместье Лутохина, но были разогнаны стрельцами. Во всех этих поместьях партизаны „никово до смерти не убили". Всего за 6 дней похождений Марчка были, таким образом, разгромлены 6 поместий. [45]

Район партизанских действий был очень значителен. В

июле-августе он охватывал не только Псковский уезд со всеми его пригородами, но перекатился в Порховский уезд. В августе шли упорные слухи о намерении партизан сжечь колесную слободу Сольцы, важный пункт на половине дороги из Новгорода в Псков, „для того, что государевым людем, которые подо Псков и ис подо Псков ездят, тут пристанище водою и берегом“. Сам Порхов находился под угрозой нападения, и в августе новгородский воевода принужден был туда послать в подкрепление 50 стрельцов. В Порхове скопились многочисленные беженцы из дворянских поместий, — женщины и дети. Партизаны „от Порхова всего в дву верстах, — писали порховские целовальники, — и дворянских и детей боярских дворы жгут и животы их грабят и людей их в полон емлют, а иных мучат всякими розными муками и зжгут, и пограбя живот и всякий скот выгнали и с тем скотом ходят по деревням и по пустошам стоят и хлеб всякой травят и пустошат“.

Аграрные волнения распространились еще дальше, охватив Вотскую и Шелонскую пятины. И здесь происходили те же явления, что и в Порховском уезде. Партизанские отряды псковичей и восставших крестьян жгли поместья, забирали скот, не давали жать и сеять хлеб. Об уничтожении дворянских поместий идут вести даже из Лужского уезда. Это обстоятельство заставило митрополита Никона написать царю: „твоя государева отчина пустеет и посацкие людишка и крестьянишка бредут врознь“.

Движение в псковской деревне, как мы знаем, не ограничилось только нападениями на дворянские усадьбы. Партизанские отряды нападали на царские войска и нередко одерживали крупные победы. В делах Новгородского стола сохранились многочисленные челобитные дворян о пожаловании их за службу. Они говорят о настоящих боях правительственных войск с партизанами. Хованский подает в Москву целые росписи дворян и детей боярских, „которые на государеву службу ехали подо Псков после (прихода) боярина князя И. Н. Хованского и тех дворян и детей боярских псковские воры и шиши по дорогам ранили, а иные побивали до смерти“.

Крестьянские волнения в пригородах и уездах получили такой размах, что заставили московское правительство при-

В боярской деревне
(по Майербергу)

задуматься. Революционное движение охватывало уже громадный район от Опочки до Олонца и от шведской границы почти до Новгорода. Псков, Опочка, Остров, Изборск, Гдов, Порхов, Великие Луки, Новгород, Олонец в той или иной степени вошли в сферу восстания, центром которого попрежнему был Псков.[46]

ГЛАВА 11.

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА В ПСКОВЕ

Осада Пскова и приход правительственных войск под стены города пробудили надежды у всех противников восстания. Уже в мае шли слухи о желании „лучших людей“ пустить московские войска в Псков. Хованский возлагал большие надежды на раскол и измену среди восставших. Возможность такой измены была ясна для московского правительства и Хованского с самого начала похода на Псков. Ведь путем измены (Жеглова) Хованский в свое время без кровопролития взял Новгород.

Первым орудием для своей политики московское правительство выбрало псковских челобитчиков, отпущенных с царскими грамотами и словесным государевым указом. О своих действиях в Пскове рассказывают сами челобитчики Федор Коновал и Никифор Снякин. Попытка внести смуту в ряды восставших не увенчалась успехом. Старосты арестовали изменивших челобитчиков и посадили их в тюрьму.

Главные надежды Хованский и правительство возлагали на дворян, попов, „лучших“ посадских людей и верхушку стрелецкого войска, — старых стрельцов, десятников и пятидесятников. Действительно, в этой среде не прекращались тайные заговоры против восставших. В начале июня или в конце мая „добрые люди в казаках и стрельцах и в посадских людях“ составили повинную челобитную, хранившуюся у псковского подьячего Сидора Микитина. О подьячем ходил слух, что

он собирается бежать в полк к Хованскому. Эту повинную челобитную упоминает также подьячий Захар Осипов, приписывая себе ее авторство. Челобитная была отнята у Микитина и разодрана Гаврилой Демидовым.

Теперь речь идет уже не просто о повинной челобитной, а о прямом предательстве. Еще в половине мая, до выступления Хованского из Новгорода, в Пскове ходил слух, что московские люди, живущие в Пскове, хотят пустить Хованского в город ночью и отворить городовые ворота. С особенной жадностью прислушивался Хованский к слухам о раздорах среди восставших псковичей, в особенности о недовольстве „старых" стрельцов Полоницкого приказа. Так назывался стрелецкий приказ по своему месту жительства в Полоницком конце. Во главе стрельцов стоял голова Степан Чалеев, вследствие чего сам приказ иногда именовался Чалеевым.

В мае ходят упорные слухи, что стрельцы Чалеева, „приказ целый", не хотят бороться против Хованского, „а на которой городовой стороне и учнут стоять, а оне тое сторону очистят".

На стрельцов этого приказа, живших у Великих ворот, Хованский возлагал большие надежды. Он сообщил об этом в Москву и тотчас же получил приказ: „А Полонягницкого (вместо Полоницкого — характерная московская ошибка) приказу отписать, что государю ведомо, что оне к ворам и ко всякому дурну не приставали. И они бы службу своя совершили и псковичь наговаривали, чтоб от такова дурна отстали и вины свои принесли, а им служба довершить, как придет боярин... ево в город пустить".

В июне дело дошло до открытых столкновений между старыми и новыми стрельцами, которых поддерживали „молодшие" посадские люди. Хованский переслал тайную отписку к стрельцам. Тогда в городе произошло междоусобие, и двое стрельцов Полоницкого приказа были убиты.

Между тем, в Москве замыслили новый план: если Жеглов изменил восставшим новгородцам, то почему бы такое предательство не мог совершить Гаврило Демидов. В июне царская грамота предписывает Хованскому написать тайно Демидову, „чтоб он обратился и к нам вину свою принес, из

города б ушел к тебе в полк, и зато к нему наша государская милость будет".

На этот раз в Москве ошиблись. Гаврило Демидов не был случайным человеком, как Иван Жеглов, а настоящим вождем восстания. Гаврило Демидов остался совершенно равнодушным к заманчивым посулам Хованского и продолжал руководить обороной Пскова.[47]

Тайные происки Хованского все таки не остались безрезультатными. Правительство восставшего Пскова было поставлено перед необходимостью бороться на два фронта, не только с Хованским, но и с внутренней контрреволюцией. В самой всегородной избе сидели люди, тайно работавшие в пользу Хованского. Один из этих людей, подъячий Захар Осипов, ведал во всегородной избе канцелярией. Демидов взял Осипова во всегородную избу „по наговору, заводом добрых людей". Осипов должен был уведомлять о замыслах Гаврилы Демидова и его советников этих „добрых людей" и через них уведомлять Хованского.

5 июля из Пскова бежали посадские люди Ульян Фадеев и Сава Сенин. Они с большими подробностями рассказали о положении в Пскове. Об Ульяне Фадееве другие псковичи тут же сообщили Хованскому, что Фадеев „з Гаврилком з Демидовым был в думе и во всяком воровском заводе заодно, и Гаврилкову мысль и думу всее тот Ульянка ведает". Напомню, что это тот самый Фадеев, который еще в начале восстания обещал Ордын-Нащокину давать „уведом" о делах в Пскове. Таким образом, мы имеем дело с типичным провокатором и шпионом, который сумел настолько удачно замаскироваться, что даже подозрительный Гаврило Демидов не заметил его подлинного лица. Фадеев до самого бегства к Хованскому продолжал числиться в „заводчиках" и „пущих ворах". В начале июля поведение провокатора показалось, повидимому, подозрительным. Тогда Фадеев бежал из Пскова, „не хотя видеть смерти от вора, от Гаврилы Демидова с товарищи".

В пользу Хованского внутри Пскова тайно работала большая группа людей, которые передавали Хованскому вести из Пскова. По этому поводу сделаем лишь несколько указаний.

29 мая в полк к Хованскому пришел из Пскова Богданов, человек Нащокина. Этот человек пришел не случайно, а для того, чтобы дать показания о псковских событиях. После подавления восстания псковские дворяне подали челобитную с жалобой на подьячего Григория Артамонова, в том, что он сидел в земской избе вместе с Демидовым в качестве старого подьячего. Артамонов подал ответную челобитную, в которой говорит, что „он для кормовые скудости“ посылал людям Хованского корм и тайно сносился с Ордын-Нащокиным. Был произведен сыск, после которого Артамонов был оставлен на старом месте. Это является лучшим доказательством того, что он говорил правду о своих сношениях с Хованским и Нащокиным.[48]

Действительно, в Пскове с самого начала восстания существовала сильная партия, стремившаяся к соглашению с Москвой и предательству восставших. Наиболее опасны были для правительства Гаврилы Демидова ратные люди, находившиеся в Пскове — дворяне и стрелецкая верхушка. От них в первую очередь можно было ожидать измены. Поэтому Демидов с товарищами в первую очередь направил свой удар против дворян. Уже в конце мая Гавриле Демидову приписываются слова, с которыми он будто бы посылал на бой псковских ратных людей — „увидим, как станете битца, и только станете битца худо, и всех де побьем до смерти“. Несмотря на угрозы, перебежчики из Пскова пользовались вылазками и продолжали отъезжать в полк к Хованскому. Поэтому всегородная изба провела новую меру, взяв под арест большинство дворян, находившихся в Пскове. Для арестованных дворян была отведена „палата“, повидимому, какое-то большое каменное здание. Вместе с дворянами в тюрьме сидели воеводы Собакин, Львов, Волконский. В июле Демидов приходил к дворянам и предлагал им поцеловать крест с обещанием „в городе никакие хитрости не учинить“. Дворяне наотрез отказались.

12 июля под Псковом произошел крупный бой. Псковичи со всей силой ударили на острожок, вновь поставленный Хованским за рекой Великой. Хованский в этом сражении одержал верх и прогнал восставших обратно в город, захва-

тив часть артиллерии и знамена псковичей. Во время боя был убит стрелец Максим Яга, один из вождей восстания. Всего было убито до 300 чел. псковичей, а 30 из них попали в плен. Неудача сражения вызвала крайнее возбуждение в Пскове. Вина за поражение явно ложилась на псковских дворян, которые должны были во время боя руководить действиями псковичей. На следующий день в Пскове были казнены 10 дворян. По словам псковских перебежчиков, им „всем головы поотсекли“. Из этого сообщения видно, что дворяне были именно казнены, а не погибли от самосуда. Таким образом, мы имеем дело не со внезапной вспышкой народного гнева, а с подлинной карой за измену. Имена 10 казненных дворян нам известны. Были казнены: Афанасий Вельяминов, Самсон Тюльнев, Воин Всеславин с сыном, Матвей Тимашов с сыном, Кирилл Горышкин, Петр Сумороцкий, Федор Нащокин, Богдан Чиркин. Родичи Вельяминовых, Нащокиных, Чиркиных и прочих не мало потрудились над подавлением восстания. Официальные документы молчат о причинах казни дворян, и в наших руках имеются только челобитные родственников казненных дворян, поданные уже после восстания. Вдова Афанасия Вельяминова говорит, что ее мужа пытали, „а спрашивали московских вестей, потому, что муж мой перед их воровским умыслом приехал с Москвы“. Это известие показывает, что Вельяминов был заподозрен в сношениях с Москвою. С большим вероятием можно предполагать, что псковские дворяне вели тайную агитацию за соглашение с Хованским. С этого времени в Пскове устанавливается атмосфера террора. В челобитных, поданных после восстания, встречаем не раз жалобы на избиения, которым будто бы подвергались в земской избе отдельные псковичи. Перебежчики из Пскова жалуются также на побои, нанесенные членам их семей, женам и детям, говорят об угрозах „смертных“ со стороны Демидова и Мошницына с товарищами. Сохранилось большое количество таких челобитных о пожаловании за службу. В них говорится об избиениях, муках и угрозах, обычно с большими преувеличениями. Челобитчики имели прямой интерес показать свое радение государю, „забыв страх живота своего“.

Но массовый характер показаний об угрозах, допросах и

казнях дворян показывает нам, что нельзя говорить только о преувеличениях в челобитных. В июне и в июле в Пскове идет ожесточенная внутренняя борьба. Всегородная изба, во главе с Гаврилой Демидовым, ясно видит опасность, угрожающую от тайных заговоров привилегированной верхушки псковского населения. Возможность заговора дворян и „лучших“ посадских людей была настолько реальна, что псковское правительство принуждено было принять свои меры. Всегородные старосты вместе с выборными производят допросы дворян и „лучших“ посадских людей. Челобитные и расспросные речи говорят о пытках огнем, встрясках на дыбе и битье кнутом. Некоторых из дворян демонстративно приводят к плахе, после чего сажают обратно в тюрьму. Кроме 10 казненных дворян в Пскове было убито еще несколько дворян и детей боярских, имена которых можно установить по челобитным. Репрессии не ограничились только дворянами и детьми боярскими, а коснулись и верхушки посадского мира. 13 „лучших“ посадских были заподозрены в том, что они „тайным делом“ уговаривали многих людей писать повинную челобитную в Москву. Они были посажены в тюрьму, а трое из них подвергнуты пытке, их жгли огнем в застенке. Как мы теперь знаем, подозрения против „лучших“ посадских людей были вполне обоснованы. Попытки составить повинную челобитную делались несколько раз, но пока безрезультатно.

Боярский слуга
(по Майербергу)

В городе оставался последний оплот московского правительства — Троицкий дом во главе с архиепископом Макарием. В начале июля Макарий был отстранен от управления Троицким домом. „В Троицком дому, — заявили ему всегородные старосты, — до людей и до лошадей и до хлеба и до денег впредь тебе дела нет ни до чево, то все надобно городу.[49]

В борьбе с московским правительством Гаврило Демидов вместе с товарищами решил прибегнуть к исключительной мере, которая возвращает нас прямо к эпохе псковской самостоятельности. Во всегородной избе сложилась крепкая партия, желавшая найти поддержку в Польше и Литве. История этой попытки отложить Псков от Московского государства чрезвычайно интересна.

Идеи сепаратизма не были чужды восставшему Пскову. В июне в расспросных речах выходцев из Пскова проскальзывает известие о каких-то переговорах восставших с Литвой. Это известие вызывает понятное беспокойство в Москве. С этого времени во всех расспросных речах появляется вопрос, писали ли псковичи к литовскому королю или нет. Ответы на этот вопрос крайне противоречивы. Посадские люди Сергей и Фадей Ивановы рассказывают об этом событии так: „К королю литовскому о людях грамоту всегородной староста с товарищи писали и во весь мир ту грамоту чли, только миром отговорили и грамоту в Литву послать не велели. А говорили, что навесть на себя в том государев гнев“.

Царские грамоты определенно укоряют псковичей в том, что они изменили и что у них написан лист к польскому королю о помощи. Но псковичи с таким же упорством отказывались признавать вину, говорили, что они лист к польскому королю не писали.

Эти противоречия можно до известной степени объяснить. Вопрос об обращении к польскому королю ставился в кругах, близких ко всегородной избе, но был отвергнут. Инициатором этой попытки был Гаврило Демидов. На него прямо указывают беглецы из Пскова Ульян Фадеев и Сава Сенин, — „в Литву о людях послать затеял было вор Гаврилко, только миром отговорили и в Литву не послали“. Но у нас есть и ~~ое известие о попытках Гаврилы Демидова вести пере-

говоры с польским королем. Об этом рассказывает площадной подьячий Захар Осипов, работавший в всегородной избе „неволею, для письма“. Осипов был, своего рода, секретарем при всегородной избе. Правда, не все в его рассказе достоверно, в особенности его споры с Демидовым, которые Осипов так старательно выдвигает на первый план, показывая свое раденье государеву делу. Но сам рассказ о попытке Гаврилы Демидова завязать сношения с Литвою кажется правдоподобным. Вот этот рассказ: „Гаврило Демидов, идучи сажать в полату твоего государева окольничего Федора Федоровича Волконского, приказал мне, холопу твоему, позабыв божий страх и отлучився твоего крестного целования, писать к литовскому королю лист о помочи ратных людей о пяти тысячах... И услышав ево Гаврилкову такую измену к тебе великому государю, и ему Гаврилку (добрые люди) говорили з большими угрозы смертными, чтоб он того злого своего умыслу и от измены отстал. И он, Гаврилко, велел бить в сполошной колокол и собрал своих советников, воров и многих людей, и став на дщане, того своево злочестивого сонма спрашивал, к литовскому королю лист писать ли о людех... А всего их в той измене, в думе, было четыре человека, посацкие люди: он — Гаврилка, Ивашко Устинов, Гришка Климов, Федька Сорокалтынов. Да тот же Федька и на немецкий двор ходил к литовским приезжим людем о той же измене...“

В связи с попыткой всегородной избы завязать переговоры с Польшей становятся понятными те слухи, которые распространялись в Пскове в июне — июле. Слухи идут от приезжих в Псков поляков и крестьян, побывавших на границе. Нити же их ведут, несомненно, в Польшу. Замечательно, что все эти слухи и вести тщательно собирались во всегородной избе, где составлялись расспросные речи. Расспросным речам, снятым во всегородной избе, придавалось в Пскове крупное значение. В июне расспросные речи заняты только вестями из Литвы. 12 июня крестьянин Трофим Володимеров с товарищами показывает в земской избе, что у Велья они встретили трех литвинов „с вялою рыбою“. Литвины им сказали: „вашево де государя... в Московском государстве нет, а ныне де он в Польше у литовского короля, а выехал де он, государь,

в Польшу сам-шест, тому недель с тринадцать; и сами де онне царя видели, и король де ево жалует и смотрят де на нево, что на красное солнце. И стояли бы де оные псковичи против Хованского крепко, и от государя де будут пожалованы, а государь де будет с казаками донскими и запорожскими подо Псков на выручку вскоре". К этим вестям тот же Трофимко прибавлял, что по слухам „пишет литовский король к пану Гуту третий лист, который жил упреже сево в Лужи, чтоб он забирал людей, а итти де им подо Псков на выручку". 18 июня другой крестьянин сообщает также, что царь приехал в Литву. 23 июня новое свидетельство — царь, оказывается, находится уже „в городе Аршеве" (Варшаве). Любопытно, что на ряду с этим полоцкие торговые люди заявляют прямо, что король без царского согласия людей под Псков не даст.

Все эти сообщения показывают, с какой жадностью восставший Псков ловил вести из Литвы. Рассказ Захара Осипова объясняет нам особый интерес, проявляемый Гаврилой Демидовым и всегородной избой к расспросным речам. Путем расспросных речей и собирания „вестей" из рубежа, общественное мнение Пскова подготовлялось к сношениям с Литвой. Этим объясняется и то обстоятельство, что поляки и литовцы пользовались в Пскове во время восстания известным вниманием и симпатией, несмотря на вековые порубежные стычки и войны. Из всегородной избы идет ходячая фраза — „у вас (Хованского) де немцы, а им де, псковичам какая будет немера и их выручат поляки". В начале июня в Пскове распространяется весть от поляков, бывших с товарами на немецком дворе, — „что хотят притти литовские люди... на помочь". Слухи о государе, скрывшемся в Литве, были не только плодом досужей фантазии выезжих поляков. Все эти странные рассказы о бегстве государя, о взрывах и подкопах были своего рода пробными камнями. Речь шла о новом „самозванце", который должен был начать свою карьеру, может быть, с восставшего Пскова. Приняв такое предположение, мы объясним себе странное, наполненное архаизмами известие, помещенное в „Истории княжества Псковского" Евгения Болховитинова. Повидимому, Евгений заимствовал его из какого-то хронографа. По рассказу Евгения, восставшие

псковичи получили письмо от „вора“, т. е. самозванца. Кем был этот самозванец? Напомним только, что в Польше в это время жил „самозванец“ Тимошка Анкудинов, выдававший себя за сына Василия Шуйского. Слухи о государе, скрыв-

Крыльцо дома XVII века во Пскове

шемся в Польшу, должны были предшествовать появлению на исторической арене нового претендента на московский престол. Такие претенденты появляются в течение всего XVII в. Не случайны были и разговоры о запорожских казаках. Именно, на Украине и в Запорожском войске находилась та среда, где легко возникали и на первых порах находили поддержку разные „самозванцы“.

Анкудинов в это время жил у Хмельницкого. Товарищ и неизменный спутник Анкудинова Конюховский показывал позже в своих расспросных речах: „Как был Тимошка у Хмельницкого и послышал о псковском смятеньи, то начал просить гетмана, чтоб отписать о нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал... А мыслил вор Тимошка упросить у королевы, (чтоб ему позволили жить в Швеции подле русской границы...) ссылаться через них (немцев) с псковскими мятежниками“. Это сообщение объясняет нам противоречивость слухов и толков, привозимых в Псков из Литвы. В основе их лежал один бесспорный факт, а именно попытка Анкудинова связаться с восставшим Псковом.

Со своей стороны Гаврило Демидов видел в литовской помощи и в Анкудинове возможность победы над Хованским. [50]

ГЛАВА 12.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1650 Г.

Политика суровых мер против восставших, проводимая Б. И. Морозовым, потерпела явный крах. Угроза посылкой „больших бояр и воевод“ повисла в воздухе. Хованский стоял под Псковом и писал плачевные отписки о скудости в запасах и недостатке людей. В первой половине июня московское правительство опять сообщило Хованскому о боярах и воеводах, посылаемых из Москвы со многими ратями. Однако, вместо ожидаемых бояр в Псков были отосланы только 3 000 солдат из Заонежских погостов во главе со Степаном Елагиным.

Недомолвки и неясности в царских грамотах отражали борьбу придворных партий в самой Москве.

13 июня в Посольском приказе была составлена память о подводах для андроньевского архимандрита Селивестра и черниговского протопопа Михаила, которые посылались в Псков „для государева дела наскоро“. От июня сохранилась отписка патриарха Иосифа, объясняющая нам, для какого именно дела ехали Селивестр и Михаил. Иосиф сообщает, что он получил царскую грамоту с повелением послать в Псков архимандрита Селивестра и протопопа Михаила. Велено им, приехав в Псков „призвать псковичь в соборную церковь и говорить, чтоб они, помня твое государево крестное целованье, от воровства и от мятежа отстали и бояр твоих государевых и воеводы... во Псков пустили и воров и заводчиков и мятежников отдали“. Патриарх должен был

от себя отправить в Псков грамоту с угрозами отлучить восставших от церкви в случае их непокорства. Патриарх сообщил об исполнении им царского указа, после чего неожиданно добавил: „А что, против твоей государевы грамоты в моей, богомольца твоего грамоте ко псковичем, о том, чтоб они твоих государевых бояр и воевод во Псков пустили и воров и мятежников, которые воровской мятеж завели им отдали и отлучение от церкви Божии и всякие святыни не написано, и в том государь на меня богомольца своего своей государские кручины не положи: не писано, государь, ныне в моей грамоте к ним о том, потому, чтоб ныне их крестопреступников теми статьями в молодушие б не привести, покамест от них мятежников обращение объявится андроньевскому архимандриту Селивестру и протопопу Михаилу“. Далее, опять оправдываясь в ослушании царскому указу, патриарх обещал в случае непокорства псковичей „проклинати их и запрещати“.

Противодействие патриарха, несомненно, исходило не только лично от него, но и от других влиятельных лиц, стоявших за его спиной. К их числу принадлежали боярин Н. И. Романов и князь Я. К. Черкасский. Псковские события давали им удобный повод свалить правителя Морозова, поэтому и Романов и Черкасский нередко фигурируют как народные радетели, которые „о земле болят“. В противовес крутым мерам Морозова они выдвигают проект мирного соглашения с восставшими. Наивно, конечно, видеть в Романове и Черкасском истинных ходатаев за псковичей. Большие люди борются за власть и стоят в оппозиции к правительству Морозова. Такую же роль играли в эпоху фронды французские принцы, блокировавшиеся с парижанами. Некоторые из них пользовались большой популярностью в Париже, хотя парижане для принцев были только орудием в борьбе против Мазарини.

Борьба придворных партий объясняет нам, по каким причинам политика правительства во время псковского восстания отличается крайней неустойчивостью. Правительство вечно колеблется между намерениями подавить мятеж силою и попытками мирного соглашения с псковичами. Только в июне

наметился окончательный перелом в сторону мирного разрешения конфликта, так как положение стало настолько тревожным, что затягивать вопрос о ликвидации восстания было крайне опасно.

Еще в апреле шведский посланник де-Родес сообщает: „в Москве живут в немалом страхе, так как этот мятеж, как бегучее пламя, перешел в Новгород и очень боятся, что он распространится дальше сюда, что, однако, может совершенно легко случиться“. В мае и в июне Москва живет в атмосфере слухов и толков о псковском восстании. Шведский агент в Новгороде Эберс сообщает, „что в Москве далеко не спокойно, там уже многих казнили, били кнутами, отрезывали уши“.

В мае 1650 года сотский Ордынской сотни Ерофей Юрьев „в своей слободе заказ учинил объездных не слушать и будет ково на съезжей двор в какой вине учнут имать и за то объездных приказал бить ослопы“. Юрьев наговаривал „по всем слободам“ подавать челобитные на объездчиков и бесчестил их бранью. Он же приказал десятским, „чтоб они по десятням сторожей на сторожу не нарежали“.

В середине июня правительство получило от боярина Ивана Васильевича Морозова с товарищами „челобитье и скаски черных сотен и слобод сотцких и старост, что носитца де площедная речь, бутто будет на Москве грабеж, а у них де во всех сотнях и в слободах про то никаких речей нет“. По царской грамоте были собраны сказки от старост и стрельцов с заявлениями, что „воров у нас нет и смутных затейных речей никаких ни от кого не слыхали“. На самом деле эти сказки только подтверждали, что в московских черных сотнях и стрелецких приказах псковские события вызвали большое возбуждение. В июле правительство явно стоит перед угрозой повторения московских событий 1648 г.: „Нельзя быть и часу спокойным перед возможностью мятежа“, — пишет в июле о положении в Москве тот же Эберс. При таких настроениях в столице, при невозможности без большого и длительного кровопролития подчинить Псков, пришлось невольно думать о мирных путях к подавлению восстания. В половине июня дело идет еще об отправке в Псков

Селивестра и Михаила, а в начале июля туда едет уже целая делегация из духовенства и выборных.[51]

Во главе делегации стоят „власти“: епископ коломенский Рафаил, андроньевский архимандрит Селивестр и черниговский протопоп Михаил. С ними ехали „разных чинов выборные люди“: из стольников — Иван Алферьев, из стряпчих — Федор Рчинов, из московских дворян — Иван Еропкин, из городовых дворян — каширянин Алексей Барыков, смолянин — Иван Ступишин, из московских гостей — Федор Юрьев, из гостинной сотни — Дмитрий Федосеев, из суконной сотни — Потап Яковлев, из черных сотен — Василий Евсигнеев, Федор Евсигнеев, Михаил Ермолаев и кадашевец Филипп Савельев. Грамота к псковичам с извещением об отправке делегации была помечена 4 июля. Царь требовал от псковичей покорности и угрожал, что он пойдет сам с войском и разорит их в конец. Царь требовал также, чтобы восставшие пустили в город князя Хованского и выдали заводчиков, — старосту Демидова, Мошницына, Бородина, Козу и Копыто. Патриарх со своей стороны послал теперь грамоту, оканчивавшуюся угрозой отлучения от церкви и проклятия. Грамоты совершенно молчат, когда и как была выбрана делегация, но это объясняет другой документ, относящийся уже к концу июля.

26 июля в Москве происходил земский собор. По сохранившейся черновой записке, состав собора был следующий: патриарх, власти, бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие и дворяне московские, дворяне из городов и дети боярские, московские гости, гостинные, суконных и черных сотен торговые люди и стрельцы. „А быти из гостинных и из суконных сотень, — говорит запись, — с старостами по пяти человек, а из черных сотень по соцкому, а из стрельцов изо всякого приказу по одному пятидесятнику“.

Состав собора 1650 г. напоминает собор 1642 г. Здесь мы видим также дворян из городов, тогда как посадские люди представлены лишь москвичами. Можно предполагать, что на соборе 1650 г. были выборные от дворян, приехавших на летние службы. Так, в соборе 1642 г. участвовали дворяне, „которые здесь на Москве“. Из чернового акта о соборе выясняется, что 26 июля было уже второе заседание собора,

Село Медное в XVII веке
(по Майербергу)

тогда как первое было 4 июля, которым помечена и грамота об отправке Рафаила и выборных в Псков. Таким образом, становится ясным, что делегация была выбрана на первом заседании земского собора 4 июля.

26 июля собор происходил в столовой избе. Собору был прочитан царский указ, в котором сообщалось о сопротивлении псковичей войскам и о разорении дворянских поместий. Указ кончался вопросом: „будет псковичи Рафаила, епископа коломенского, и выборных людей не послушают и вины своей ко государю не принесут и креста не поцелуют, и с ними псковичи, что делать". Этот вопрос стоял в прямой связи с отписками, присланными Рафаилом с дороги.

Делегация от собора выехала из Москвы в начале июля, а 18 июля в селе Медном Рафаил встретил псковских перебежчиков и учинил им допрос. Здесь выяснились неутешительные вести: Рафаил в отписке пишет: „а про меня, богомольца твоего, и про выборных людей они же псковичи сказали, что де вам в город без укрепленья въехать будет немочно, а будет де въедете в город без укрепленья и твоему де государеву делу чает будет поруха большая и над вами б какова дурна чево не учи(ни)ли, а людей де ваших с вами в город они не пустят же". Далее Рафаил писал о грабежах и о странной неясности в патриаршей грамоте, где говорилось о выдаче заводчиков „пяти или четырех человек".

Правительство отвечало, что от Новгорода до Пскова Рафаила будет провожать стрелецкий приказ, а вместо старых были отосланы новые грамоты с указанием только 4 заводчиков.

Но главный вопрос, о возможности отказа псковичей принять Рафаила и выборных, оставался не разрешенным. Это обстоятельство и вызвало новое заседание земского собора, на котором было прочтено о мятежных делах псковичей и поставлен вопрос о том, что делать, если псковичи не принесут повинной. Соборный ответ, к сожалению, в записи не указан, но смысл его довольно ясен. Запись говорит, что на соборе было объявлено, что как только псковичи вины свои принесут и крест поцелуют, Хованский с ратными людьми тотчас же отойдет от Пскова.

Причины правительственных уступок становятся очень ясными, когда читаешь следующую приписку к черновой записи о соборе: „а после собору, того же часу по государеву указу призваны были черных сотен сотцкие в Посольский приказ и объявлено им для подкрепленья в другоряд, да и о том говорено, чтоб про всяких людей, которые учнут какие воровские речи говорить или в народе вмещать, и про то б извещали государю и его государевым боярам и приказным людем, а на себе того не держали, чтоб вором и бунтовщиком воровских слов вмещать было не повадно“.[52]

Боязнь волнений в самой Москве толкала правительство на уступки восставшему городу. Как и в 1648 г., правительство прибегло в трудную минуту к земскому собору. Впрочем ссылки на „соборное уложение“, которое „усоборовано всего Московского государства всяких чинов с выборными людми“ встречаются еще раньше в царских грамотах, обращенных к псковичам. Представительство Рафаила и выборных должно было опираться на авторитет земского собора.

В состав делегации, посланной в Псков, входили лица, участвовавшие в соборе 1648 г. или чем-нибудь связанные с Псковом. Делегаты от духовенства — лица не новые в середине XVII в. Имена Рафаила, Селивестра и Михаила встречаются в деянии церковного собора 1649 г., который был созван в Москве для отмены введенного единогласия, потому что на Москве „учинилась молва великая“. Рафаил поставлен в епископы коломенские и каширские еще в 1618 г. Он принимал участие в соборе 1648 г. и подписался под Уложеньем. Селивестр, архимандрит Андронникова монастыря, тоже лицо очень известное в половине XVII в. Подпись его также находим под Уложеньем. Селивестр не раз был представлен царю в качестве кандидата на видные кафедры, причем в списке кандидатов стоял на втором месте после чудовского архимандрита Селивестра. В 1649 г. он был кандидатом в архиепископы Пскова, а 10 января 1650 г. на митрополичью кафедру в Казань. Впрочем оба раза он назначения не получил.

Наиболее видными из выборных от дворян были Олферьев, Еропкин и Ргинов. Служебная деятельность Ивана Олферье-

ва протекала всегда на виду. Он несколько раз был воеводою по городам в Рыльске, Козлове, Вологде и дослужился до больших чинов. В 1653 г. он был пожалован в окольничие и умер в 1655 г. воеводою в Могилеве. В момент восстания 1650 г. Олферьев находился воеводою в Козлове, но еще 25 марта 1650 г. он „смотрел в кривой стол" при царском столе в Благовещеньев день. Таким образом, Олферьев принадлежал к числу людей, близких ко двору. Тот же характер носит и деятельность И. Ф. Еропкина, начавшего с сеунщика и воеводства в Кадоме, побывавшего воеводою в ряде небольших городов и дослужившегося в 1655 г. до думного дворянина. Менее заметен Рчинов, о котором узнаем только как о стряпчем в 1639 г. Из дворянских кандидатов Олферьев и Еропкин были на соборе 1648 г., вместо них расписывался Андрей Бутурлин. На том же соборе был Алексей Барыков, вместо которого подписался Афанасий Уваров. Еропкин, кроме того, участвовал в соборе 1642 г. как выборный из дворян.

Таким образом, обнаруживается, что из 9 выборных от духовенства и дворян 5 чел. принимали уже участие в соборе 1649 г., обстоятельство, которое может указывать, что при избрании делегатов руководились их прежней деятельностью в качестве участников земских соборов.

Что касается выборных от посадских людей, то из них Филипп Савельев был связан с Псковом тесными торговыми узами. Кадашевцы держали на откупе псковские кабаки. В 1642 г. кадашевец Филипп Савельев вместе с псковским человеком Гордюшиным откупал под Псковом кабаки и тамгу. Первые псковские челобитчики захватили в Москву грамотку к Филиппу Савельеву и Ивану Артемьеву с просьбой от одного псковского посадского человека ссудить „по дружбе" челобитчиков деньгами, если их не хватит. Однако, надо отметить, что ни один из выборных от посадских людей в соборе 1648 г. не участвовал. По крайней мере, соответственных подписей мы не находим на подлиннике Уложения. [53]

ГЛАВА 13.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПСКОВЕ

Июль и август были ознаменованы еще большим обострением классовой борьбы в стенах самого Пскова. Блокада Пскова, предпринятая Хованским, заставила правительство всегородной избы принять меры против тайных врагов восстания. После ареста воевод и дворян оставался на свободе только один открытый приверженец царского правительства, архиепископ Макарий. Царские грамоты высказывали архиепископу недовольство за его деятельность и ставили ему в пример Никона. Но Макарий вовсе не был таким безвредным, как его рисовали царские грамоты и отписки. Он тайком вел агитацию среди псковских попов и укрывал у себя дворян и детей боярских. В конце июля Макарий решил активно выступить против восстания. 30 июля к нему приходили выборные люди для переговоров о традиционном крестном ходе на реку, так называемой Иордани. Макарий предложил им написать царю повинную челобитную. Для большей убедительности он подыскал в псковском летописце место, где было написано „з большими клятвами от своего государя в городе не запиратца и рук против своего государя не поднимать“. Макарий, несомненно, ссылался на известное место в летописи, где рассказывается, под 1242 годом, о победе Александра Невского. По словам летописи, Александр „клятвою извеща псковичем, глаголя: аще кто и напослед моих племенник прибежит кто в печали, или так приедет к вам пожити, а не приимете, не почьтете его, акы князы, то бу-

дете окаянни". Слова Макария вызвали негодование у выборных.

Был созван мирской сход, на котором речи архиепископа читались вслух. Участь его была решена. 1 августа Макарий был отведен в богадельню и посажен на цепь. По его словам, за ним шли „до богодельни всем народом".

В июле всегородная изба поставлена была перед угрозой голода среди маломощных псковичей. Уже в половине июля псковские перебежчики говорят, что у „молодших" людей в хлебных запасах скудость. „И те молотчие приходя ко всегородным старостам, говорят, чтоб им дали хлеба из государевых житниц, и старосты де им отказывают, хлеба из житниц не дают. И те де молотчие люди бредут из города вон и ходят по уездом, добываютца, а посидя в городе чаят того, что повинную челобитную ко государю принесут, потому что молотчих людей голод изнимает". На голод и недовольство „молодших" людей тотчас же стал возлагать большие надежды Хованский. Тогда всегородная изба приняла свои меры, резко подчеркивавшие классовый характер правительства восставших. Оставив в неприкосновенности дворцовые житницы, всегородная изба переписала хлеб, находившийся в дворянских житницах и дворах. Дворянский хлеб пошел в раздачу стрельцам и другим ратным людям. Таким образом, была изжита непосредственная угроза голода. Вслед за этим последовали другие меры против дворян. По дворам были собраны дворянские лошади и ружья и розданы защитникам восстания. Дворы многих дворян и „лучших" посадских людей были отобраны у владельцев. Кроме того, был проведен ряд конфискаций. В первую очередь пострадал Федор Емельянов. Деньги, найденные во дворе у Емельянова, были взяты в земскую избу. Большие запасы сала, заготовленные Емельяновым, были проданы на немецком дворе. Кроме того, у Федора Емельянова была забрана соль, 750 небольших мехов, весом по 10—15 пудов каждый мех. Эта цифра нам рисует размеры торговой деятельности Емельянова, державшего у себя, таким образом, до 10 000 пудов соли. Большие запасы соли были необходимы для Пскова на случай длительной осады.

Конфискации имущества и репрессии против дворянства и верхушки посадского мира знаменовали собой дальнейшее углубление классовой борьбы в Пскове. Расстановка сил в июле и начале августа была совершенно отчетливой. С одной стороны, стояла всегородная изба, поддерживаемая, главным образом, „молодшими" посадскими людьми и стрельцами, с другой — правительственные войска, находившие тайную опору в привилегированных кругах псковского населения. Гаврила Демидов с товарищами ясно понимали, что борьба с дворянами и „лучшими" посадскими людьми является одновременно и борьбой с московским правительством. В этот период восстания до нас доносятся речи, направленные против самого царя. В июле стрелец Сорокоалтынов в кругу близких людей говорит характерную фразу: „хотя бы и сам государь был под городом Псковом, и то бы (ему) пульку в брюхо ввязили". „Нелепые" речи, „о которых и помыслить страшно" приписывались также и Гавриле Демидову. [54]

В условиях двойной борьбы против правительственных войск и внутренних врагов правительство всегородной избы снова пытается искать поддержку за рубежом. Главные надежды направлялись в сторону Литвы, где находился в это время претендент на московский престол Тимошка Анкудинов.

Версия о литовской помощи и о самом царе, бежавшем в Литву, опять появляется на сцену. Повидимому, она отражала собой действительные переговоры между вождями восстания и некоторыми литовскими кругами. В половине июля в Пскове появился какой-то литвин с 3-4 бочками пороха. Литвин, как и другие торговые литовские люди, приезжавшие в Псков и Печерский монастырь, поддерживал псковичей в убеждении, что они стоят „за правду", что на Москве от бояр измена, „а государь де ныне в Литве наймует людей и к вам псковичем хочет с людми итти на помочь". Упомянутый ранее партизан Марчко, из расспросных речей которого взяты эти сведения, добавляет, что такая молва была давно, пока псковичи не услышали о приезде властей и выборных.

Но у нас есть другое более позднее и прямое свидетельство о слухах, шедших из Литвы. 11 августа пойманный пар-

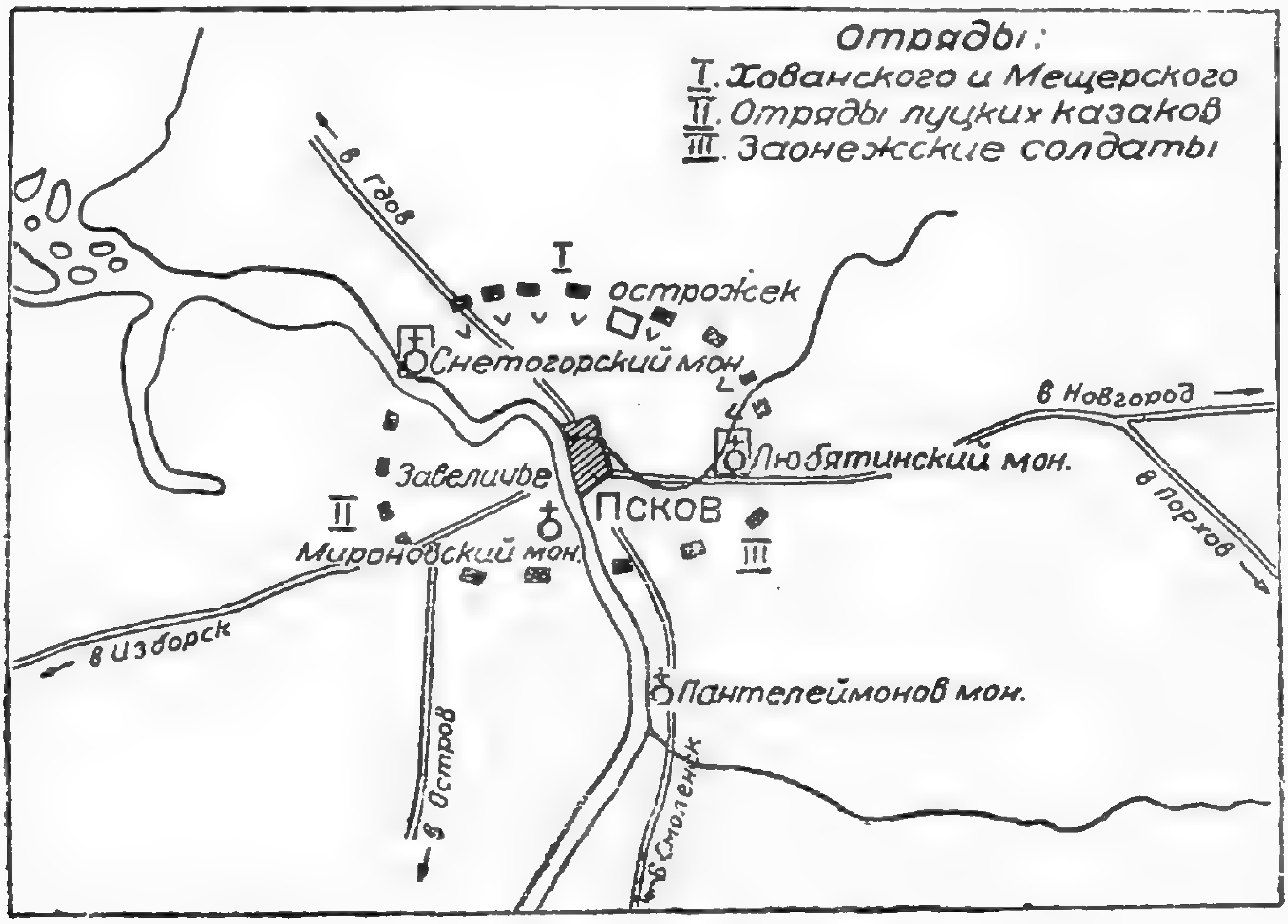
тизан Антипко Максимов показал: „изо Пскова посылали псковичи в Литву стрельца наймовать литовских людей конных тысячу человек, и тот де стрелец Литвы нанял тысячу человек, и из Литвы де ныне приходил ис Полоцка литвин, а сказал, что де Литва пришла в Полоцко, и псковичи де послали с ним литвином стрелца, чтоб та Литва шла наспех к ним псковичем для выручки“. Датой посылки стрельца в Литву Максимов устанавливал конец июля.

Итак, показание совершенно определенное и точное. Тот же Максимов добавлял, что псковичи хотят сделать нападение на вновь идущих под Псков ратных людей в 15—20 верстах от Пскова, выбрав удобное место. Следовательно, предполагались активные действия против царских войск. Таковы были планы вождей восстания, но они были разрушены внутренним переворотом. Чтобы понять его причины, надо заглянуть во внутреннюю жизнь Пскова в июле и августе. [55]

Хованский со своим небольшим отрядом не мог нанести Пскову окончательного и решающего удара, но блокада все-таки отразилась крайне неблагоприятно на экономической жизни города. Прежде всего, прекратились регулярные торговые связи с Ливонией, так как шведское правительство естественно ожидало результатов подавления восстания, в котором пострадал его агент Нумменс. Поддерживалась только торговля с соседними литовскими городами, да и то она носила случайный характер. Блокада нанесла ущерб и ремесленникам Пскова, задерживая спрос на предметы их изделий. Многочисленные посадские люди, стрельцы, казаки и пушкари, если не потеряли, то лишились значительной доли своего заработка. Блокада, кроме того, принесла прямой вред всему населению Пскова, так как лишила город обычного выгона для скота. Этому обстоятельству сам Хованский придавал большое значение. „И учинилась, государь, Пскову, — писал он в Москву, — крепкая осада и большая теснота. Не токмо, что скотины какой выгнать из города, никакому человеку никоторыми обычаи вытти из города было немочно, и учинился б над городом промысл вскоре“. Следует отметить, что для русского города XVII века выгон имел крупное значение, так как почти каждый домохозяин имел свой скот.

Затруднения, созданные долгой блокадой, развязывали руки контрреволюционным действиям „лучших“ людей и их приспешников. В этот раз „лучшие“ люди нашли себе опору в стрельцах старого Полоницкого приказа. Уже в июле между старыми и новыми стрельцами произошла ссора. Новые стрель-

СХЕМА ОСАДЫ ПСКОВА В 1650 Г.



vvvv Линия блокады в июне 1650 г.
▪▪▪ Линия блокады в августе 1650 г.

цы (Рогалевского и Турова приказов) говорили полоницким, что „бутто оне бьютца оплошно, и оне де (полоницкие стрельцы) им сказали: ни для чево де нам стоять за воров и кровь напрасная проливать“. Таким образом, между стрельцами образовалась опасная трещина, начался раскол, который был так желателен московскому правительству. В начале августа в Пскове усиленно дебатировался вопрос, принять или не принять епископа Рафаила и выборных. Очевидец псковских событий в начале августа, упомянутый раньше Марчко, показывал, что в Пскове „от воровства стало полехче, потому что прежним ворам Козе и Копыту с товарищи, воли не самодают и слушают их на мале“. „Лучшие“ люди, повидимому,

не брезговали обычным оружием политической борьбы в Московском государстве — личной дискредитацией вождей восстания. Тот же Марчко сообщает, что в конце июля земский староста Гаврилко Леонтьев был посажен в тюрьму всем городом за пьянство. В этом известии, несомненно, говорится о Гавриле Демидове, которого Марчко почему-то дважды именует Леонтьевым. Марчко добавляет, что Гаврило сидел в тюрьме всего дня с три, „и держав его выпустили и велели ему сидеть во всегородной попрежнему“. [56]

Нельзя точно определить время перемен в правительстве всегородной избы, но характер этих перемен остается для нас ясным. Еще до приезда Рафаила и выборных под Псков правительство Гаврилы Демидова и „меньших“ людей пало и было заменено ставленниками „лучших“. Во всегородной избе стали теперь заседать старосты: Михайло Русинов, Анкидин Гдовленин, Левонтей Бочар и Федор Сапожник. С ними сидели выборные от посадских людей Иван Устинов и три стрелецких пятидесятника: Ефимий Сидоров сын Неволя, Абрам Гречин и Тимофей Соснин. Были и другие выборные, но фамилий их ямской бобыль Осипов, со слов которого названы упомянутые раньше лица, указать не мог.

Впрочем, характер нового псковского правительства и без того ясен. Михаил Русинов, Анкидин Гдовленин и Иван Устинов принадлежали к числу тех посадских людей, которые с начала восстания сидели в избе, но не проявляли никакой активности. Об них еще в начале мая псковский помещик Воронцов-Вельяминов дал аттестацию — „они к их (псковичей) воровству не пристают, а сидят молча“. Устинов и Русинов принадлежали к числу „лучших“ посадских людей, принимавших участие в откупах. Во всегородной избе во время восстания они сидели по неволе и до поры до времени нейтрально отсиживались. Выбрав благоприятную минуту, „болото“ заговорило и свергло правительство Гаврилы Демидова. Михаил Русинов занял место всегородного старосты. Напомним здесь, что он был представителем Пскова на уложенном соборе 1648 г. Авторитетом собора лишний раз прикрывались действия правительства. Повидимому, от „меньших“ людей сидели в избе Леонтий Бочар и Федор Сапожник, имена

которых нам не говорят ничего, а прозвища указывают на их занятия ремеслом.

В новой всегородной избе по-иному были представлены и стрельцы. От них было три представителя, все трое — пятидесятники, тот промежуточный слой стрелецкого войска, который стоял между начальствующим составом и рядовыми стрельцами. Среди стрелецких пятидесятников обращает на себя внимание Ефимий Сидоров Неволя. Это тот самый Неволя Сидоров, который вместе со своими товарищами-пятидесятниками в начале восстания уговаривал „с большим страхом“ ничего не делать самовольством, а о хлебной скудости бить царю челом. В новом правительстве всегородной избы Неволя Сидоров сделался „первым человеком“, заменив собой по значению Гаврилу Демидова. Между тем, Неволя был не только определенным ставленником „лучших“, но и протеже злейшего врага восставших псковичей А. Л. Ордын-Нащокина. Имя этого неутомимого и хитрейшего человека еще раз всплывает на поверхность к концу псковского восстания. Бежав из-под Опочки и Острова, Ордын-Нащокин не переставал работать над усмирением Пскова. Он уговаривал крестьян сидеть по домам и не приставать к партизанским отрядам. Он настолько успел в своих предприятиях, что даже Хованский, довольно скупой на похвалы, принужден был отметить его „службу и работу и во всяком деле раденье“.[57]

Внутренний переворот в Пскове ускорил и предрешил окончательную развязку восстания. Между тем, шансы восставших в августе 1650 г. были очень высоки, так как никаких надежд на скорое покорение Пскова у московского правительства не было. В конце июля в Москве была получена отписка Хованского, в которой он сообщал о победе над псковичами, одержанной им 12 июля. „Убито псковских воров, — победно писал Хованский, — больши трехсот человек, а живых взято было в языках человек с сорок, и от ран многие померли, а осталося в живых десять человек“. Но тем же днем помечено получение в Москве другой отписки Хованского.

На этот раз донесение Хованского с товарищами полно жалоб и опасений. Обещанных подкреплений Хованский все

Патриарх Никон в домашней одежде
(по Майербергу)

еще не получил. „И которые, государь, дворяне и дети боярские разных городов на твою государеву службу подо Псков ко мне, холопу твоему, пришли, и те дворяне и дети боярские с твоей государевы службы многие разъехались, потому что в людцком и в конском корму скудость большая, и шиши по дорогам и по лесам около острожков и обозу облегли, для людцкого и конского корму выехать никоими делы не уметь, дворян и детей боярских побивают, а запасы и лошади отнимают, а пехоты, государь, у меня, холопа твоего, ноугородцких и луцких и опочетцких стрельцов и казаков человек с восемьсот". Хованский ожидает нападения псковичей на Снетную гору и на обоз и заранее боится неудачи. Далее оказывается, что вся дорога от Пскова на Новгород занята партизанскими отрядами, которые не пропускают гонцов и телеги с запасами. Хованский принужден высылать гонцов вместе с отрядами провожатых до самых Сольцов, „а малыми людми провожать и встречать гонцов никакими обычаи не уметь, потому что многие воры и шиши дорогу облегли". Ходят слухи также о готовящемся нападении людей из пригородов и волостей. Отписка кончается таким расчетом: „а есть ли, государь, нам, холопем твоим, помочь и город Псков осадить крепко и промысл над городом чинить и дороги очистити, и пехоты, государь, надобно тысячь з десять".

Такими же пессимистическими взглядами на возможность скорой победы над Псковом проникнуты отписки новгородского митрополита Никона. Он пишет царю, что по царскому указу велено оказать милость и прощение всем псковичам „опричь четырех человек пущих воров... А те, государь, — говорит дальше Никон, — четыре человека, воры, во Пскове владетельны и во всем их псковские воры слушают". Никон ожидает, что ради этих четырех человек псковичи откажутся сдаться, и описывает разорение Псковского и Новгородского уездов. Далее Никон переходит к описанию положения в самом Новгороде. Приводим целиком это место: „вели, государь, и тем четырем человеком пущим ворам псковичем, вместо смерти, живот дать и в их страдничье вине простить, чтоб твоей государеве отчине Великому Новугороду и Новгородцкому уезду в конечном разорении и в запустении

не быть. А которые, государь, и здесь в Великом Новегороде в таком же воровском гилевстве сидят в тюрьме, а иные и пущие воры, и тем вором твоя государьская милость есть, ис тюрьмы свобожены. И тебе праведному государю... и над теми своя государьская милость показать, вместо смерти живот дать, ис тюрьмы пожаловать, велеть освободить. А тем промыслом, государь, Пскова не взять, а которые люди подо Псковом и тех будет и достольных потерять. А Новугороду, государь, от подвод и от ратных людей будет запустеть. А я богомолец твой, уговаривая новгородцов, дал им свое слово, что тебе государю за их вину бити челом, и того ради твоей государеве отчине Великому Новугороду и твоей государеве казне убытку и людем порухи никаковы не учинилось. Да и впредь бы мне, твоему государеву богомольцу, о всяких твоих государевых делах говорити с новгородцы надежно и постоятельно. А как приехал в Великий Новгород твой государев боярин князь Иван Никитич Хованской с товарищи, и он князь Иван им новгородцем божился и всячески обещался, что им никакой жесточи за их вину не учинит. А и псковичи, государь, ныне слышачи про тех воров, что сидят в Великом Новегороде в тюрьме, боятся того ж и на новгородских воров тюремных сидельцев и указывают, что де и нам то ж будет. И августа в 4 день ведомо мне, твоему государеву богомольцу учинилось, что псковские воры, шиши, во Псков скоту стада великие прогнали и на многих телегах грабленого живота провезли и по се число беспрестанно по уезду воюют".

Как видим, Никон ярко описал тот режим, который воцарился в Новгороде после „замирения" восстания. Но умиротворительные тенденции Никона вовсе не были бескорыстными, как принято было изображать поведение митрополита во время восстания 1650 г. Никон защищал интересы митрополичьего дома, крестьянство которого было разорено поборами и подводной повинностью. Во всем Новгороде нельзя было нанять подводы до Пскова дешевле, чем за 10 руб., плату совершенно невероятную по тому времени. Новгородский воевода доносил, что Никон вместе с духовенством, дворцовыми крестьянами и посадскими людьми решительно

Село Дубровно в XVII веке
(по Майербергу)

заявил: „хотя де нас государь велит на правежи до смерти побить, и нам де под тот запас подвод взяти негде, людей и лошадей нет и нанять не добыть“.

Впрочем отписки нового новгородского воеводы Буйносова-Ростовского о положении в Новгороде были так же мало утешительны, как и донесение Никона. Посадские люди и крестьяне, опираясь на авторитет митрополита, отказывались давать подводы под ратных людей. Положение еще более осложнилось, когда в Новгород прибыли заонежские солдаты во главе со Степаном Елагиным. Солдаты были настроены требовательно и добивались у воеводы подвод для перевозки запасов, мушкетов и пик. „Бес подвод (они), — писал в Москву новгородский воевода, — итти на твою государеву службу не хотели“. С большим трудом Буйносов-Ростовский нашел подводы и отправил заонежских солдат под Псков.

Таким образом, Хованский, Никон и Буйносов-Ростовский одинаково пессимистически смотрели на будущее. Этот пессимизм был в достаточной мере обоснован. Приближалась осень с дождями и слякотью, а за ней угроза голодной зимы. Перед правительством настоятельно возникал вопрос о замирении Пскова, хотя бы путем уступок восставшим. [58]

Этого требовало и внутреннее положение Московского государства. Псковское восстание отразилось громким эхом не только в Москве, но и во многих городах Московского государства. В июне — июле подавались изветы „о курском заводе“, то есть о возможности повторения курского восстания 1648 года, об Орле и Царево-Алексееве-городе. В августе в Переяславле Рязанском обсуждают вопрос, будет ли „подвих“ государю во Псков и примут ли псковичи властей. Переяславский поп обвиняет посадских людей в желании бить в колокола, указывая на какой-то случай, происшедший в Переяславле в феврале 1650 года.

ГЛАВА 14.

ПАДЕНИЕ ПСКОВА

„Власти и выборные“, как называли в официальных документах делегацию земского собора, посланную в Псков, ехали очень медленно. Только 1 августа Рафаил и выборные прибыли в Новгород. Здесь между Рафаилом и новгородским воеводою разыгрался характерный инцидент. Воевода предложил Рафаилу и выборным ехать в Псков с олонецкими солдатами и детьми боярскими, направлявшимися в полк к Хованскому, предполагая оставить в Новгороде московских стрельцов, которые по царскому распоряжению сопровождали Рафаила. Последний, а также выборные люди решительно отказались от такого предложения — „нам с солдаты и з детми боярскими без стрельцов московского приказу не хаживать“.

Воевода писал в Москву, что остался в Новгороде почти без служилых людей и что „в городе с такими малыми людми быть страшно“.

4 августа власти и выборные выехали из Новгорода в Псков под охраною стрелецкого приказа. В Москве с жадностью ловили слухи о поездке Рафаила и выборных, предписывая новгородскому воеводе немедленно сообщить в

Москву, когда приедут Рафаил и выборные под Псков. Из Сольцов Рафаил послал в Псков гонца. В ответ приехал гонец из Пскова, заставший властей и выборных уже в погосте Дубровно. Псковский гонец, оказавшийся ямским бобылем Максимом Осиповым, привез отписки, где сообщалось, что властей в Пскове ожидают и примут с честью. О том же писал Рафаилу и выборным и гонец, посланный ими. Тогда Рафаил и выборные решили оставить стрельцов позади и поехали в Псков „наспех" без провожатых. Эта необыкновенная спешка не объяснена Рафаилом в его отписках, потому что современникам были и без того ясны причины поспешности Рафаила. Повидимому, Рафаил боялся упустить благоприятный момент.

В Пскове в это время продолжали бороться две партии. Поэтому-то так противоречивы были слухи о настроениях псковичей, передаваемые в расспросных речах. Одни показания говорили, что „миру псковичи рады", что „властей ожидают в Пскове с радостью и заводчиков всех выдадут". Другие передавали совсем иные речи, например, что в Пскове креста целовать не хотят, а говорят: „целовали мы государю, крест одинова и за то мы крестное целование и помираем". Слышатся также старые речи о Хованском и о необходимости прихода под Псков самого царя или боярина Н. И. Романова и т. п.

Положение было настолько неустойчивым, что Рафаил не мог медлить и спешно двинулся в Псков. 17 августа московская делегация подъехала к городу. Будучи в 10 верстах от Пскова, Рафаил послал в город одного из выборных, торгового человека Михаила Ермолаева, а сам с остальными выборными отправился ему во след. В трех верстах от Пскова Рафаил и выборные были встречены вернувшимся из города Ермолаевым, с которым приехали, как сообщает Рафаил, „псковичи всяких чинов люди нас встретить".

Рафаила и выборных ожидала торжественная встреча. Вступление их в город было обставлено целым рядом церковных церемоний, цель которых заключалась в желании повлиять на умы и воображение присутствующих. Навстречу Рафаилу в Петровские ворота вышел крестный ход во главе с архиепископом Макарием, освобожденным из богадельни за не-

сколько дней до приезда делегации. За ним шли игумены и священники, они несли образ Печерской богоматери, кресты и запрестольные иконы. В воздухе носился колокольный звон. Рафаил со всем духовенством и выборными прошли в собор и пели там молебны, после чего, „для ради утеснения“, вышли из церкви на паперть против площади. Рафаил говорил на площади речь и передал псковичам царскую грамоту. Здесь произошел первый инцидент, который показал, как еще сильны были шансы Гаврилы Демидова и других противников примирения с Москвой. Когда на площади были прочитаны слова царской грамоты, говорившие, что псковичи писали литовскому королю, поднялся великий шум. Псковичи „всем городом с великим шумом кричали, — пишет Рафаил в своей отписке, — что де они такова листа не писали и не читали и (что того) в уме их не бывало. И того дня они псковичи тебе государю креста не целовали, — продолжает Рафаил, — а сказали нам, чтоб им о твоем государеве крестном целованье всего города со всеми людьми поговорить“.

В последующие два дня, 18 и 19 августа, события развернулись еще шире. Торжественная встреча, оказанная Рафаилу, была только пышным парадом, вовсе не обозначающим полного единения и безусловной покорности царю со стороны псковичей. Московское правительство недаром меняло редакцию царских грамот и крестоцеловальных записей. Как-раз вокруг этих грамот и записей и развернулась борьба „лучших“ и „меньших“ людей.

18 августа всегородные старосты заявили Рафаилу и выборным, что псковичи всем городом креста не поцелуют до тех пор, пока в записи будет статья о листе к польскому королю. Кроме того, старосты требовали, чтобы Хованский со всеми ратными людьми отошел от города. Рафаил послал к Хованскому гонца с земским старостой и тремя другими псковичами, предлагая заключить перемирие и отойти от города. Хованский запретил своим людям нападать на псковичей, но от города отойти отказался, добиваясь крестного целования со стороны псковичей.

Между тем, Михаил Русинов вместе с новым правительством всегородной избы продолжал вести тайную линию на

примирение с Москвой. В тот же день, 18 августа, старосты послали во все сотни и стрелецкие приказы особые памяти с тем, чтобы составить „о крестном целовании заручные скаски и теми бы заручными скасками мятежников укрепить“. Эта мера была проведена, повидимому, с согласия самого Рафаила и

Знатный московит
(по Майербергу)

выборных. Всегородные старосты, как рассказывают очевидцы, оказывали Рафаилу и выборным великую честь, носили им кормы и беспрестанно обо всем с ними советовались.

Тем не менее, новые всегородные старосты старались скрывать свои подлинные замыслы. Правда, Львов, Собакин и Волконский были выпущены из палаты, но еще 19 августа дворяне и дети боярские оставались в той же палате под арестом. Попрежнему находились люди, которые „пошумливали“. Партия Гаврилы Демидова не окончательно еще потеряла свое значение, и 19 августа крестоцелование не

состоялось, потому что „к нынешнему дни они псковичи не изготовилися“, как объясняли выборные старосты. За этой фразой о неподготовленности к крестному целованию скрывалось, как мы увидим, гораздо большее. Дело шло к открытому расколу между „меньшими“ и „лучшими“. Это резко обнаружилось на следующий же день.

20 августа в соборной церкви целовали крест „старосты и выборные всяких чинов люди, и поместные и кормовые казаки и съезжие избы (и) из дворцовые (избы) подьячие“. Одним словом, кроме самих старост и псковских выборных, согласились принести крестное целование только немногие служилые люди, тесно связанные с псковской администрацией и правительством. Но даже и эти люди целовали крест, „кроме изменной статьи“ о листе литовскому королю. Такую присягу нельзя было назвать крупной победой. В самом деле, 20 августа едва не рухнуло все хитросплетенное здание Рафаила и новых всегородных старост. „После обеда в стрельцах и в посацких и во всяких чинах в людех учинился великий мятеж и в колокол хотели бити, а старост и выборных людей хотели убить“. На этот раз поводом к возмущению послужили статьи крестоцеловальной записи о немчине Логине, о грабеже Федора Емельянова и о грабежах и убийствах дворян в уездах. Сами по себе эти статьи были только поводом, но причина возмущения „меньших“ лежала гораздо глубже. Вожди восстания прекрасно понимали, что вслед за мирными речами Рафаила последуют жестокие репрессии. Во главе движения опять встали Гаврило Демидов и Томило Слепой, а вместе с ними поп Евсей. Евсея поддерживали некоторые другие попы, отказавшиеся приложить руки к повинной челобитной. Но главной опорой восстания попрежнему оставались посадские люди и стрельцы.

Об этом всеобщем смятении воевода Львов писал царю следующее: „оне ж изменники поп Евсей с попы да с старостою з Гаврилкою да с Томилкою Слепым с товарищи говорили про тебя, великого государя, и пренеоборимую твою государеву скипетро-державу, что и уму человеческому не вместимо и слышати страшно, не токмо что к тебе, великому государю, писати“.

Попытка нового восстания не увенчалась успехом. В тот же день 120 казаков и 80 пушкарей принесли составленные на царское имя повинные челобитные. Так была сделана первая брешь среди восставших.

И все-таки присяга проходила негладко, „мешали худые люди, воришки, ярыжки кобацкие“, по выражению гонца Панкратия Сухарева. По обычной терминологии Московского государства, в число худых людей включена была основная масса псковского населения. Зато „добрые всяких чинов люди все слезно были ради“. Раскол среди „молодших“ и „лучших“ сказался на следующий же день.

21 августа было днем решительного поворота в истории восстания. В этот день Рафаил послал к земским старостам с предложением принести именные списки, по которым должна была производиться присяга. О дальнейшем предоставим место рассказывать самому Рафаилу: „и как земские старосты принесли к нам к соборной церкви имянные списки и с ними, земскими старосты, пришли к соборной церкве псковичи всяких чинов многие люди, и я и выборные люди им говорили, чтоб они псковичи твой государев указ исполнили и крест тебе, государю, целовали. И как у крестного целованья почали запись честь и дошло до тех речей, что они псковичи своровали и во граде мятеж учинили, Логинка немчина били и пытали и домы грабили и в уездах разоряли, дворян и детей боярских и их жен и детей побивали, и о тех статьях учинили в соборной церкве шум великой и многие пошли из церкви вон“. „Молодшие“ посадские люди и стрельцы готовы были сорвать намечавшееся соглашение. Тогда Рафаил прибегнул к хитрому маневру, предложив целовать крест не по сотням, а „добрым людем, которые твоево государева указу и нас слушают, чтоб мятеж утолить“. Такие люди тотчас нашлись и за ними, — пишет царю Рафаил, — „пошли к твоему государеву крестному целованью и многие люди“. К 24 августа к крестному целованью приведено было 3 000 человек. К этому времени выпущены были дворяне, сидевшие под арестом, и отпущены обратно в Печерский монастырь архимандрит с соборными старцами. Единственно, чего добились псковичи — это отступления Хованского от города.

Так, после почти шестимесячного сопротивления, произошло падение Пскова. 24 августа с этой новостью Рафаил послал в Москву боярского сына Панкратия Сухарева. В подробной отписке Рафаил описал свои действия в Пскове. На радостях царь пожаловал гонца, велел выдать ему 5 рублей денег, годовой оклад заслуженного стрелецкого пятидесятника.[59]

Рафаил и выборные оставались в Пскове до конца августа. Восстание было подавлено, но корни его были нетронуты, так как участники восстания оставались на свободе. Реставрация воеводской власти производилась медленно, с большой осторожностью. Правда, воевода Львов принимал участие в крестоцеловальной комедии, разыгравшейся в соборной церкви, но авторитет его был явно подорван. Только 25 августа воевода мог полностью вернуться к своим обязанностям. Земские старосты Михаил Русинов и Анкидин Гдовленин вместе с посадскими людьми принесли Львову городовые ключи. Передача ключей была обставлена некоторой торжественностью. Она происходила в соборной церкви, в присутствии Рафаила и выборных. Верные своей предательской политике Русинов и Гдовленин от имени города признавали свою вину и просили Львова „в съезжую избу ездить и твое государево дело делать и меж ими расправа чинить“. В ответ на отписку Львова, извещавшего об этом событии, пришла царская грамота с предложением Рафаилу собрать псковичей и сказать им, чтобы они помимо воеводы никаких дел не делали.

Первым проявлением воеводской деятельности Львова было восстановление связи с пригородами. Львов отправил в пригороды архимандритов и игуменов, поручив им привести население пригородов к крестному целованию.[60]

Официальная версия, рассказывающая о замирении Пскова, говорит о полной покорности псковичей. На самом деле об этом на первых порах не могло быть и речи. Подчинение Пскова было оговорено условием об отводе войск Хованского. Между восставшим городом и начальником правительственных войск было заключено формальное перемирие. Псковские представители выехали в полк к Хованскому для пере-

говоров о перемирии. Хованский обещал отойти от города, как только псковичи поцелуют крест. После принесения присяги Хованский был вынужден выполнить это обещание и отошел от города, распустив по домам дворян и детей боярских.

19 августа Хованский послал в Москву отписку о положении дел в Пскове и под Псковом. Эта отписка в известной степени объясняет нам, какие внешние причины действовали в пользу примирения с Москвой. Хованский сообщает, что 15 августа пришел под Псков Степан Елагин с заонежскими стрельцами. Вместе с ним пришли те дворяне и дети боярские, которые ранее находились в бегах. С этими подкреплениями Хованский занял все дороги вокруг Пскова и прекратил доступ в Псков и оттуда в пригороды. Таким образом, городу угрожала теснейшая блокада. В заключение Хованский говорил о своей усердной „работишке" и об испуге псковичей.

Официальная версия Хованского о тяжелом положении Пскова нашла себе широкое распространение. Олеарий и некоторые хронографы XVII в. объясняют падение Пскова именно страхом псковичей перед царскими войсками. Сосредоточивание большого количества сил под Псковом оказало несомненное влияние на некоторые круги псковского населения. Но успех Рафаила и выборных не был односторонней победой. Он был достигнут компромиссом между требованиями восставших и царского правительства. Ближайшее же время показало, каким гнилым был этот компромисс. [61]

ГЛАВА 15.

ЛИКВИДАЦИЯ ВОССТАНИЯ

Рафаил и выборные находились во Пскове в течение двух недель до конца августа. За это время Рафаил усердно работал над восстановлением в городе воеводской власти. Рафаил отобрал у псковичей из всегородной избы „воровские печати" и добился выбора повинных челобитчиков в Москву. В челобитчики были выбраны от посадских людей Анкидин Гдовленин, Федор Сорокоалтынов и Иван Шамра, из стрельцов 3 пятидесятника — Неволя Сидоров, Абрам Григорьев и Тимофей Родионов, от казаков Алексей Пахомов, от пушкарей Иван Стекольников. Напомним, что трое из челобитчиков — Гдовленин, Сорокоалтынов и Неволя — упоминаются в числе выборных, сидевших во всегородной избе после падения правительства Гаврилы Демидова. Одновременно, но другою дорогою, не через Новгород, а через Старую Руссу, к Москве поехали с повинными челобитьями дворяне, замешанные в восстании, во главе с Иваном Чиркиным. 31 августа Рафаил вместе с выборными людьми выехал из Пскова, предоставив распоряжаться в городе воеводе Львову.[62]

Падение Пскова праздновалось в Москве очень торжественно 1 октября, на Покров день. Царские подарки „за псковскую службу" получили воеводы Собакин, Волконский, Хованский. Дворяне были награждены прибавками к поместному окладу и деньгами. В празднестве принимали участие власти и выборные, ездившие в Псков с Рафаилом. При этом разы-

грался характерный инцидент. Псковский воевода Львов прислал донос на одного из делегатов, стольника Ивана Олферьева. Львов доносил, что Олферьев при вступлении делегации в Псков спрашивал псковичей о здравии и, в ответ на жалобы против Хованского, называл его врагом. Произведено было следствие, результат которого оставляет неясное впечатление. Одни выборные подтверждали донос Львова, другие нет. Черниговский же протопоп Михаил показал, что все выборные люди называли псковичей братьями, православными христианами и спрашивали их о здравии. Сам Олферьев утверждал, что на него наговаривают другие выборные — Иван Еропкин и гость Федор Юрьев, а Львов писал жалобу, „избывая вины своей". По словам Олферьева, Львов не вышел к крестному ходу и у молебнов в соборе не был. Через два дня, будучи в соборе, тот же Львов будто бы спрашивал Олферьева, почему на царских грамотах написано недавнее число, тогда как выборные выехали из Москвы тому уже 5½ недель. Олферьев и Андроньевский архимандрит Селивестр сказали Львову, что так говорить непригоже, услышат псковичи и их побьют. Ведь и без того псковичи „многие государевы грамоты лживили". Показания Олферьева были подтверждены Селивестром, но дело было решено в пользу

Одежда московского боярина

Львова. Повидимому, за псковского воеводу постояли влиятельные придворные круги. На празднестве 1 октября Иван Олферьев не был допущен к царской руке. Однако, вина его была настолько мала, а заслуги перед московским правительством настолько явны, что в тот же день перед обедом он был допущен к руке и получил приглашение к столу. Таким образом, инцидент кончился для него без последствий. Однако этот инцидент показывает, насколько был чувствителен „тишайший“ государь и его приближенные ко всякому проявлению простых человеческих чувств по отношению к восставшим псковичам.

8 октября состоялось последнее заседание земского собора, с таким же составом, как и на заседаниях 4 и 26 июля. На соборе было объявлено о принесении псковичами „своей вины“ и о прощении этой вины царем. После этого состоялся прием псковских челобитчиков, которые были допущены к царской руке. [63]

Впрочем, московские торжества справлялись несколько рано. Положение в Пскове в течение сентября — октября продолжало быть тревожным. В половине сентября воевода Львов писал в Москву о том, что к нему приходят многие люди с различного рода изветами, и что в Пскове открыто говорят различные „непристойные“ речи о царе и правительстве, но сделать он ничего не может. „Нам, холопем твоим, — пишет Львов в Москву, — слыша их такие воровские слова, имать и приводить их к себе нельзя, для того, что такие слова говорят многие люди, чтоб, государь, к ним большие люди не пристали и за них не стали и попрежнему мятежу не всчали. А велим к себе вызывать в съезжую избу и во дворы лучших всяких чинов людей и им говорить что ты, государь, их за то пожалуешь, что оне тебе государю на воров бьют челом и за них не стоят“.

Действия Львова заключали в себе прямой вызов к доносам и всякого рода изветам. Сохранилось немалое количество изветов и челобитных, поданных псковскому воеводе в сентябре и ноябре 1650 г. с доносами на отдельных псковичей и с хвастливыми заявлениями о „раденьи“ и услугах, оказанных царскому правительству. Многие из этих изветов

были основаны на действительных фактах и отражали крайне тревожную атмосферу, в которой жил Псков в сентябре — ноябре 1650 г. Примирение с правительством было основано на компромиссе. Псков, после долгого сопротивления, добился только амнистии, а все порядки сохранились в полной неприкосновенности такими, какими они были до восстания. Это прекрасно понимали как „лучшие“, так и „меньшие“. Уже во время пребывания Рафаила в Пскове среди „добрых“ людей можно было слышать разговоры: „которые де люди такое воровство завели и тех де им надобно изо Пскова избыть“.

Действительно, „избывание“ беспокойных людей началось тотчас же, как только воевода почувствовал в своих руках настоящую власть. Но воевода не решался произвести аресты по своей инициативе. Поэтому инициатива „избывания“ целиком была возложена на „лучших“ людей. Здесь по своему усердию выступил на первое место новый всегородный староста Иван Давыдов Красногородец, повидимому, заменивший Анкидина Гдовленина, уехавшего в Москву челобитчиком.

Удар, прежде всего, был нанесен центральной фигуре восстания — Гавриле Демидову. В половине сентября Гаврило Демидов был арестован и заключен в оковах во всегородную избу. Ему ставили в вину, что во время восстания он велел стрелять из пушек и, таким образом, истратил много пороха и свинца, велел побивать по уездам дворян, давал наказные памяти партизанским отрядам и распустил тюрьму. Таким образом, сами усмирители подчеркнули ту громадную роль, которую играл Гаврило Демидов в восстании.

Но сторонники Гаврилы Демидова не потеряли еще своего значения в Пскове. В сентябре и октябре 1650 г. воевода Львов чувствует себя крайне непрочно. В особенности большую опасность представляли стрельцы во главе с Прокофием Козой и Иовом Копыто. Воевода приписывает им прямое намерение завести „прежний свой воровской завод“, уверяя, что они вместе с другими стрельцами „стали ходить в городе и по улицам, днем и ночью, скопом и заговором, с ружьем, и говорили псковичем всяких чинов людем всякие смутные прежние свои воровские слова и научали их тот прежней мятеж,

наговаривали и хотели бить в сплошной колокол и в городе учинить смуту".

В словах воеводы можно заподозрить определенную подтасовку фактов, но в наших руках есть другие свидетельства, которые рисуют настроения псковичей после подавления восстания. В конце октября помещик Андрей Окунев показывал новгородскому воеводе с чужих слов, „что в Пскове попрежнему хотят дурно чинить". В Пскове с негодованием говорили о нарушении мирных условий, согласно которым была объявлена полная амнистия. Действия Львова и попытки сыска над городским населением вызывали прямой отпор. „В том де государь волен, а нам де попрежнему бить в тарарыку, нечто де государь изволит сам быть во Псков, и они де ему государю все повинны головами своими".

Даже в конце октября в Пскове в торговых рядах происходила такая сцена. К посадскому человеку Киселеву приходили многие люди и называли его изменником: „в смутное де ты время во Псков не ехал, а прожил все на Москве, а во Псков к нам ни о чем не писал". Воевода получал многочисленные изветы о непригожих речах против государя. Эти доносы только в ничтожной мере отражали те речи, которые говорились в Пскове о царе и московском правительстве. За изветом следовал сыск, кончавшийся жестокими наказаниями. Приведем только два примера таких речей. Вдова Хавроньица говорила, что „государь млад и слушаетца бояр, стоит де за немец, а не за православных хрестьян, на что де было на царство садитца, и хлеб хотел немцам выдать, и оне де псковичи стали за правду". За эти речи вдове „урезали" язык.

Посадский человек Григорий Тряси-Солома говорил непригожие речи о царице, похваляясь взять ее за себя замуж. Тряси-Солома был арестован и отправлен в Москву.

Непригожие речи о государе и его семье отражали протест против царя и его правительства, прорывавшийся, несмотря на жестокие казни и пытки, ожидавшие виновных.

Несмотря на жестокие репрессии, нередко слышатся речи с угрозами и против новых всегородных старост, поставленных „лучшими" людьми. Посадский человек Богдан Головников ругал старост за большой побор, разложенный на посад-

ских людей. Головников угрожал старостам: „будет де вам злее того, как было в нынешней мятеж".

Только в октябре воевода почувствовал себя настолько сильным, чтобы нанести первый удар. Он призвал в съезжую избу „всяких чинов людей" и добился от них заявления, что „воры воровской завод и мятеж всчиняют собою". „Всяких чинов люди" будто бы просили царя „велети б о тех ворех наш указ учинить и в Пскове тем ворем вперед не быть". Московское правительство тотчас же послало в Псков царский указ с милостивой похвалой. Вместе с тем царская грамота предписывала воеводе отослать арестованных вождей восстания, с женами и детьми, в Новгород.

Между тем, еще до получения царской грамоты в Пскове разыгрывается последний акт драмы. Программа избывания „заводчиков" восстания проведена была с большой последовательностью. Для этой цели подыскивались различные предлоги и устраивались доносы.[64] В первую голову были арестованы упомянутые выше Прокофий Коза, Иов Копыто, Никита Сорокоум, Иван Клобучков и некоторые другие стрельцы и посадские люди. Вслед за этим наступил черед Гаврилы Демидова, находившегося под арестом в земской избе. Орудием „лучших" людей и воеводы явился ночной сторож Андрей Шильцов, подавший Львову жалобу на Демидова. Шильцов уверял, что бывший всегородный староста „вымучил" на нем во время восстания кабалу в 50 руб. Львов послал к Демидову подьячего с требованием вернуть кабалу обратно. Демидов будто бы сказал, что „он кабалы на Ондрюшку не отдаст, а будет де у него о том во всегородной избе скоп и того, Ондрюшку, ему пытать". Тогда всегородные старосты подали извет против Демидова, говоря, что „он такое воровство заводит своим умыслом". В этой истории крайне характерен один факт — боязнь воеводы перед новым восстанием. Впрочем, рассказу воеводы и старост о словах Демидова можно верить только с большими оговорками. Львов передавал их с чужих слов и принужден был признать, что Демидов „в том запирался". Тем не менее воевода не решился вмешаться в дела земской избы, и бывший всегородный староста вместе с Томилой Слепым остались под стражей в земской избе.

Участие земской избы в аресте бывших вождей восстания очень знаменательно. Оно показывает, что авторитет земской избы стоял еще прочно, до известной степени являясь противовесом воеводской власти. Воевода принужден был мириться с параллельным значением всегородной избы, тем самым делая уступки новому порядку, созданному в Пскове во время восстания. Новые всегородные старосты, в свою очередь, вынужденно держали Демидова и Томилу Слепого в земской избе, не осмеливаясь передать их во власть воеводы. Настолько еще живы были в умах широких масс псковичей представления о Демидове и Слепом, как о вождях восстания. Даже в ноябре воевода Львов боится возможности нового восстания, прислушиваясь к разговорам, ведущимся на площадях и базарах.

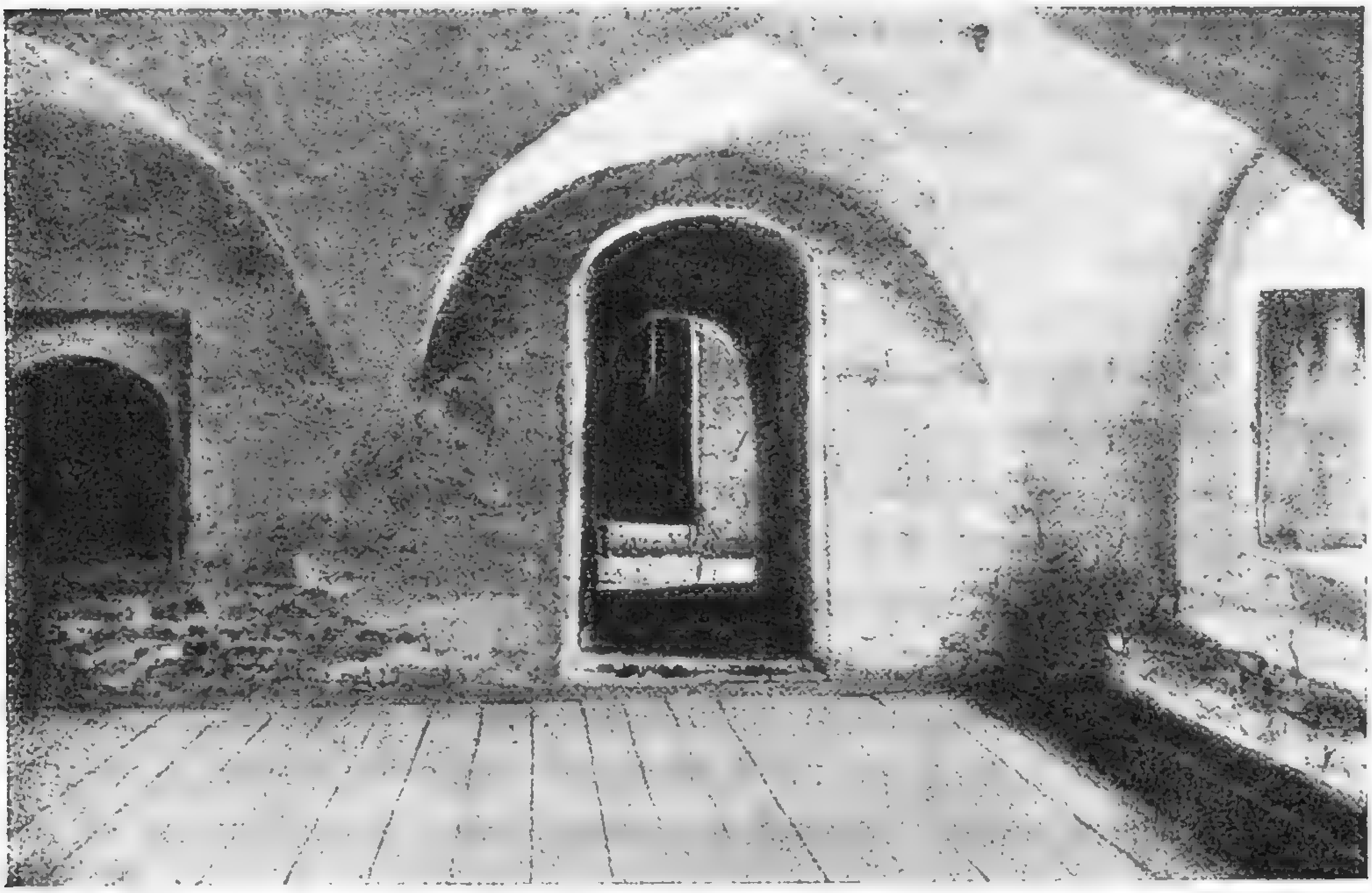
9 ноября воевода получил царскую грамоту с ответом на псковскую повинную челобитную. Грамота эта в делах не сохранилась, но содержание ее ясно из отписки Львова. После торжественных заверений о царском прощении и милостях грамота требовала выдачи из земской избы Гаврилы Демидова и Томилы Слепого. „Лучшие“ люди заявили, что они государю „служити во всем ради, а за воров, за Гаврилка Демидова и за Томилка Слепова с товарищами не стояли... В винах де их ты, великий государь, волен“. После этого Демидов и Слепой были выданы воеводе. 18 ноября Гаврило Демидов был отправлен в Новгород с женою и детьми. 21-го за ним последовал Томило Слепой. Воевода спешил с отсылкой старого подьячего „чтоб тот Томилко Слепой во Пскове, сидя за приставом, какова злово своево умыслу и воровства не завел и смуты никакие не учинил“.

В Новгород же были отосланы, по особой росписи, арестованные стрельцы: „Прошка Коза с женою Парасковицею да з детми с Васкою да с Федкою; Иевко Копытов с женою Парасковицею; Никитка Сорокоум з женою Матренкою да з детми, с сыном с Климком да с Федкою да з дочерью з девкою Марфицею; Ивашка Клабучков з женою Офимицею; Бориско Шапочкин, жены у него нет, а дети служат во Пскове государеву стрелетцкую службу и живут с ним в разделе; Офреско Ортемьев Семяков з женою Овдотицею; посадской человек Ермолка

Васильев сын Кузнецов з женою Степанидкою да с сыном Сергушкою".

Неожиданно для воеводы и „лучших" людей проводы участников восстания вылились в большую демонстрацию солидарности с ними.

Об этом сообщал в Москву сам воевода Львов: „а как,



Подземелье в псковском доме XVII века

государь, тех воров и заводчиков изо Пскова повезли и псковичи, государь, многие люди, собрались з женами и з детми и их провожали за город и говорили: „во Пскове де ты, государь, казнить их не велел, а велел их сослать в Новгород, и только де в Новегороде ты, государь, велишь их казнить, и им де псковичем и всем потому ж казненым и сосланым быть. И учали, государь, псковичи быть в сумненье и ожидают из Новагорода про них вести что над ними учинитца". [65]

23 ноября последовала очередь последнего из руководителей восстания — Дружины Бородина. Против него всегородные старосты выдвинули обвинение, что он „Дружинка к нам посадцким людем ныне приставливает воровски и продает напрасно. А он, Дружинка, ведомой вор и старой кликун

и бит кнутом за такое ж воровство". Кроме того, Бородину приписывались угрозы по адресу одного казака, отъехавшего в свое время в полк к Хованскому.

Дружина Бородин был отдан за пристава и оставался под арестом до 12 декабря. В этот день была сделана последняя, на этот раз безуспешная попытка поднять, если не восстание, то волнение в Пскове. По царской грамоте воевода приказал отправить в Москву на службу половину псковских и пригородских стрельцов. Подводы под них обязаны были дать посадские люди, ямские слободы и монастыри. По этому случаю в земской избе был устроен сход, на который Дружина Бородин через свою жену послал „воровское письмо".

Письмо это представляет собой замечательный документ, рисующий незаурядную личность старого „кликуна". Приводим его полностью.

„Пскова города всем православным хрестьянам посадцким людем бьет челом и плачетца бедной и до конца разореной от немилостивого разорителя Дружинка Бородин. О вашей, господа, милости был, господа, я от вас на Москве в прошлых годех по 157(1649) год в челобитчиках. И иссорено, господа, денжонок моих, будучи на Москве в ваше мирское челобитье во всякую иссорку тритцать три рубля, и по ся мест мне ваша милость третей год ничем не объявилась. Толке ныне пожаловал меня, поискал земской староста Иван Давыдович Красногородец и государевым начальником на меня милостивое слово сказал, назвал меня вором и поклепщиком и гилевщиком, бутто ся я завожу старой воровской в мире мятеж. И по ево заступлению государев окольничей и воевода и дьяк писали ко государю к Москве. Я ныне за грех свой живот мучу в железах, ожидаю под голову подушки или Гаврилки Демидова терема вечново. А воровства, господа, я никакова, ни мятежу, не заводил, крест я целовал впрямь праведному государю на своей правде и ожидаю ныне к собе смертново часу. Милости вашие, господа, прошу. Помилуйте меня бедного, прикажите, господа, то мое сиротствишко отдать или кольке пожалуете, прикажите дать. Есть сироты нечево, помираю голодом, мне на вас, напрасно поклепав, взять на тот свет не несть. А и вам, господа, всем миром не обога-

теть, что моево и не отдать. А от меду я на Москве докладывался у Тимофея Вандина, что в гостинцы свесть, свезено не в посул, на новоселье. И вы, господа, помилуйте меня, страдника, как вам господь изволит. Прикажите, государи, что-нибудь дать на хлебы. Пад на землю со слезы вашие милости прошу и челом бью, смилуйтеся, пожалуйте".

Письмо было перехвачено, и воевода Львов отослал Дружину Бородина в Новгород. На этом, можно сказать, закончилось „избывание" участников восстания.

В Новгороде теперь сидели в тюрьме вожди как псковского, так и новгородского восстания. Гаврило Демидов вместе с товарищами помещался в кандалах под башней, в большой же тюрьме сидели Иван Жеглов вместе с новгородцами. Жены и дети заключенных были розданы новгородцам „добрым, несмутным людем". Под влиянием тягостей тюремной жизни Дружина Бородин объявил за собой государево слово и подал извет на Федора Сорокоалтынова. Донос имел успех. Бородин был вначале отослан в Москву, а далее на озеро Байкал. В феврале — марте 1650 г. вожди восстаний в Пскове и Новгороде были присуждены к кнуту и разосланы в дальние концы Московского государства.[66]

Но псковское восстание имело продолжение. Широкое крестьянское движение, начатое по всей Псковской земле, продолжало тревожить воеводу и московское правительство в течение всей зимы 1650—1651 г. В октябре 1650 г. в Порховском и Ржевском уездах попрежнему ходили партизанские отряды. В Ржевском уезде отряд в 40 партизан нападал на дворы и усадьбы дворян и детей боярских. Из этого отряда был пойман монастырский крестьянин Анцыфоров и казачий крестьянин Спирька. Воевода Львов сам писал в Москву, что после крестного целованья и царского „милостивого" указа „во Пскове и в уездах учало быть попрежнему воровство, убивство, татьбы, грабежу".

„Приведенные в бешенство крестьяне так просто оружие не сложат". Эти слова Маркса и Энгельса вполне были применимы к продолжавшемуся крестьянскому движению в псковских пригородах. Еще в феврале 1651 г. в Москву сообщалось, что „во Пскове и в уездах и во псковских пригородех учало

быть воровство болшое, татьбы и разбой и убивства и смутные всякие затейные воровские слова".

8 февраля стрельцы привели к воеводе пойманных „пущих воров и убойцев" — Павла Печерянина с товарищами, всего 27 человек. Они были пойманы стрелецким сотником Федором Коновалом. Как мы видим, бывший челобитчик успел сделать карьеру. Партизаны были вооружены пищалями, топорами, рогатинами, бердышами, вилами, ломами, — обычным оружием восставших крестьян. Воевода допрашивал Павла Печерянина как атамана под пыткой. Тогда Печерянин рассказал воеводе планы партизан. С партизанами были в заговоре некоторые посадские люди; „к весне де было им прибирать к себе многих воровских людей и заводить было и делать также, как и в псковскую смуту было, а твои де государевы дворцовые и дворян и детей боярских крестьяне и боярские люди многие говорили, что оне с ними готовы, их не отстанут, как де было во псковскую смуту, им также делать, дворян и детей боярских побивать з женами и з детми". Итак под пыткой Печерянин и его товарищи указывали на крестьян, ожидающих весны, чтобы снова начать партизанскую борьбу с дворянами. Воевода повесил Печерянина и нескольких других партизан, а 120 человек бил нещадно кнутом.

Не лучше было и в пригородах, как показывает одно характерное дело, разыгравшееся в Гдове в январе 1651 года. Новгородский воевода Буйносов-Ростовский послал в Гдов Василия Неелова сыскивать имущество, отнятое у дворян Квашниных во время восстания. Приехав в Гдов, Неелов наткнулся на сопротивление. Стрельцы и посадские люди явились к сыщику с топорами и пищалями и хотели его убить „и загилевали было попрежнему". Один из пришедших заявил Неелову: „не знаешь де тово, как по макову зерну разорвем или в тюрму вкинем". Гдовский воевода, испуганный событиями, заявил, что ему до пограбленного имущества дела нет. Буйносов-Ростовский пожаловался на гдовлян в Москву, но оттуда была послана грамота с запрещением до времени вести сыски о „грабленных животах".

К сожалению, сыскные дела о восстаниях 1650 года на этом прерываются. Но и приведенные факты показывают,

какие глубокие корни имело восстание 1650 года[67].

Восстание 1650 г. погибло с того момента, когда Псков был обречен на оборону. Московское правительство торжествовало победу над восставшими псковичами. Однако, причина восстания не была устранена казнями и ссылками „заводчиков“. Через 15 лет в Пскове опять происходят „меж посадцкими людьми великие вражды в их оскорблениях“.

В 1666 г. Псков опять был близок к открытому восстанию. Это обстоятельство лишний раз показывает, какая глубокая и неустранимая для Московского государства XVII в. классовая борьба лежала в основе восстания 1650 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ В ПСКОВЕ В 1650 Г.

В дореволюционное время наиболее полное представление о восстании 1650 г. дал в своей „Истории России с древнейших времен“ С. М. Соловьев (том X). Он пользовался подлинными источниками и дал подробное изложение событий 1650 г. как в Новгороде, так и в Пскове. Изложение Соловьева оказало влияние на все работы, упоминавшие в той или иной степени о псковском восстании. Показывая последовательный ход событий, Соловьев соединял известия разных лиц и разного характера в одно целое, не указывая, однако, происхождения приводимых им сведений. В особенности важное значение историк придавал царским грамотам и другим официальным документам. Соловьев не делал никакого анализа социальных сил, участвовавших в восстании, рассматривая его как своего рода переходящий момент, „бунт“ или „мятеж“. Поэтому, расстановка сил и даже роль непосредственных руководителей восставших остались у него в тени, так же как и внутреннее управление и устройство Пскова во время восстания.

Такое затушевывание классовых черт восстания отразилось на всей позднейшей литературе, где только случайно и коротко упоминается о восстании 1650 г.

В 1897 г. в Чтениях Общества истории и древностей российских К. И. Якубов напечатал сборник документов под названием „Россия и Швеция в первой половине XVII века“, III книга, стр. X + 493; (далее в примечаниях ссылаюсь просто: Якубов). В числе документов были изданы отрывки сыскного дела о восстании в Пскове в 1650 г. (стр. 303—387). Якубов выбрал из дела очень интересные материалы, но некоторые из них издал неполностью, а часть не менее интересных документов пропустил вовсе. Кроме того, вся выборка документов кончалась маем 1650 г., и, таким образом, история восстания в июне —

августе оставалась незатронутой. Такой характер издания объяснялся назначением всей книги, ставившей себе задачей осветить сношения России и Швеции в XVII в. Восстание 1650 г. было интересно Якубову только по связи его с иностранными сношениями Московского государства.

Из работ, основанных на непосредственном изучении источников, я отмечу свою книжку (М. Н. Тихомиров. Псковский мятеж 1650 г., изд-во Практические знания, 1919 г.). Работа была написана на изучении архивного материала, но носила наполовину популярный характер. Кроме того, в этой книжке автор уделял больше внимания изложению внешних событий, не вскрывая в достаточной мере социальный характер восстания. Само название книги „мятеж" и ряд суждений о характере восстания должны быть в настоящее время отвергнуты. В особенности было неправильно представление о малом развитии партизанского движения и причинах компромисса между Псковом и московским правительством. Впрочем, эту книжку постигла своеобразная судьба. Издание погибло почти целиком, за исключением немногих экземпляров в библиотеках и у частных лиц.

Сведения о восстании 1650 г. имеются еще у Олеария и митрополита Евгения Болховитинова в „Истории княжества Псковского". Рассказ Олеария (глава 15) носит явные черты какой-то официальной версии, однако, изобилует ошибками и ничего существенного не вносит. Так, он говорит, что депутаты, посланные в Новгород псковичами, велели заковать воеводу в цепи и отослать в Москву к великому князю, тогда как Хилков даже не был арестован. Логин Нумменс назван просто богатым купцом; посольство, отправленное в Москву, будто бы состояло из купца, стрельца и казака и т. д.

Очень странное известие о восстании находим в „Истории княжества Псковского" (ч. I, стр. 285—287). Архиепископ в нем почему-то назван Левкием, который покинул псковскую архиепископию до 1650 г., когда был поставлен в Пскове Макарий. Рядом с этим мы встречаем вполне согласные с действительностью показания о казни 10 дворян 12 июля и пр. Наиболее важное место в этом рассказе — „о самозванце". „В то же самое время пришло во Псков из Польши письмо, писанное там от появившегося там нового самозванца Лжедмитрия, который объявил себя псковичам единственным законным наследником российского престола, увещевал народ упорно защищаться и обещал сам скоро прибыть к ним с сильным войском". Вернее всего запись о восстании попала к Евгению из какой-нибудь церковной заметки, связанной с поминовением убитых дворян, установленным царским правительством. Имя архиепископа было вставлено по догадке, так как в заметке могло просто говориться „архиепископ" без обозначения имени.

Главным источником по истории восстания служат архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве феодально-крепостной эпохи (быв. Московском древлехранилище). Время от начала восстания до конца июня охватывается делом № 24 (Приказные дела старых лет,

№ 24. „Сыскное дело о бытнем бунте во Пскове, марта с 9 число 7158/1650 по 27 июня с. г.“, на 671 л. л.).

ДЕЛО № 24 начинается расспросными речами стрельцов, провожатых Нумменса, от 4 марта, а кончается росписью дворян и детей боярских, расспросами „языков“ под Псковом. Самый ранний документ в деле № 24 помечен не 9 марта, а 27 февраля (отписка Собакина о хлебе на л. л. 15—17), самый поздний 27 июня (царская грамота опочецкому воеводе Татищеву, на л. л. 656—659). Часть документов дела № 24 была напечатана в упомянутой ранее работе Якубова („Россия и Швеция в первой половине XVII в.“).

Непосредственным продолжением дела № 24 являются:

ДЕЛО № 63 (Приказные дела старых лет, № 63. Дело о посылке стрельцов во Псков, где сделался мятеж между людьми) весьма огнем повреждено (на 187 л. л.) Документы в этом деле не выдерживают хронологического порядка. В основном они охватывают июнь и июль 1650 г.; среди них мы встречаем отписку воеводы Львова, рассказывающую о событиях конца марта, но написанную не ранее приезда в Псков епископа Рафаила, т. е. после 19 августа.

ДЕЛО № 64 (Приказные дела старых лет, № 64. Сыскное дело о бывшем в Пскове бунте, без конца и с значительными пропусками) июля с 26 числа 7158/1650 г. (по 14 сент. 7159, на 288 л. л.) почти целиком заключает материал о поездке в Псков епископа Рафаила и выборных и относится по времени к концу июля, августу и началу сентября. Здесь на л. л. 1—13 имеется черновая запись о земском соборе 1650 г.

ДЕЛО № 98 (Приказные дела старых лет, № 98. Сыскное дело о бывшем бунте в Пскове, ноября с 4 по 16 число мая 7159 (1650) г., на 230 л. л.) заключает в себе, главным образом, отписки и делопроизводство воеводы Львова, а также изветы и челобитные, поданные в съезжую избу в сентябре — декабре 1650 г.

Четыре перечисленных выше дела (№ 24, 63, 64 и 98) составляют как бы костяк материалов о восстании, от его начала до его ликвидации. Однако, немаловажное значение имеют и другие дела, сохранившиеся в архивах.

ДЕЛО № 85 (Приказные дела старых лет, № 85. Сыскное дело о бывшей в Пскове смуте, сентября с 21 по 2 ноября 7159 (1650) г., на 201 л. л.) заключает в себе расспросные речи, царские грамоты, отписки и пр. В этом деле помещен сыск об Иване Олферьеве и отписка архиепископа Макария об его аресте.

ДЕЛО № 71 (Приказные дела старых лет, № 71. Дело о признании псковских возмутителей в своем преступлении и о прошении от государя в оном своего прощения, 21 сентября 7159 (1650) г., на 18 листах) заключает в себе чрезвычайно важный материал — расспросные речи разных лиц в псковской всегородной избе. Эти речи были отобраны 21 сентября в Клину у псковских повинных челобитчиков (см. л. 1) епископом Рафаилом „для того, чтобы тех смутных писем оне псковския (!) челобитчики, приехав к Москве, кроме тобя, государя, никому не (объявили)“.

ДЕЛО № 116 (Приказные дела старых лет, № 116. Дело о сыске воров... 7158 (1650) г. без начала, на 36 л. л.) заключает в себе черновой список наказа Волконскому о сыске в Пскове. Другой и тоже черновой список наказа помещен в деле № 24 на л. л. 52—91.

ДЕЛО № 86 (Приказные дела старых лет, № 86. Челобитные разных служилых и других людей Новгородской четверти, просящих о пожаловании за службу, сентября с 25 числа 7159 (1651) г. по 30 августа, т. г., на 374 л. л.) в числе другого материала заключает в себе отписки Ивана Кайсарова о событиях в Сумерской волости (л. л. 10—15).

ДЕЛО № 111 (Приказные дела старых лет, № 111. Выписка о посылке в Псков окольничего князя Ф. Ф. Волконского, на 7 л. л.) дает некоторые сведения о сидении Волконского в Пскове под арестом.

Кроме Приказных дел старых лет (отмеченных далее в примечаниях просто „дело № 24“ или „дело № 86“ и т. д.) интереснейший материал о восстании 1650 г. в Пскове имеется в столбцах Новгородского стола. Из них наибольшее значение имеют № 77, 87, 102, 105. Столбцы заключают в себе, главным образом, челобитные служилых людей о пожаловании за службу, а также отписки Хованского.

Несомненное отношение к восстанию в Пскове имеют № 2 и 3 Шведских дел (1650). Дело № 3 подробно описано мною в статье о новгородском восстании 1650 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1.

1. О земском соборе 1642 г. см. Собрание Госуд. Грамот и Договоров, т. III, стр. 378—400. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПБ, 1906, 4 изд., стр. 126. Слова шведа в 1625 г. см. у Якубова, стр. 281. Письмо Колбецкого см. в Чтениях Общ. ист. и древн. росс., 1894, кн. 2.

2. Ключевский В. О. Курс русской истории, т. III, стр. 423.

3. Главными материалами по истории восстания служат: „Лейденская брошюра“ (Исторический вестник, 1880, I. Бестужев-Рюмин. Московский бунт 23 июня 1648 г.), Летопись о многих мятежах, Новый летописец (Временник Общ. ист. и древн. Росс., т. XVII, стр. 193—194), Олеарий (Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию. Пер. Ловягина, СПБ, 1906 г.), Летописец XVII века, см. Платонов, С. Ф. Статьи по русской истории, СПБ, 1912, т. I (Московские волнения 1648 года), стр. 417—430. Сводка данных о восстании 1648 г. в статье С. В. Бахрушина „Московский мятеж 1648 года“ (Сборник статей в честь М. К. Любавского, Петрогр., 1917). В статье П. П. Смирнова „Челобитные дворян и детей боярских всех городов“ (Чтения в Общ. ист. и древн. Росс., 1915, кн. 3) напечатана челобитная, поданная царю 2 июня 1648 г. На основании этой челобитной П. П. Смирнов говорит, что „уже в самом начале мятежа, в июне 1648 года, между служилыми и торговыми людьми Москвы возникло то „единачество“, которое в октябре и в ноябре месяцах этого года заставляло торговых людей вместе со служилыми бить челом о конфискации и раздаче последним церковных земель, а служилых с торговыми — просить о конфискации к посадам белых слобод и выгонов под городами“. Но сам же П. П. Смирнов признает, что характер челобитной указывает на составление ее в среде служилых людей. Напечатанная челобитная была подана, несомненно, позже 2 июня, так как уже в прошлом говорит о „шатости“ и „великой буре“ в Москве и в других городах (стр. 55), а о черных людях

говорит (стр. 59) в третьем лице. Жалобу приносили, как видно (стр. 59), московское и городовое дворянство, гости и торговые люди (стр. 59). Если уже говорить об „единачестве“, то оно было между дворянами и прожиточными торговыми людьми, напуганными восстанием, которым надо приписать составление этой челобитной. Этим и объясняется сохранность челобитной, не уничтоженной при ее подаче.

ГЛАВА 2.

4. Об уставных грамотах в Пскове см. Полное Собрание Русских Летописей, т. IV, стр. 285, 287, 297, 304 и 305; о договоре с немцами там же, стр. 294. В начале XVII в. Псков получил жалованную грамоту об отмене зазывных грамот — Русская историческая библиотека, том XXXV, № 424.

5. Состав псковских сотен выясняется в следственном деле о псковском воеводе кн. Д. М. Пожарском. (Чтения в Общ. ист. и др. Росс., 1870, кн. I), где перечислены люди, опрошенные в обыске. О том, что люди каждого ремесла в XVI в. жили в Пскове особо, говорит Вундерер (Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве Птгр., 1918, стр. 243).

6. О торговле Пскова дает интересные сведения „Книга царских доходов“ с Пскова, 1631 г. (Документы Псковского музея, № 366). В 1631 г. учинился недобор в таможенных сборах, который был объяснен так: „в прошлых де годех приезжали во Псков из литовских городов: из Вилна и из Полоцка, из Орша и из Могилева, и из Витебска, из Себежа литовские торговые люди с пенькою и с салом и с воском и с суknами и со всякими своими товарами торговали во Пскове на гостине немецком дворе со псковичами, с приезжими торговыми и с иноземцы, с неметцкими людми“. Заставы на рубеже помешали торговле и учинился недобор. Описание дорог в Ливонию см. в Сборнике Моск. архива М. Юстиции, т. VI, стр. 134—140. Очень много о торговле со шведами говорится в наказе русским послам в Швецию в 1649 г. (см. Якубов, стр. 98—139 и далее), о сношениях Емельянова с иноземцами см. там же, стр. 349, см. также Доп. к Актам историч., т. 5, стр. 1—3. О торговле и ценах в Пскове интересные сведения читаем в статье в Псковских губ. ведомостях за 1864 г., № 16 (17 апреля), см. также Сборник Русск. историч. общества, т. 38, стр. 240.

7. О количестве ратного населения и укреплениях Пскова дают понятия росписи, напечатанные в Сборнике Моск. архива М. Юст., т. VI;

роспись 1626—27 года (стр. 22—23), 1633 г. (стр. 40—53), 1644 г. (стр. 87—94), 1655 г. (стр. 124—132) и др. Отзывы очевидца осады Пскова в 1581 г. см. у Милевского. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию, Псков, 1882, стр. 91—92 и пр. О внешнем виде Пскова говорят сочинения иностранцев (см. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве, Птгр., 1918 г., стр. 242—244). Описание псковского посадского двора взято из Документов псковского музея, № 70 (данная 1591 г.).

ГЛАВА 3.

7а. Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 120.

8. О борьбе „меньших" и „лучших" см. Полное собрание Русских летописей, т. IV, стр. 305, 321—328. Об откупах в Пскове дают представление „Книга царских доходов и расходов" в Пскове за 1648 г. (Документы псковского музея, № 367, на 393 л. л., без начала, скорописью 1648 г.), а также Приказные дела старых лет, № 69 (7150) 1642 г. (дело по челобитью Тим. Тарасова). Рост имущества Поганкиных прослеживается по Книгам Псковитина, посадского торгового человека, Сергея Иванова сына Поганкина (списал К. Г. Елентьев, Псков, 1870 г.); издание очень редкое и важное для внутренней истории Пскова в XVII в.; родство Емельянова с Поганкиными и Стояновыми устанавливается по этим книгам (см. № 39). О сыске посадских людей см. Шаховская. Сыск посадских тяглецов и закладчиков (в Журн. М. Нар. Пр., 1914, октябрь). О насильстве Хозиных см. Документы псковского музея, № 103, выпись из дела № 1642 года. Из нее выясняется, что Никита Хозин завладел насильством сенными покосами женского монастыря в Завеличье. Алексей Хозин был убит стрельцами в 1610 г. О держании вина „лучшими" людьми см. Акты археографической экспедиции, т. III, № 143. О посадских людях в Пскове XVI в. см. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. О новом дозоре см. Веселовский, С. Б. Акты писцового дела (Чтения в Общ. ист. и др. Росс., 1916, кн. 3).

9. Количество ратных людей в Пскове и подьячих устанавливается по росписям Пскова (см. прим. 7), а также по Актам приказа Новгородской четверти 1647—48 гг., напеч. в Доп. к акт. истор., т. III, № 36. О промыслах стрельцов находим интересные данные в Приказных делах старых лет, № 50 „Памяти, государевы грамоты и пр. 7146 (1637) года", на 251 л.

10. О положении псковского духовенства см. Акты и приложения к сочинению митрополита Евгения Болховитинова История княжества Псковского, т. 2, № 13 и 15. В псковских документах часто упоминается о церковных приказчиках. Приказчиком церкви Георгия с Болота был посадский человек Федор Сорокоалтынников, часто упоминаемый во время восстания (Документы псковского музея, № 247, договор. запись 1645 года). Во всегородной избе сидел во время восстания Георгиевский с Болота поп Яков, который приставал „ко всякому умыслу и заводу".

11. Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 121.

12. О количестве дворян и детей боярских, приписанных к Пскову, известно по росписям (см. прим. 9). О взаимоотношениях дворян и торговых людей дает понятие дело приказного стола, № 65, Извет гостя Никиты Хозина на Григория Бешенцова.

13. Повесть о разорении Пскова напечатана в виде погодных заметок в Полном собрании русских летописей, т. IV, стр. 321—328. „Сказание о бедах и скорбях" — там же, т. V, стр. 55—66. Об этом сказании как и о других псковских повестях см. у С. Ф. Платонова. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, СПБ, 1913 г., стр. 428—429. Более подробно о „сказании о бедах" Платонов говорит в статье „Московское правительство при первых Романовых", стр. 359—365 (Статьи по русской истории, т. I, СПБ, 1912 г.). Сказание „о смятении и междоусобии" напечатано в Полном собрании русских летописей, т. V, стр. 66—73. Для характеристики Псковских летописей не лишне отметить, что основной список летописи (Архив.), доведенный до 1650 г., принадлежал стольнику В. Н. Собакину, сыну псковского воеводы в 1648—50 гг. Н. С. Собакина. На Василия Собакина и его брата в челобитной жалуются псковичи, говоря, что они позорили жен и дочерей насильством. Летописец переписан был трудами „богоявленского дьячка из Бродов Андрюшки Ильина по реклу Пофы" (т. е. Козы). Другая рукопись того же летописца (Архив. XXV) тоже принадлежала Василию Собакину и имеет надпись „труды Козины". Приписка о Собакине и дьячке Андрюшке Козе находится в Эрмитажн. списке псковской летописи, кончающейся 1645 годом, известием о смерти Михаила Федоровича и царицы Евдокии. Повидимому, здесь кончался первоначальный список псковской летописи, к которому позже были приписаны выписки из дворцовых разрядов. Любопытно отметить, что Василию Собакину принадлежал также список Сказания о Мамаевом побоище (см. у Шамбинаго — сочинение под этим же названием, стр. 190). Житие Никандра напечатано у Серебрянского. „Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле" (Чтения в Общ. ист. и др. Росс., 1908, кн. 3 и 4).

14. О русско-шведских отношениях и переговорах о перебежчиках и населении пограничных с Швецией областей в XVII в. (1634—1648 гг.) см. Голицын, Н. В. К истории русско-шведских отношений (Чтения в в Общ. ист. и др. Росс. 1904, кн. 4), а также у Якубова — из статейного списка послов 1649 г., стр. 157—267, там же и акты о перебежчиках, стр. 268—289, см. также Акты археографической экспедиции, т. III, № 183, 127, 179, 165, и др.

ГЛАВА 4.

15. См. описание псковского восстания в т. X „Истории России с древнейших времен", СПБ — 1911 г., стр. 1540—1541. Царскую грамоту см. у Якубова, стр. 329—334; о ценах на хлеб см. прим. 6; о хлебной спекуляции и вывозе хлеба — расспросные речи Федора Емельянова (Якубов, стр. 308) и отписку Собакина от 24 февраля (дело № 24, л. л. 15—17).

16. О событиях 26—28 февраля и 1 марта дают представление следующие документы: отписка воеводы Собакина от 1 марта (Якубов, стр. 303—306), расспросные речи гонца Мольянинова (Якубов, стр. 306—307), расспросные речи Ф. Емельянова 15 марта (Якубов, стр. 308—310), расспросные речи Копылова от 18 марта (Якубов, стр. 313—314), отписка архиепископа Макария от 8 марта (Якубов, стр. 320—323), показания стрельцов провожатых Нумменса от 4 марта (дело № 24, л. л. 3—13), расспросные речи А. Ордын-Нащокина от 13 марта (дело № 24, л. л. 20—28), отписка воеводы Собакина от 27 февраля (там же, л. л. 30—32).

17. О руководящей группе восставших см. у Якубова, стр. 314 и 316, см. также расспросные речи челобитчиков от 21 марта (у Якубова, стр. 315—318).

ГЛАВА 5.

18. О настроениях в кругах московского правительства дают представление донесения де-Родеса (Чтения в Общ. ист. и др. Росс., 1915 г., кн. 2) и К. Поммеринга (у Якубова, стр. 468—474).

19. Наказ о сыске Волконского в черновиках сохранился в деле № 24, л. л. 52—91, а также в деле № 116. Эти черновики показывают, как тщательно велась работа над наказом. Царские грамоты во Псков имеются в деле № 24, л. л. 92—132. Они составлены отдельно архиепископу Макарию, дворянам, казакам, воеводе. О стрельцах в наказе говорится: Волконскому „имати с собой старого приказу стрельцов, в которых воровского заводу не чаят" (Дело № 116, л. 31).

20. Отписка архиепископа Макария об его аресте см. в деле № 85, л. л. 94—101. Отписка была написана после усмирения Пскова и получена в Москве 30 сентября 1650 г.

21. Названная работа предполагается к напечатанию в „Исторических сборниках" Исторической комиссии Академии Наук СССР. Изложение новгородских событий дано у Соловьева С. М. История России с древнейших времен, т. X, стр. 1540—1551.

22. 23 марта староста Гаврила Демидов делал допросы в земской избе (см. дело № 71, л. 3). Отписку воеводы Львова о принятии Пскова см. в деле № 24, л. 186; отписка Собакина о том же у Якубова, стр. 319—320. Об отобрании ключей у воеводы см. Якубова, стр. 323—324, 325—329, 335—339 и 367—369. Об этом есть и отписка воеводы Львова (дело № 63, л. 5—8), но она составлена после приезда епископа Рафаила в Псков.

23. О приезде и аресте Волконского см. у Якубова, стр. 323—324, 325—329 и 335—339, 367—369, а также дело № 111. В Хронографе библиотеки ГАФКЭ в Москве говорится: „околничей же и дьяк приехали во Псков в день Похвалы пречистыя богородицы на первом часу и внидоша в соборную церковь Живоначальные троицы с государевым повелением и хотя им псковичем государев указ объявити и прямой сыск учинити. Они ж окаянии научени быша вражиим советом, не хотя и слышати государеву указу и не хотя сыску... приидоша со оружием и дрекольем, околничева... биша каждо чем и многия кровавые раны ему даша".

24. О сношениях Пскова с Новгородом см. Шведские дела, дело № 3, л. 327 (расспросные речи Негодяева) и л. 287 (отписка митрополита Никона); подробнее—мою статью о Новгородском восстании. Отписку воеводы Хилкова от 12 марта о намерениях псковичей см. в деле № 24, л. 141; о стрельце Щербакове — у Якубова, стр. 333—334.

ГЛАВА 6.

25. Грамота Волконскому с приказом ехать в Псков попрежнему — см. в деле № 24, л. 165, рассказ Сназина в Шведских делах, дело № 3, л. л. 601—602, об Андрее Сонине см. в деле № 24, л. л. 508—518 (расспросные речи Лутвенева, Никиты Клетки, Андрея Сонина от 18 мая). Важные сведения о внутреннем положении в Пскове встречаем в расспросных речах Селиванова и Лебедева от 15 мая (дело № 24, л. л. 484—495).

26. О составлении псковской челобитной см. у Якубова, стр. 338—339, расспросные речи в земской избе, см. в деле № 71; об авторстве Томилы Слепого у Якубова, стр. 372, 373.

27. Большая псковская челобитная напечатана у Якубова, стр. 341—366, но без рукоприкладств на обороте челобитной. Вначале идут рукоприкладства духовных лиц, игуменов и попов, далее рукоприкладства следуют в беспорядке. Очень много подписей дворян, но есть подписи и отдельных посадских людей, стрельцов и воротников. Материал рукоприкладств интересен сам по себе для характеристики довольно высокой грамотности псковичей. Расспросные речи Григория Воронцова-Вельяминова см. у Якубова, стр. 366—369.

28. Грамота царя Михаила Федоровича об отмене зазывных грамот напечатана в Русской исторической библиотеке, т. XXXV, № 424. Дворянские челобитья и челобитная 1648 г. у П. П. Смирнова. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. (в Чтениях Общ. ист. и др. Росс., 1915, кн. 3). Отзыв Поммеринга у Якубова, стр. 474.

29. О составе челобитчиков см. у Якубова, стр. 366—369, а также отписку Артамона Матвеева от 9 мая (дело № 24, л. л. 321—323), который встретил челобитчиков у Твери. Псковичи подали еще челобитную на Федора Емельянова, привезенную с отпиской воеводы Львова Воронцовым-Вельяминовым (дело № 24, л. л. 346—349). На челобитной рукоприкладства попов, сотенных и стрелецких дьячков. Челобитчики говорят, что Федор Емельянов на них поклепал, говоря о грабеже, и что золотая казна цела, хранится у московского торгового человека Якова Чюваева, а имущество Емельянова в палате у Троицы. Емельянов „недобрый человек, вор и изменник, преж сего тебе, государю, изменил с немецкими ж свитцкими людьми, подо Псковом войною на осад был". В деле № 24, л. л. 343—345 — расспросные речи жены Емельянова, Прасковьи, данные ею всегородным старостам, что у ней ничего не грабили. О времени отъезда челобитчиков см. в деле № 24, л. л. 350—351. О казаке Мокее — у Якубова, стр. 375 и дело № 24, л. 493.

ГЛАВА 7.

30. Расспросные речи Григория Воронцова-Вельяминова — у Якубова, стр. 366—369, челобитная его же о назначении в полк к Хованскому (дело № 24, л. 439), челобитная Снякина в столбцах Новгородского стола, № 102, л. л. 128—130, челобитная Фед. Коновалова — там же, л. 131; переписка о чернеце Пахомии — дело № 24, л. л. 473—480. В царской грамоте Ивану Морозову говорится: „вы б послали наскоро на заводных подводах, ково доведетца", а Иван Чиховьев пишет Волошенинову, „чтоб тово чернеца до Пскова не допустить, а челобитчиков бы не ожесточить".

31. Царская грамота напечатана в отрывках у Якубова, стр. 369—376, полностью находится в деле № 24, л. л. 392—435.

32. О посылке воевод под Псков см. Дворцовые разряды, т. 3, стр. 164 и 179, переписку о военных силах, посылаемых во Псков, — в деле № 24, на л. л. 568—578, царская грамота от 10 июня. Между прочим, в ней есть такое место: „а которых воров учнут имати проходцов и лазутчиков с воровскими письмы, и вы б тех воров велели пытать и отсылать в городы, которые ближе и в которых городах шатости нет". О „больших воеводах" также см. в деле № 24, л. л. 583—584 (письмо Ивана Чиховьева думному дьяку Волошенинову).

33. О подготовке борьбы с князем Хованским см. расспросные речи Селиванова и Лебедева от 15 мая (дело № 24, л. л. 484—495): „а от города де псковичи вдаль ездят, и по Загородью, человек по пяти и по шти; не ходят, а блюдутца, чтобы не взял" (Хованский). Об инициативе Демидова на вылазках см. там же, л. л. 604—605, расспросные речи Исая Карпова и Ивана Антипова от 31 мая — л. л. 601, 604, роспись людям, побитым под Псковом — л. л. 616—621. О военных действиях под Псковом в конце мая и в июне см. отписки Хованского и распросные речи у Якубова, стр. 376—384 и 386—387, а также дело № 24, л. 595, 627, л. л. 601—605 (расспросные речи языков, взятых под Псковом). Василий Иванов 29 мая показал: „во Пскове де во всяком воровском заводе всегородные старосты Гаврилко Демидов, Мишка Мошницын, да стрелец Прокофейко Коза. Оне ис пушек по государевым людям велели стрелять и на вылоску выходить" (дело № 24, л. 601), см. также дело № 24, л. л. 608—615 (расспросные речи выходцев из Пскова). Челобитная воеводы Хованского о потерянном имуществе под Псковом, см. дело № 24, л. л. 632—633.

ГЛАВА 8.

34. О мирском сходе см. показания Андрея Сонина: „собрались многие люди по городу и к воротам; и в городе по улицам... и выведчи из всегородной избы на площадь и поставили на тшане перед всеми людьми; и просили государевых грамот и речь, что с ним приказано от государя, велели говорить“ (дело № 24, л. л. 514—515). О колоколе воевода Львов говорит в отписке: „а сплошной колокол с Рыбницкой башни велели снять и поставить в зелейную палату“ (дело № 98, л. л. 3—4, отрывок отписки без даты, но не раньше сентября 1650 года). Челобитная казака Снякина в столбцах Новгородского стола, № 102, л. л. 128—130, об отписке архиепископа Макария см. прим. 20.

35. Память людям Стрешнева — в деле № 24, л. 287. Расспросные речи во всегородной избе — дело № 71, о чтении царских грамот в земской избе и расспросных речах Селиванова (дело № 24, л. л. 484—489), о „воровских печатях“ в отписке Рафаила (№ 71, л. 1).

36. О старосте Семене Меньшикове см. у Якубова, стр. 314. „Хлебником“ Гаврилу Демидова называет челобитная стрелецкого головы С. Чалеева (дело № 98, л. л. 55—56), рукоприкладство Демидова на обороте большой псковской челобитной (дело № 24, л. 380 об.). Чалеев говорит: „мятеж учинился от Гаврилки хлебника“.

37. О представительстве „чинов“ говорят показания стрельцов (дело № 24, л. л. 4, 6 и 11), расспросные речи Лугвенева о том же (дело № 24, л. л. 510—511), речи Воронцова-Вельяминова см. Якубов, стр. 366—369. Челобитная Чиркина в столбцах Новгородского стола, № 105, л. 144. На обороте ее помета: „16 генваря в 14 день государь пожаловал, велел им служить по списку, ему Ивану городовую службу, и в список их в Розряде справить, а в поместье отказать“. Чиркин говорил в челобитной, что его брата с женой и сыном убили, а племяннику голову отсекли. Отписка митрополита Никона от 1 августа в деле № 64, л. л. 118—120. Царская грамота с перечислением „заводчиков“ — в Доп. к Актам истор., т. III, № 74. Расспросные речи Ивановых от 16 июня — в деле № 63, л. л. 46—51.

ГЛАВА 9.

38. О подготовке к обороне Пскова подробнее всего говорят расспросные речи Лугвенева, Клетки и Сонина от 18 мая (дело № 24, л. л. 508—517), Харламова и других от 26 мая (там же, л. л. 559—562), Алексеева и Венгрусова от 31 мая (там же, л. л. 608—614), Лебе-

дева от 15 мая (там же, л. л. 490—495) и отписка Татищева от начала июня (там же, л. л. 642—645). Отписку Хованского о бое 18 июня см. у Якубова, стр. 386.

39. Отписка Татищева от 29 апреля в деле № 24, л. л. 361—363. Татищев посылает новую челобитную (без стрельцов) опочан (там же, л. л. 364). На обороте рукоприкладства попов, казаков, 1 воротника и 1 посадского человека Татищев пишет (л. 363): „присылают из всегородной избы, а в отписках и в наказных памятех пишут имя окольничево и воеводы и дьяка и печатают твоею государевою псковскою печатью“. Вторая челобитная опочан, написанная в мае или в начале июня — у Якубова, стр. 384—385, третья — в деле № 24, л. л. 651—653, отписка Татищева об этих челобитных (дело № 24, л. л. 642—645), царская грамота с похвалой Татищеву от 27 июня — дело № 24, л. л. 656—659. О бое опочецких стрельцов говорит челобитная Ник. Бухвостова (Новгородский стол, дело № 77, л. 113), память Татищева Секирину (Новгородский стол № 102, л. 224). В феврале 1651 г. Татищев сообщал, что „воры“ посадские люди Гришка Логинов и брат его Лазарка посажены в тюрьму (дело № 98, л. л. 173—174).

40. О воеводе Крекшине см. расспросные речи Деденева, дело № 24, л. л. 532—533. Царская грамота с приказом вызвать Крекшина от 4 июня — дело № 24, л. л. 536—539. Челобитная Крекшина в выдержках в Сборнике Моск. архива М. Юстиции, т. VI, стр. 334—335. Об Острове говорит память воеводы Никифора Собакина от 9 октября 1650 г. — Новгородский стол, № 102, л. л. 165—166 и л. 160 — челобитная дворян. О Печерском монастыре в расспросных речах Лебедева см. примеч. 38 и Пивоварова от 12 июля (дело № 64, л. 84). Отписка Хованского об Изборске — дело № 63, л. л. 125—126. Об изборянах см. там же, л. л. 125—126.

41. Отписка Елагина от 24 мая в деле № 24, л. л. 469—472. О положении в Сумерской волости говорят отписки Кайсарова (дело № 86, л. л. 10—15), о переговорах псковичей с сумерскими солдатами — дело № 24, л. л. 195—201 — расспросные речи Мисюрева от 3 апреля, дело № 64, л. л. 82—86 и № 63, л. л. 119—124, расспросные речи Ульяна Фадеева от 5 июля).

ГЛАВА 10.

42. О бегстве Федора Емельянова см. у Якубова, стр. 308—310. О Семене Большаке в расспросных речах Селиванова от 15 мая (дело № 24, л. 487).

43. Расспросные речи Пивоварова от 12 июля в деле № 64, л. л. 82—86, расспросные речи Ульяна Фадеева, дело № 63, л. 124 и многие другие, см. прим. 38.

44. О положении в Островском уезде см. Новгородский стол, № 102, л. 160. Об Ново-Усицкой волости и положении под Псковом говорит отписка Хованского от начала июля, см. дела: № 63, л. л. 133—135 и 145—147 и № 64, л. л. 89—91. Челобитная дворян о разорении их поместий напечатана в Сборнике Арх. Мин. Юстиции, том VI, стр. 95—99. Другая дворянская челобитная, поданная 21 августа — Новгородский стол, № 87, л. л. 6—7. В этом деле находятся и другие дворянские челобитные, рисующие разорение от действия партизан; см. также дела: № 24, л. л. 608—610 и № 63, л. л. 119—124.

45. Расспросные речи Марчка Половинкина и Якима Аристова от 16 августа в деле № 64, л. л. 167—173. В сентябре пойманные партизаны показали: „как во Пскове было смятение и к ним де пришли изо Пскова псковские стрельцы человек с пятьдесят и велели им по селам и по деревням и по дорогам воровать и в шишах ходить" (дело № 85, л. л. 1—5).

46. О событиях в Порховском уезде — см. дело № 64, л. л. 126—133 (отписка Буйносова-Ростовского от начала августа) и дело № 86, л. 27 (челобитная целовальников порховского кабака, поданная 21 октября). Буйносов-Ростовский говорит: „а в Порхов де збежались... дворян и детей боярских матери и жены и дети, а в Порхове де служилых людей никово нет, стрельцов было всего сорок человек и тех де взял половину в полки подо Псков (Хованский, дело № 64, л. л. 129—130). См. там же, № 64, л. л. 118—120 (отписка Никона от начала августа), Новгородский стол, № 77, л. л. 1—14, 63, 80, № 115, л. л. 38—39, 40—41.

ГЛАВА 11.

47. О Никифоре Снякине и Федоре Коновале см. прим. 30 и в Новгородском столе, № 102, л. л. 128—130, о повинной челобитной в расспросных речах Артамона Семенова от 2 июня, дело № 24, л. л. 611—614: „а которые добрые люди есть в казаках и в стрельцах и в посадцких людех и те люди от воров отстали и есть де у них ко государю повинная челобитная за руками, и та заручная челобитная у псковского подьячего у Сидорка Микитина и только города не запрут и тот подьячий Сидорка с тою челобитной к боярину ко князю

Ивану Никитичу быть хотел". Челобитная Захара Осипова в деле № 93, л. л. 194—199. О Полонишком приказе см. в деле № 24, л. л. 518—521 (отписка Хованского от 26 мая и на ней помета). Царская грамота о Демидове от 6 июля — дело № 63, л. л. 53—55.

48. О Захаре Осипове см. прим. 47, расспросные речи Ульяна Фадеева (дело № 63, л. л. 119—124), расспросные речи человека Нащокина (дело № 24, л. 601), дело о подьячем Григории Артамонове, № 98, л. л. 209—230.

49. Об угрозах Демидова, дело № 64, л. л. 107—108 (расспросные речи Кузьминых). О бое 12 июля в отписке Хованского, дело № 64, л. л. 77—80. О сиденьи в палате дворян есть много челобитных, в которых говорится о положении дворян в Пскове в эпоху восстания. Голова Степан Чалеев говорит, что его „кинули в палату, где сидели твои государевы окольничьи" (дело № 98, л. л. 55—56). Вдова Макара Северова говорит: „меня бедную з детишками взяли в земскую избу и на поимке меня били и хотели меня казнить смертною казнью, а домишко наше сиротье разграбили и разорили до основания (дело № 98, л. л. 76—82). В деле № 111 говорится, что Волконский с дьяком Дохтуровым и „подьячие, которые с ними были присланы, сидели за приставы на Запсковье на Омельянкове дворе Иванова" (л. 2); см. еще Новгородский стол, № 87, л. 12 (челобитная Ивана Зубатого), Новгородский стол № 77, л. 42 (челобитная Волошенина — „на пытках и на встрясках был и в тюрьме сидел девять недель"), там же, л. 115 (челобитная Богдана Скрипицина — „мне... было восемдесят ударов кнутом да две встряски"), там же, л. л. 40—41. Фамилии убитых дворян в расспросных речах Соболевых от 6 августа, дело № 64, л. л. 106—107, также в Сборнике арх. м. ю., т. VI, стр. 101 (но здесь показаны все дворяне убитые под Псковом в разное время). Челобитная вдовы Вельяминова — см. Новгородский стол, № 102, л. 109.

50. Расспросные речи Фадеева и челобитная Осипова см. прим. 48. Расспросные речи во всегородной избе, дело № 71. Митрополит Евгений Болховитинов. История княжества Псковского, ч. I, стр. 285—287. Расспросные речи Конюховского у Соловьева. История России с древнейших времен, т. X, стр. 1645—1648.

ГЛАВА 12.

51. В памяти сказано, что Сильвестр и черниговский протопоп Михаил „посланы для государева дела наскоро, велети отпустить тотчас" (дело № 24, л. 585). Отписка патриарха царю в Сборнике арх. м. юстиции, т. VI стр. 94—95. Положение в Москве освещено в статье

Форстена — Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII века, напечатанной в Ж. м. нар. пр. Донесения де-Родеса в Чтениях Общ. ист. и др. Росс., 1915 г., 2 кн. О спорах с объездчиками и сказках черных людей и стрельцов см. Разряд, Приказный стол, № 272, л. 183, л. л. 207—215.

52. Царская и патриаршая грамоты о епископе Рафаиле и выборных от 4 июля, в деле № 63, л. л. 12—24 и 24—28. Такая же грамота напечатана в Доп. к Актам истор., т. III № 74. Черновая запись о соборе 6 июля в деле № 64, л. л. 1—13. Выпись говорит о псковских событиях со слов псковских выходцев, главным образом со слов Ульяна Фадеева и Саввы Сенина (дело № 63, л. л. 151—154) и епископа Рафаила из села Медного (дело № 63, л. л. 151—154); царская грамота от 26 июля — дело № 64, л. л. 15—24. В царской грамоте Рафаилу от 1 августа говорится: „а будет почаете того, что тех прежних грамот и наказ для опасенья от воров провести немочно, и вы б то все сожгли или изодрали" (дело № 64, л. 49). 2 августа был отослан новый наказ без имен заводчиков и с обещанием, что Хованский отойдет от Пскова (дело № 64, л. л. 31—48). Царские грамоты — в Доп. к Актам истор., т. III, № 74.

53. Ссылку на Соборное Уложение встречаем уже в наказе Волконскому, на него же ссылается царская грамота с ответом псковичам (дело № 24, л. 401, у Якубова пропущено). О епископе Рафаиле у Строева — Списки русских иерархов, СПБ, 1877; подписи на Уложении в издании — Уложение государя царя и вел. князя Алексея Михайловича, 1913 г.; о кандидатуре Селивестра в Чтениях Общ. ист. и др. Росс., 1905, кн. 3, смесь, стр. 25; об Олферьеве, Рчинове и Еропкине см. Дворцовые разряды, т. III, стр. 152, 169, 372, 384, 482, 489 и пр. Об откупах Филиппом Савельевым рыбной ловли см. в Приказных делах старых лет, № 69, л. л. 4—5.

ГЛАВА 13.

54. Отписку архиепископа Макария см. в деле № 85, л. л. 94—101. О раздаче хлеба и конфискациях у дворян — дело № 63, л. л. 119—124 (расспросные речи Ульяна Фадеева) и дело № 98, л. л. 200—202, челобитная псковских дворян; см. также прим. 49. Слова Федора Сорокоалтынова в извете Бородина (дело № 98, л. л. 150—151), сказаны слова были „в то число, которово дни покойново псковсково помещика Афанасия Вельяминова пытали".

55. Расспросные речи Марчки (дело № 64, л. л. 166—173), расспросные речи Антона Максимова от 11 августа (дело № 64, л. л. 180—181).

56. О спорах стрельцов см. отписку Хованского от 18 августа в деле № 64, л. л. 194—199.

57. О составе нового правительства земской избы говорится в расспросных речах Панкрата Сухарева от 31 августа (дело № 64, л. л. 238—243). О Неволе Сидорове см. дело № 24, л. л. 20—28, расспросные речи Ордын-Нащокина; о Мих. Русинове у Якубова, стр. 367. О службе Ордын-Нащокина см. в отписке Хованского половины августа (дело № 64, л. л. 190—193).

58. О тяжелом положении правительственных войск говорится в отписке Хованского (дело № 64, л. л. 89—91), а также в отписках Никона (там же, л. л. 118—120) и Буйносова-Ростовского (там же, л. л. 144—154). Об изветах в Орле, Царево-Алексееве, Переяславле Рязанском см. в упомянутом деле № 272 (Разряд, Приказный стол).
в упомянутом деле № 272 (Разряд, Приказный стол).

ГЛАВА 14.

59. О действиях епископа Рафаила и выборных дают представление отписка Рафаила (дело № 64 л. л. 121—125), отписка Буйносова-Ростовского, о пребывании епископа Рафаила в Новгороде (дело № 64, л. л. 126—138), о прибытии олонецких солдат (отписка Буйносова-Ростовского, там же, л. л. 144—154), расспросные речи Якова Кософовского от 17 августа (там же, л. л. 174—176). В особенности важное значение имеет отписка епископа Рафаила от 24 августа (там же, л. л. 222—237), а также расспросные речи Панкрата Сухарева от 31 августа (там же, л. л. 238—243) и расспросные речи извозчиков, возивших Рафаила в Псков от 24 августа (там же, л. л. 212—217).

60. Донесение Львова об отправке духовенства в пригороды для приведения к присяге — см. отписки Львова от 21 августа, дело № 64, л. л. 207—209 и от 23 августа, там же, л. л. 255—258.

61. Недовольство Хованского выражается в четырех отписках от 18—19 августа (дело № 64, л. л. 186—201). Хованский задним числом высказывал свое „раденье“ государю, позабыв о более ранних плачевных отписках.

ГЛАВА 15.

62. Отписка епископа Рафаила о приведении ко кресту и роспись челобитчиков от 31 августа (дело № 85, л. л. 281—282).

63. О деле Олферьева см. отписку Львова и сыск (№ 85, л. л. 37—87), о праздновании 1 октября — там же и запись в Дворцовых разрядах, о соборе в октябре там же, л. л. 135—141. Царская грамота о „милости“ в Псков „отдана старосте Онкудину Гдовленину при Алмазе“ (т. е. при дьяке Алмазе Иванове) — там же, л. л. 142—144.

64. О режиме в Пскове после восстания дает понятие дело № 98. Здесь находятся отписки Львова от начала ноября (л. л. 26—27), от 4 ноября о Гавриле Демидове (л. л. 37—39), от половины ноября (л. 40). Извет на Хавроньицу от 5 ноября — там же, л. л. 99—103, о Тряси-Соломе — л. 169.

65. Об аресте Гаврилы Демидова с товарищами говорит царская грамота от 4 ноября (дело № 98, л. л. 1—7), грамота Буйносову-Ростовскому о том же (там же, л. л. 12—13), отписка Львова от 9 ноября (там же, л. л. 41—43), отписка Львова от 21 ноября о проводах вождей восстания и роспись посланным в Новгород (там же, л. л. 86—89), отписка Львова о Томиле Слепом от 21 ноября (там же, л. л. 83—85).

66. О деле Бородина см. отписку воеводы Львова от 2 декабря (дело № 98, л. л. 109—111). Письмо Дружины Бородина к псковичам — там же, л. л. 112—113, о наказании Бородина см. царскую грамоту от 30 декабря — там же, л. л. 114—116. О наказаниях других участников восстания — в Шведских делах (дело № 3, л. 835).

67. О партизанском движении см. царскую грамоту от 4 ноября (дело № 98, л. л. 1—7) и отписку Буйносова-Ростовского от 29 октября, а также расспросные речи Андрея Окунева (там же, л. л. 14—18). О событиях в Гдове — Швед. Дела, № 3, л. л. 783—787.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

1. Одежда знатного московита (иностранная гравюра XVII в.)
2 Крыльцо XVII в. в Пскове (б. дом Сутоцкого)
3. Схема псковской крепости в 1650 г.
4. Псков 1581 г. (по изображению на иконе XVII в.)
5. Поганкины палаты в Пскове (вид со двора)
6. Поганкины палаты (вид с улицы)
7. Стрелец (по альбому Майерберга, посетившего Московское государство в 1661 г.)
8 Ратный человек (по альбому Майерберга)
9. Псковский дом XVII в. (б. Ланина)
10. Иностранная монета, клейменная московским гербом (по альбому Майерберга)
11. Торговый человек — гость (по альбому Майерберга)
12. Псков в 1661 г. (по альбому Майерберга, левая половина рисунка)
13. Псков в 1661 г. (по альбому Майерберга, правая половина рисунка)
14. Торговый человек (по альбому Майерберга)
15. Боярин (по альбому Майерберга)
16. Подача челобитной (по альбому Майерберга)
17. Одежда ратного человека в Московском государстве (по иностранной гравюре XVII в.)
18. Боярин (по альбому Майерберга)
19. Боярский слуга (по альбому Майерберга)
20. Довмонтова башня в псковском Кроме (поблизости от нее собирался „мирской“ сход в 1650 г.)
21. Вооружение служивого человека (по иностранной гравюре XVII в.)
22. Гремячья башня в Пскове
23. Печерский монастырь в XVII в. (по альбому Майерберга)
24. Стена Печерского монастыря
25. Деревня Кляпово на дороге из Пскова в Новгород (по альбому Майерберга)
26. Сценка в боярской деревне (по альбому Майерберга, объяснений к рисунку нет)
27. Боярский слуга (по альбому Майерберга)
28. Крыльцо дома XVII в. в Пскове
29. Село Медное в XVII в. (по альбому Майерберга)
30. Схема осады Пскова в 1650 г.
31. Патриарх Никон (ранее новгородский митрополит) в домашней одежде (по альбому Майерберга)
32. Село Дубровно в XVII в. (по альбому Майерберга)
33. Одежда московского боярина (по иностранной гравюре XVII в.)
34. Подземелье в псковском доме XVII в.

Заставка на стр. 3 взята из рукописи 1649 г. Щукинского собрания Государственного исторического музея в Москве, остальные заставки и концовки из старопечатных книг XVII в.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава 1.

Стр.

Московское государство в половине XVII века и восстание 1648 г. в Москве. 3

Общественное недовольство в Московском государстве в половине XVII века. Произвол сильных людей. Царь Алексей Михайлович. Правительство боярина Б. И. Морозова. Борьба дворцовых партий. Московское восстание 1648 года и его классовый характер. Участие в восстании посадских людей и стрельцов. Восстание в других городах Московского государства.

Глава 2.

Псков в первой половине XVII века. 9

Пережитки псковской вольности в XVI и первой половине XVII века. Органы самоуправления. Всегородная изба. Сотни, производственный облик псковских сотен. Торговля с Литвой и Ливонией. Дружественные отношения псковских торговых людей с иноземцами. Многолюдство псковского посада. Количество ратных людей в Пскове. Административное значение Пскова. Городские укрепления. Территориальное деление Пскова. Внешний вид города.

Глава 3.

Классовая борьба в Пскове в первой половине XVII века 23

Классовая борьба в Пскове в начале XVII века. Социальное деление псковского общества в первой половине XVII века. Псковский посад. Классовое расслоение посадских людей. Откупа. Обогащение немногих. Рост богатства псковского торгового человека на примере Сергея Поганкина. Торговый человек Федор Емельянов. Стрельцы, казаки, пушкари, воротники. Близость интересов посадских людей и стрельцов. Расслоение среди ратных людей. Приказные люди. Площадные подьячие. Духовенство. Различные группы духовенства. Близость интересов посадских людей и приходских попов. Дворяне и дети боярские. Классовое расслоение псковского общества в половине XVII века. Отражение классовой борьбы в псковских литературных памятниках этого времени. Повесть о разорении Пскова в I Псковской летописи. Сказание о бедах и скорбех. Погодные заметки XVII века в Псковской летописи. Повесть о смятении. Непосредственные поводы к восстанию 1650 года.

Глава 4. *Стр.*

Начало восстания в Пскове 44

Царские грамоты о причинах Псковского восстания. Повод для восстания, принимаемый за причину. Хлебная спекуляция Емельянова в конце февраля. Делегация от Пскова у архиепископа Макария. Настроение широких масс псковичей. События 28 февраля. Приезд Нумменса. Разграбление двора Федора Емельянова. Допрос Нумменса 1 марта. Положение в Пскове в начале марта. Резкое классовое расслоение среди псковичей. Борьба „лучших" и „молодших". Выделение руководящей группы среди восставших. Внешняя пассивность сторонников московского правительства. Тайная организация контрреволюционных сил под руководством Афан. Лавр. Ордын-Нащокина. Первые псковские челобитные и их случайный характер.

Глава 5.

Одновременное восстание в Пскове и в Новгороде 59

Первые вести о Псковском восстании, полученные в Москве. Назначение князя Волконского для производства сыска в Пскове. Наказ о сыске. Восстание в Новгороде и отклики его в Пскове. Выступление восставших против архиепископа Макария. Новые всегородные старосты. Гаврило Демидов. Ликвидация воеводской власти и передача городовых ключей во всегородную избу. Провал сыска Волконского. Сношения между Псковом и Новгородом.

Глава 6.

Большая псковская челобитная 68

Карательный отряд князя Ив. Ник. Хованского. Падение Новгорода и отклики его в Пскове. Прием, оказанный в Пскове гонцам Никона и Хованского. Большая псковская челобитная. Время составления челобитной. Предполагаемый автор челобитной. Содержание челобитной. Требования псковичей. Рукоприкладства на челобитной. Отрицательное отношение к челобитной со стороны псковских дворян и детей боярских. Челобитная отразила интересы стрельцов и посадских людей. Требования об отмене зазывных грамот, береговой службы и о совместном суде воевод и земских старост. Отъезд челобитчиков. Тайный гонец от Пскова к боярину Романову.

Глава 7.

Поход Хованского на Псков 79

Приезд псковских челобитчиков в царское местопребывание, село Покровское. Измена челобитчиков восставшим. Дело чернеца Пахомия. Царская грамота с ответом на псковскую челобитную. Предполагаемый поход больших воевод князя Трубецкого с товарищами под Псков. Причины по которым этот поход не состоялся. Сыск Хованского в Новгороде. Начало похода Хованского против Пскова. Судьба дворян, посланных

Стр.

Хованским в Псков. Первые бои и неудачи Хованского под Псковом. Расположение войск Хованского. Тяжелое положение его отряда. Начало партизанского движения в Псковском уезде.

Глава 8.

Внутреннее устройство Пскова в период восстания 88

Мирской сход, или „мир“, как высший административно-политический орган Пскова в эпоху восстания. Место собраний мирского схода. Всполошный колокол. Многочисленность участников схода. Дощаны, заменявшие помост для ораторов. Характерные особенности мирского схода. Всегородная или земская изба. Компетенция всегородной избы. Отрывки делопроизводства земской избы. Земские старосты. Всегородный староста Гаврило Демидов. Выборные от духовенства. Стрельцы и посадские люди, как основной кадр правительства всегородной избы. „Заводчики“ восстания. Внутреннее устройство Пскова в период восстания и сходство его со средневековым Псковом.

Глава 9.

Восстание в псковских пригородах 99

Организация обороны Пскова и деятельность всегородной избы. Починка псковских укреплений. Прибор новых людей на убылые места. Подсчет хлебных запасов. Неуспешные попытки Хованского взять Псков вооруженной рукой. Восстание в пригородах. События в Опочке. Верность Опочки московскому правительству. Восстание в Гдове, Острове, Изборске и в Печерском монастыре. Отголоски восстания на Олонце. Волнения среди сумерских солдат.

Глава 10.

Крестьянское движение в Псковской и Новгородской земле. . . . 113

Настроения крестьян в начале восстания. Толчок к партизанскому движению из Пскова. Начало партизанских действий в Псковском уезде Борьба партизан с людьми Хованского. Дворянские челобитные о разорении их усадеб и поместий. Рассказ пойманного „шиша“ Марчки о действиях партизан. Крестьянские волнения в Порховском уезде, в Шелонской и Вотской пятинах. Вести о разграблении помещичьих усадеб из Великих Лук. Обширные размеры территории, вошедшей в сферу восстания.

Глава 11.

Внутренняя борьба в Пскове 12

Надежды Хованского на раскол среди псковичей. Контрреволюционные силы: дворяне, духовенство, стрелецкая аристократия и „лучшие“ посадские люди. Попытки „лучших“ людей написать повинную челобитную. Колебания старых стрельцов Полоницкого приказа. Попытки московского правитель-

Стр.

ства переманить на свою сторону Гаврилу Демидова. Тайные агенты Хованского во всегородной избе. Арест дворян в Пскове. Бой 12 июля и казнь дворян. Репрессии против дворян и „лучших“ посадских людей. Отстранение архиепископа Макария от управления Троицким домом. Попытка Гаврилы Демидова обратиться за помощью в Литву. Слухи о литовской помощи. Тимошка Анкудинов и восставший Псков.

Глава 12.

Земский собор 1650 г. 135

Перелом в политике московского правительства по отношению к Пскову. Позиция патриарха Иосифа. Борьба придворных партий. Тревожное положение и возможность восстания в Москве. Выбор делегации для замирения Пскова. Земский собор, его состав. Соборные заседания 4 и 26 июля. Вопрос, что делать с псковичами, если они не покорятся. Новые уступки правительства. Боязнь волнений в Москве. Состав делегации, посланной в Псков.

Глава 13.

Правительственный переворот в Пскове 144

Обострение классовой борьбы в Пскове. Арест архиепископа Макария. Конфискация хлеба и оружия у дворян и детей боярских. Конфискация имущества Федора Емельянова. Вопрос о литовской помощи восставшему Пскову. Подготовка правительственного переворота в Пскове и его причины. Новое правительство всегородной избы, поставленное „лучшими“ людьми. Шансы восставшего города на сопротивление. Тяжелое положение правительственных войск.

Глава 14.

Падение Пскова 158

„Власти и выборные“ в дороге. Противоречивые вести из Пскова. Приезд делегации в Псков. Вопрос об изменной статье (о листе к польскому королю) в царской грамоте. Отсрочка крестоцелования и причины этой отсрочки. Попытка нового восстания и ее неуспех. Повинная челобитная казаков и пушкарей. Крестоцелование посадских людей не по сотням, а по желанию. Реставрация воеводской власти. Недовольство Хованского замирением Пскова.

Глава 15.

Ликвидация восстания. 166

Отъезд Рафаила и выборных из Пскова. Празднование усмирения Пскова при царском дворе. Последнее заседание земского собора. Дело Олферьева. Тревожное положение в Пскове. Взятие под арест в земской избе Гаврилы Демидова. Арест Прок. Козы и других стрельцов. Изветы на участников восстания. Непригожие речи о царе. Перевод Гаврилы Демидова и Томилы Слепого из земской избы в съезжую. Ссылка вождей восстания в Новгород с женами и детьми. Проводы участ-

Стр.

ников восстания всем городом. Извет на Дружину Бородина. Письмо Дружины Бородина к псковичам. Продолжение крестьянских волнений в Псковской земле. Партизанское движение. Непрекращающаяся классовая борьба в Пскове.

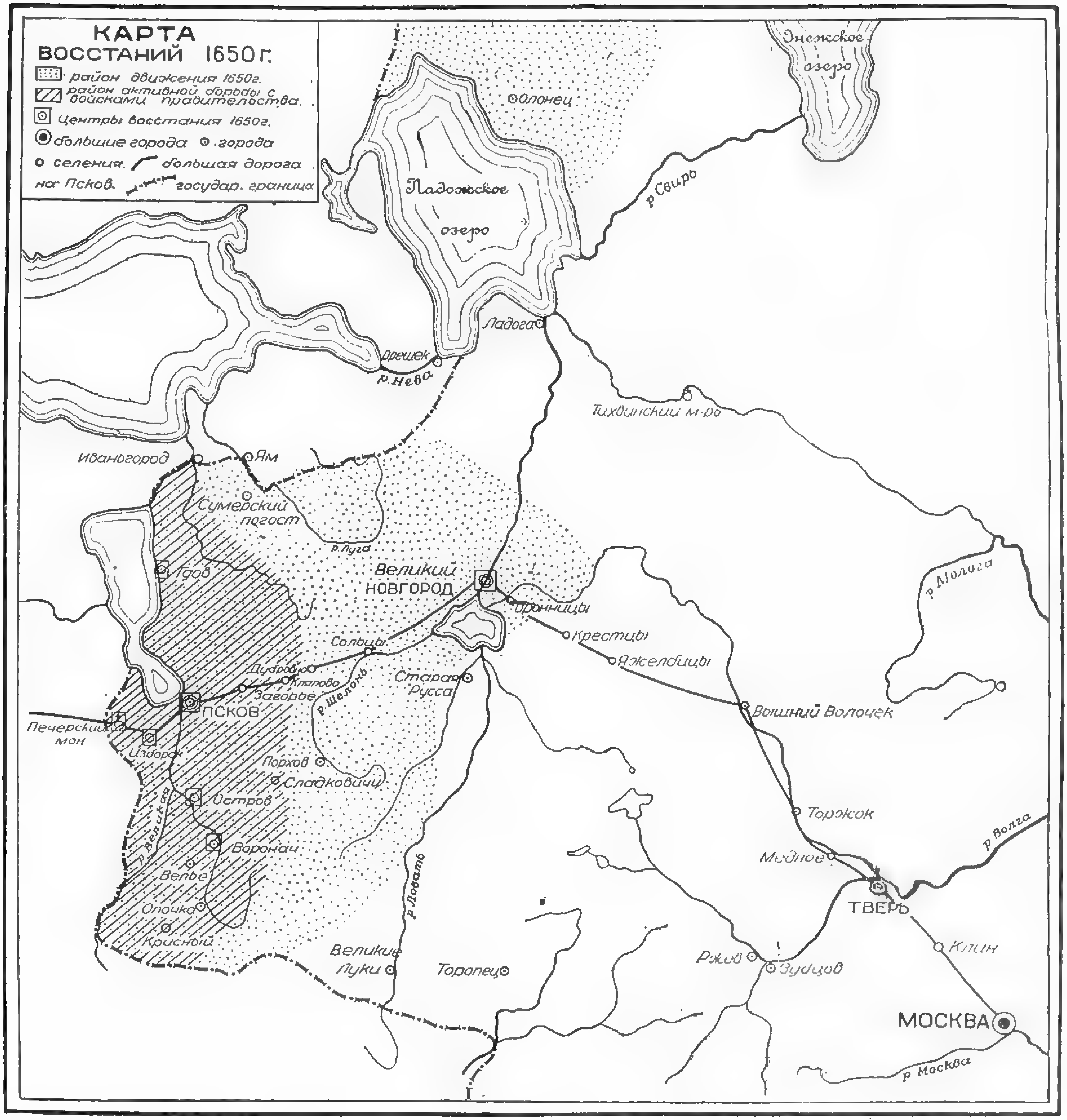
Источники и литература по истории восстания в Пскове в 1650 году . 179

Примечания. 183

Технический редактор *А. О. Далавассера* Ученый корректор *К. А. Топчевский*

Сдано в набор 26 мая 1935 г. —Подписано к печати 7 сентября 1935 г.—Формат бум. 62×94¹/₁₆.— 12³/₄ печ. л. + 1 геогр. карта-вкл.—35.872 зн. в л.—Тираж 5165 экз.—Уполн. Главлита Б-11115. АНИ № 729.—Заказ № 1855.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.



Псковское восстание

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

2/IX-39

Колич. пред. выдач__________

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 2595

Цена 6 руб. 25 к.

Переплет 2 руб.